

№ 2

Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1969

МАРТ — АПРЕЛЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

В. А. Лившиц. К изучению языка и стиля произведений В. И. Ленина.	3
Н. Г. Михайловская. Язык персонажей в пьесах Л. Леонова	10
В. и Вл. Луковы. О ремарках в пьесах Л. Леонова	14
В. П. Вомперский. Русские риторики XVII века	17
В. Б. Катаев. «Умри, Денис, лучше не напишешь»	23
В. Г. Краснов. Глаголы и прямая речь	30
Писатель правит	34
ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ	
Е. А. Василевская. Афанасий Матвеевич Селищев	36
СЛОВО ПИСАТЕЛЮ И ХУДОЖНИКУ	
В. Белов. Чистота, толкающая к убожеству	41
Н. В. Кузьмин. Графический образ русского слова	45
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Речь на сцене и в кино	
Л. И. Скворцов. Говорливые фильмы	47
А. Е. Балихин. Живое слово с экрана	53
И. Ю. Промптова. Выразительность сценического произношения	58
В. Я. Булохов. Слова-словята	63
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ	
Л. И. Виноградова, Э. М. Дурьгина. Теплые холодильники и сухие ливни	65
С. О. Цаленчук. Языковые ошибки на газетной полосе	71

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

А. В. Текучев. Школа и современность	73
Ответы на анкету журнала. Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова; С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков; Л. П. Федоренко	76
СПОР О РУССКИХ ИМЕНАХ	
С. И. Зинин. Нужны разные имена	88
А. А. Дементьев. Максимко, Тимошка и другие	91
А. Ф. Василенко. «Сибирские» фамилии	96
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ	
А. С. Львов. Бахвал. Дача. Метель	99
Что читали древние?	102
ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ	
Л. Я. Маловицкий, Р. Н. Попов. Профессии, которые мы выбираем	103
Н. И. Герасимов. Учитесь читать медленно	104
КОНСУЛЬТАЦИИ	
Словарь начинающего филолога	113
Ю. В. Солоницын. Дата прописью	116
Т. А. Сумникова. Термины родства и свойства	117
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	123

На обложке: Л. Леонов «Русский лес»
Гравюра Э. А. Широга

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Хроника

СЛАВЯНЕ И ТЮРКИ

21—22 ноября 1968 года в Институте языкознания АН СССР состоялся симпозиум «Тюркские лексические элементы в языках западных и восточных славян», в котором приняли участие слависты и тюркологи. Было заслушано и обсуждено около 30 докладов и сообщений, анализирующих этапы взаимодействия славянских языков [и в первую очередь русского] с языками различных тюркских народов в ходе многовековых куль-

турно-экономических и военных связей. На симпозиуме выяснилось, что преподаватели языковедческих кафедр многих высших учебных заведений и сотрудники языковедческих научно-исследовательских институтов проводят серьезную работу по изучению тюркизмов в русском языке.

Для того чтобы проследить историю каждого тюркского слова, необходимо иметь материалы, которые показали бы, как и когда оно употреблялось в русском языке. Делаются обширные выписки из памятников древнерусской письменности и произведений русских писателей, свидетельствующих об употреблении слов тюркского происхождения. Эти

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В. И. ЛЕНИНА

[Некоторые приемы полемики]

В истории революционной публицистики полемические произведения В. И. Ленина представляют одну из самых замечательных вех. Это непревзойденный образец теоретического обоснования и творческого развития марксистской науки.

В. И. Ленин различал два вида полемики: с идейными друзьями и с врагами. Принципиальная полемика с друзьями и соратниками придает публичному выступлению боевую направленность, активный, целеустремленный характер. «Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно» (Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 166).

С политическими врагами В. И. Ленин учил всегда вести непримиримую борьбу, писать так, чтобы «возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям» (т. 15, стр. 298). В. И. Ленин спорил горячо и страстно.

«Его доклад,— пишет К. Цеткин,— мастерский образец его искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, на-

умолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией...» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. II. М., 1957, стр. 470).

Полемические выступления В. И. Ленина отличаются предельной остротой и меткостью многочисленных обличительных характеристик и оценок идейных врагов партии и марксизма. Большинство из них построено на основе сочетания слов, в речевой практике обычно не соединяемых.

Широко пользуясь этим испытанным в сатире приемом, В. И. Ленин называл, например, теоретиков эмпириокритицизма профессоров-экономистов «клоунами буржуазной науки» (т. 18, стр. 337), ученика Маха Корнеулиса — «урядником на профессорской кафедре» (т. 18, стр. 229), эсеров — «рыцарями революционного красноречия» (т. 32, стр. 231).

Построенные на метафоре ленинские характеристики отличаются тонким юмором и совершенно конкретной образностью. (Сравните аналогичные словосочетания у В. Г. Белинского: «проповедник кнута, апостол невежества», «поборник мракобесия»;

у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «рыцари безнаказанной оплеухи»; у М. Горького: «фабриканты пушек и ликеров»).

Большинство характеристик построено как словосочетания с родительным приименным, например: «политика хвостизма», «партия середины», «герои фразы», «герои „оговорочки“», «клубок путаницы», «перлы бесмыслицы» и др.

Нередко пользовался Владимир Ильич и меткими перифразами других выдающихся публицистов. Выражение Ф. Энгельса «эклектическая нищенская похлебка» В. И. Ленин применял, характеризуя теорию Маха и Авенариуса (т. 18, стр. 59, 62, 132), выражение И. Дидгена «дипломированный лакей поповщины» использовал, обличая сменовеховца Питирима Сорокина (т. 45, стр. 32) и вообще сборников фидеизма (т. 18, стр. 117, 142, 363 и др.).

В золотой фонд публицистической фразеологии вошли созданные В. И. Лениным метафоры и перифразы.

Иронизируя над идейными врагами, В. И. Ленин нередко употреблял слова в противоположном значении — прием, называемый антифразисом. Например, глагол **углубить** в заголовке «Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова» («Что делать?») выступает в значении 'исказить', а глаголы **исправить**, **развить** в заголовке «Как Богданов исправляет и „развивает“ Маркса» («Материализм и эмпириокритицизм») — в значении 'запутать'. Такое ироническое словоупотребление у В. И. Ленина иногда сочетается с перифрастической манерой изложения. Так, об изданиях Мартова и Потресева В. И. Ленин писал, что они «издают такой цельный и сильный аромат, что сразу чувствуешь себя как в лакейской» (т. 39, стр. 139).

Сопоставление резко противоположных понятий (иначе антитеза) — один из часто употребляемых приемов В. И. Ленина в полемике с меньшевиками. Вот один из многочисленных примеров:

«Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе

без разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой действительности, другая — мертвенным резонерством» (т. 11, стр. 26—27).

По убедительности эти положения В. И. Ленина напоминают математические формулы. Показательны здесь и заголовки многочисленных статей и разделов некоторых работ В. И. Ленина, сразу нацеливающих читателя на полемический ход мысли: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», «Смелый натиск и робкая защита», «Борьба за власть и „борьба“ за подачки» и др.

Образные сопоставления Владимир Ильич часто черпал из художественной литературы или фольклора. В речи на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году (она была произнесена по-немецки) В. И. Ленин ярко показал различие между объективной сущностью, как он шутивно выразился, «глупостей» большевиков (крайние меры, вызванные нэпом) и подлинных глупостей «героев II Интернационала» (результаты их предательства интересов рабочего класса и революции). Несколько изменив известные слова из романа И. С. Тургенева «Рудин», он иронически заметил: «...если большевики делают глупости, то большевик говорит: „Дважды два — пять“; а если его противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: „Дважды два — стеариновая свечка“» (т. 45, стр. 291).

Если необходимо едко высмеять противника, В. И. Ленин нарочито возвеличивает его, награждает так называемыми «похвальными» эпитетами. В книге «Что делать?» эпитеты, относящиеся к Мартынову — «почтеннейший экономист», «незабвенный Мартынов», «неподражаемый талант» и т. п., — воспринимаются читателем в явно сатирическом плане. Комический эффект здесь создается из-за несоответствия между подлинными значениями этих слов и теми, которые они приобретают в контексте.

В докладе на V съезде РСДРП В. И. Ленин, разоблачая либеральных профессоров, выступавших в 1905 году против бойкота булыгинской Ду-

мы, передает своими словами содержание статьи профессора Виноградова и по ходу изложения включает в текст «похвальные» эпитеты, с помощью которых язвительно высмеивает его позиции: «Профессор Виноградов, звезда либеральной науки, писал именно тогда: было бы счастьем для России, если бы наша революция пошла по пути 1848—1849 гг., было бы несчастьем, если бы она пошла по пути революции 1789—1793 гг. Счастьем назвал сей „демократ“ путь неоконченной революции, путь побежденного восстания! Если бы наша революция расправилась со своими врагами так же беспощадно, как французская в 1793 г., то тогда, по мнению „либерала“, пришлось бы призвать для восстановления порядка прусского вахмистра» (т. 15, стр. 336—337). Слова, заключенные в кавычки, и «похвальные» эпитеты (подчеркнутые нами) наглядно разъясняют истинные позиции профессора Виноградова.

Политическая пронизательность и дальновидность — характерные черты Ленина-полемиста. Он умел использовать малейшую возможность, чтобы неожиданно поразить противника, привести его в замешательство, а иногда заставить отказаться от задуманного.

Предлагая Луначарскому написать статью для меньшевиков-новоисковцев, Владимир Ильич советовал: «Пригвоздите их за их мизерный способ войны. Сделайте из них тип. Нарисуйте их портрет во весь рост по цитатам из них же» (т. 47, стр. 63).

У В. И. Ленина этот прием обычно сочетается с нарочитым возвеличиванием противника. Так, возмущаясь хвалебной оценкой, которую новая «Искра» дала статье, помещенной в первом номере газеты «Социал-Демократ» (орган меньшевистского Тифлисского «комитета»), по содержанию импонирующей откровенно буржуазно-либеральному направлению этой газеты, В. И. Ленин приводит выдержку из новоисковской оценки: «Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная умелая рука редактора-писателя... Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе за-

дачу» (разрядка в цитатах всюду наша.— В. Л.). Употребляя выделенные нами слова в противоположном смысле, он обрушивается на составителей дифирамба: «Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому полное идейное разложение новоисковства, то она выполнена действительно „блестяще“». Более живо, талантливо и умело выразить принижение новоисковцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы» (т. 11, стр. 54).

Характеризуя стиль статьи М. Неведомского о Л. Н. Толстом как образец либерально-интеллигентской декламации и трескучего фразерства, Владимир Ильич по поводу тягучей, утомительно длинной и неприятно звучащей фразы «Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала совести» саркастически заметил: «Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднования» (т. 20, стр. 93—94).

К литературным образам В. И. Ленин обращался постоянно. Так, первого либерала Гейдена он сравнил с помещиком Пеночкиным из «Бурмистра» Тургенева (т. 16, стр. 43), народника Южакова — с щедринским «либералом» (т. 1, стр. 268), Троцкого — с Иудушкой Головлевым (т. 20, стр. 96) и т. п. Образ говелевского Петрушки, который «находил любопытным, что из букв всегда выходят слова», В. И. Ленин использовал для оценки метода, который применяет при чтении книг по философии махист Юшкевич (т. 18, стр. 57). «Ахиллесовой пятой» В. И. Ленин называл разоблаченное им наиболее уязвимое место формулировки Мартова по поводу того, кто может быть членом партии (т. 8, стр. 257). «Авгурами», то есть людьми, излагающими свои теории непонятным языком, чтобы сознательно ввести в заблуждение дру-

гих, В. И. Ленин окрестил эмпириокритиком Маха, Авенариуса, Петцольдта (т. 18, стр. 79).

«Бывают такие крылатые слова,— говорил Ленин,— которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (т. 25, стр. 138).

Он включал в текст своих полемических произведений крылатые выражения «применительно к подлости» (т. 1, стр. 268), «сидеть между двух стульев» (т. 6, стр. 43) М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Брите, да знайте же меру» (т. 18, стр. 101) А. С. Грибоедова, «человек в футляре» (т. 11, стр. 40) А. П. Чехова и многие другие.

В своих воспоминаниях В. А. Карпинский приводит пословицы и поговорки, которыми часто пользовался Ленин, высмеивая идейных врагов: «„Проливают крокодиловы слезы“ — говорил он о черносотенных газетах, выражающих скорбь по случаю смерти Л. Толстого и в то же время восхваляющих Синод за отлучение его от церкви; „Вьются ужом“ — про оппортунистов, лавировавших между двумя противоположными точками зрения; „Вертятся словно черти перед заутренней“ — про новоискровцев, всячески увертывающихся от прямого ответа на поставленные вопросы; „Хорошо поет, где-то сядет“ — о либералах, о министрах-социалистах; „Щуку бросили в реку“ — о комиссии по борьбе с разрухой, составленной в большинстве из капиталистов; „Сапоги всмятку“ — о научных дефинициях П. Струве» и т. п. («Ленин — мастер революционной пропаганды». М., 1965, стр. 139—140).

В. И. Ленин нередко обновлял лексический состав пословиц, заставляя их звучать с еще большей сатирической силой. Например: «Услужливый Струве опаснее врага» (т. 9, стр. 71); «Для русских махистов сильнее Плеханова материалиста нет» (т. 18, стр. 84). Словами пословицы Владимир Ильич буквально уничтожил эсеровского публициста Надеждина: «Русская пословица говорит: не плюй в колодец — пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано» (т. 6, стр. 165).

Высмеивая своих врагов, порой очень резко, В. И. Ленин, однако, ни-

когда не терял чувства полемического такта; наступательную страстность сочетал с трезвой оценкой фактов. Сатира, тонкая ирония никогда не были самоцелью, не ущемляли личности критикуемого, а всегда служили выяснению существа вопроса — и в этом огромное обаяние ленинского полемического таланта. Нередко в споре В. И. Ленин намеренно сталкивает мнения своих противников.

Этот прием он использует, чтобы показать, что предстатели разных политических группировок в конечном счете едины в своих интересах и одинаково вредны для партии пролетариата и революции. Такую, например, комментарий В. И. Ленина к статье П. Струве:

«В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье „Как найти себя“ (№ 71 „Освобождения“) г. Струве идет войной на „программный революционизм“ наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен. Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся „экономизмом“ новоискровцев и полной беспринципностью „социалистов-революционеров“ я не мог бы и желать... Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте в долгий ящик своего великолепного плана!» (т. 11, стр. 54, 55, 56).

Комментируя в таком направлении статью Струве, В. И. Ленин продолжает: «Нам важно для нашей темы отметить, с какими **практическими** лозунгами воюет в настоящее время такой политически чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды предстатель русской буржуазии» (т. 11, стр. 56). Далее Ленин подчеркивает, что единство лозунгов и принципиальное одобрение г. Струве действий новоискровцев сослужило партии «верную, честную и истинную службу» (т. 11, стр. 55). Полемизируя таким образом с новоискровцами, Владимир Ильич припирает их буквально к стенке: «Видите ли вы теперь, товарищи новоискровцы, куда привел вас ваш поворот к мартиновщине? Понимаете ли, что ваша политическая платформа оказалась перепевом философии освобожденской? — что вы оказались (против воли и по-

мимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии?» (т. 11, стр. 62).

На IX съезде РСДРП(б) В. И. Ленин полемизирует с товарищами. Ставя вопросы и давая развернутые ответы на них, Ленин наглядно показывает, что различие между господством буржуазии и пролетариата прежде всего в отношении к собственности: «В чем выражается господство класса? В чем выражалось господство буржуазии над феодалами? В конституции писалось о свободе, о равенстве. Это ложь. Пока есть трудящиеся, собственники способны и даже вынуждены, как собственники, спекулировать. Мы говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулянт — трудящемуся.

В чем выражается сейчас господство класса? Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность. Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической, сводился к одной собственности. Наша Конституция потому имеет право и завоевала себе право на историческое существование, что не на бумаге только написано, что собственность отменяется. Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса» (т. 40, стр. 251).

Речь, близкая к беседе, спокойный уверенный тон, разговорная интонация делают ленинскую мысль доходчивой, а доводы убедительными.

Резко меняется характер вопросно-ответного хода, если спор идет с противниками партии.

Возмущаясь преступной тактикой новоискровцев, намеренно закрывающих глаза на революционную ситуацию в стране и готовность народных масс к вооруженному восстанию, В. И. Ленин в «Двух тактиках...» засыпает их градом вопросов, в которых за нарочитой интонацией сомнения звучит явное презрение. Вопросы сформулированы как риторические: «Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и

критика оружия не должна теперь же являться не обходимым и обязательным преамбулом, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?» (т. 11, стр. 60).

Далее, во второй части конструкции, мнимая интонация сомнения переходит в интонацию решительного осуждения. Ответы, тоже в форме риторических вопросов, отличаются предельной конкретностью. Звучит всесокрушающая ленинская критика: «Посмотрите вокруг себя, высунуться из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни как „аргумент“ самодержавия? Разве буржуазия — даже буржуазия — не создала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что „открытый характер революционных действий“ (вот мы как нынче!) „в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы!“» (т. 11, стр. 60—61).

В. И. Ленин обладал способностью удивительно ярко и красочно передавать или конструировать диалог между ним и его противниками, диалог, состоявшийся или предполагаемый. На заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов в 1922 году Владимир Ильич говорит о необходимости и целесообразности введения экстренных мер, вызванных обстановкой гражданской войны и разрухи. В ходе речи он приводит отрывки из диалога со своими противниками.

«Наши противники думали, что они покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: „Ни на какие уступки не пойдем“. Мы ответили: „Если вы думаете, что мы на крайние коммунистические меры не решимся, то ошибаетесь“. И мы решились, мы это сделали, и мы победили. Сейчас мы говорим, что этих позиций нам не удержат, мы отступаем, потому что у нас достаточно завоевано, чтобы удержат за собой нужные позиции. Вся белогвар-

дейщина во главе с меньшевиками и эсерами ликует и говорит: „Ага! вы отступаете!“ — Ликуйте, этим вы убожаете себя,— говорим мы. Нам это выгодно, если наш неприятель, вместо деловой работы, занимается самоублажением. Торжествуйте, вы ставите нас в еще более выгодное положение тем, что иллюзиями убожаете себя» (т. 45, стр. 10). В последнем замечании В. И. Ленина звучит, с одной стороны, убийственная ирония, буквально уничтожающая врагов революции, с другой — твердая уверенность в полной победе партии.

Активизации, оживлению полемики во многом помогает такая ее организация, при которой выступающий как бы вовлекает в спор отсутствующих в данный момент, но заинтересованных в деле людей.

Разоблачая антимарксистские взгляды меньшевика Базарова, Ленин как бы обращается к воображаемому противнику и в узловых пунктах спора повторяет две фразы «Путааете, тов. Базаров! Недурно, тов. Базаров!»:

«...„Агностик спрашивает: откуда мы знаем, что наши субъективные чувства доставляют нам правильное представление о вещах?...“ Путааете, тов. Базаров! Энгельс не говорит сам и не приписывает даже своему врагу, агностику, такой бессмыслицы, как „субъективные“ чувства. Иных чувств, как человеческих, т. е. „субъективных“,— ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего,— не бывает. Вы начинаете опять подсовывать Энгельсу махизм: дескать, агностик считает чувства, точнее: ощущения **только субъективными** (агностик не считает этого!), а мы с Авенариусом „координировали“ объект в неразрывную связь с субъектом. Недурно, тов. Базаров!» (т. 18, стр. 112—113).

Убедительность положений Ф. Энгельса усиливается с каждой цитатой, которой оперирует Ленин, с каждой его репликой. «...Но что вы называете „правильным“,— возражает Энгельс.— Правильно то, что подтверждается нашей практикой; следовательно, поскольку наши чувственные восприятия подтверждаются опытом, они не

„субъективны“, т. е. не произвольны, или иллюзорны, а правильны, реальны, как таковые...». «Путааете, тов. Базаров!» (т. 18, стр. 113).

Язык этого отрывка отличается предельной драматизацией. Мы ясно слышим голоса спорящих. Повествовательная интонация чередуется с восклицательной; спокойный, убедительный тон, присущий комментированию цитат, сменяется эмоционально-экспрессивным, насмешливо-ироническим. Живость, разговорный характер полемики В. И. Ленина придают также ярко выделяющиеся на фоне книжных слов и философских терминов просторечия **дескать, подсовывать, недурно** и др., наличие повторов, вставных предложений, модальных слов и восклицаний.

Ленин — страстный оратор и всегда внимательный, всегда сосредоточенный слушатель. По ходу спора он нередко задает возмущающий всех вопрос, вставляет неожиданную реплику, обычно приводящую противника в смятение.

О. Лепешинская вспоминает о молодом Ленине, вступившем в спор с П. Струве: «Скосив глаза, Струве пренебрежительно поглядывал на дерзкого оппонента, но тот, нисколько не смущаясь, заложив пальцы за края жилетки, горячо и убедительно продолжал свою критику маститого „учителя молодежи“. В конце спора молодой человек бросил своему противнику реплику: „Если ваша мысль будет идти и дальше в этом направлении, то меня нисколько не удивит встреча с вами когда-нибудь по разные стороны баррикады“». («Ленин — мастер революционной пропаганды». М., 1965, стр. 20).

Проанализированный материал позволяет судить о блестящем мастерстве Ленина-полемиста, его стилистической изобретательности в использовании средств русского языка. Наш долг — изучать язык Ленина, величайшего трибуна революции. Полемические приемы, выработанные В. И. Лениным, должны быть взяты на вооружение многотысячной армией лекторов, агитаторов, пропагандистов.

В. А. ЛИВШИЦ
Донецк

Л. М. Леонову – 70 лет

*Дорогой Леонид Максимович!
Редакция журнала «Русская речь»
в день славного юбилея приветствует
в Вашем лице выдающегося мастера
русского слова, отразившего
в своих трудах события всемирно-
исторического значения. Ваши про-
изведения – художественная летопись
прожитого Вами времени, написан-
ная прекрасным русским языком.
Желаем Вам доброго здоровья и
новых творческих достижений.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЯЗЫК ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЬЕСАХ ЛЕОНОВА

Язык персонажей в драматических произведениях выполняет очень важные художественные функции, как ни в одном другом литературном жанре.

В речи героев сказывается их характер, социальное положение, профессия. Речевые характеристики всегда — в большей или меньшей степени

— психологичны, так как выражают внутреннюю сущность героев. Их образы получают свое воплощение в первую очередь через язык. Основная мысль, идея пьесы также передается устами действующих лиц. Поэтому язык драматургического произведения, пожалуй, более идеологичен, чем язык любого другого жанра художественной литературы. Пьеса в прочтении и пьеса на сцене могут отличаться расстановкой смысловых акцентов. В последнем случае многое зависит от режиссера и исполнителей. Но в первом читатель остается наедине с автором, и восприятие пьесы целиком зависит от ее языкового выражения.

Речевые характеристики в пьесах Л. Леонова чрезвычайно многообразны. Писатель использует элементы разговорного и литературного языка. Соотношение устной и книжной стихии определяется и характеристикой персонажа, и сюжетной ситуацией, в которой произносится реплика. Один и тот же языковой прием может иметь совершенно разное идейное звучание.

Остановимся на различных функциях метафорической речи персонажей. Большая насыщенность метафорами свойственна тяготеющей к афоризму речи полковника Березкина (Золотая карета): «Березкин: Войну нельзя разжалобить. Вы знаете, в какую погоду мы живем. Сталь куют заранее. Когда клинок на взмахе, любая раковинка рвет его пополам». Березкин — «совесть войны», для него не существует компромиссов. Выражением этой стихии возвышенных размышлений о событиях и служит обилие тропов, присущее речи Березкина в целом.

В других случаях метафорический строй прерывает обычную для персонажа разговорную речь и служит выражением его духовного мира в кульминационный момент:

«С векол ки н:... Только самое простое вечно. Другая красота стучится в мир, и если ей завтра не откроют дверь, она взломает стены!» (Обыкновенный человек); «Юлий (с неожиданной искренностью): Так бывает: приезжаешь на место, и сперва тебя ведут по холодному и темному коридору, и ветер на душе. Но вдруг приходят теплые люди, и точно полвека прожил с ними. И вот уже сердце с кровью приходится отрывать!» (Золотая карета).

Наконец, образная речь действующих лиц может быть использована и для создания комического эффекта: «Турковская: О, я могла бы требовать, чтобы вы огнем и мечом пресекали подобное злодейство... но я прошу, я смиренно прошу у вас, как Фридрих Великий в Сарагоссе, только трехминутный разговор» (Золотая карета). Ср. с драматическим эффектом того же приема: «Березкин: Во имя того, чтоб не замолк детский смех на земле, я многое предал огню и подавил без содроганья» (там же).

Почему один и тот же языковой прием в устах разных персонажей вызывает различную реакцию, в одном случае — сочувствие, в другом — смех? Это связано прежде всего с идейным содержанием образа. Турковская, стяжательница и мещанка, не может вызвать сожаления даже в трудную для нее минуту. Употребление слов высокого стиля *огнем и мечом, злодейство* рядом с бытовым *трехминутным разговором* снижает пафос, низводит патетику на уровень кляузы.

В пьесах Л. Леонова смешное и страшное идет рядом. Внешнее добродушие и беззлобие вдруг обнаруживает звериный оскал. Таковы персонажи пьесы «Нашествие» Кокорышкин и Фаюнин. О Кокорышкине в ремарке сказано: «восходящая звезда». «Звезда» восходит во время гитлеровской оккупации. Речь Кокорышкина изобилует словом-ером: «уезжают-с», «пустяк-с» и т. д. Иногда его реплики напоминают речь приказчиков: «Добро пожаловать, Николай Сергеевич. Измучились, ожидавши». Но это только видимость. «Восходящая звезда» норовит в начальники полиции. Неумное честолюбие Кокорышкина и желание властвовать раскрываются в его репликах, например: «Мои мечтания больше все из области сельского хозяйства. Диоклетиан, царь, удалился от государственных дел для рращения капусты. В Иллирию!». И, когда заветный чин главного полиция становится все реальнее, Кокорышкин в холуйском запале восклицает: «Упарят они меня нынче. Откажусь, откажусь... Капусту стану садить!». Диоклетиан даже не упомянут, но корни «капусты» зарыты не так уж глубоко.

К иносказанию Л. Леонов прибегает и в репликах другого персонажа, Фаюнина, бывшего купца, ныне — при гитлеровской оккупации — городского головы. В авторской ремарке дается такая характеристика: «из мертвецов». Чужеродность Фаюнина в советском обществе, социальное несуществование подчеркивается его речью, обильно уснащенной церковнославянизмами. Язык Фаюнина содержит множество намеков на библейские эпизоды: «Странствую, как Лазарь... в пеленах, в коих был схоронен»; «Где пешком, где опрометью — светлый день грядет... И падем на плиты и восплачем, изгнанники рая». Образ Фаюнина во многом сходен с образом Кокорышкина и по целому ряду особенностей речевой характеристики. Как лакейская манера речи прикрывает честолюбие Кокорышкина, так и «божественные» притчи Фаюнина — только ширма для купеческих устремлений: «Одна газетина парижская писала, что-де лен фаюнинский нежней, чем локоны

Ланкло Ниноны». А в дальнейшем эта реплика получает такое выражение: «Не о фирме мечтаю. Не до локонов Ниноны: сыновья на отцовские кости ложатся мертвым сном спать». Весьма примечательная особенность: для двух близких образов автор прибегает к одинаковому языковому приему — трансформация одной реплики, особенно значимой для данного персонажа.

Л. Леонов никогда не злоупотребляет навязчивым использованием отдельных слов и словечек для характеристики действующих лиц. Но слово, даже редко употребляемое на протяжении всего текста пьесы, может стать своего рода языковым «ярлыком» данного персонажа. Вот, например, образец речи Мосальского, переводчика в гестапо из пьесы «Нашествие»: «Если ты не перестанешь скалиться, потаскуха, я сам сдеру этот смех с твоей морды». Другой персонаж этой пьесы, подпольщик Татаров, рассказывает о допросе в гестапо. Здесь автор использует косвенно-прямую речь: «Ну, тут кэ-эк п-у-стит он меня по своей немецкой матушке... „Это ты, кричит, Татаров... ты, потаскуха, вместе с Колесниковым эшелон под откос пустил?“». «Он» не назван. Но и читателю и зрителю ясно, что это Мосальский. Дело не только в бранном «потаскуха», но и в синтаксической конструкции реплики и, главное, в общем языковом строе пьесы, на фоне которого слово — только дважды употребленное в тексте — становится речевым опознавательным знаком действующего лица.

Речь персонажа неразрывно связана с его человеческим характером. Дашенька (Золотая карета), добрая женщина и вдохновенная сплетница, становится истинной народной сказительницей, упоенно рассказывая о чужой судьбе: «...И пошел он с горя в страну Памир, да и канул: то ли в пропасть сорвался, то ли со спирту зачах». Автор намеренно и умело подрывает лиричность фольклорного стиля оборотом *со спирту зачах* (ср. *в темнице зачах* в народных сказках), — лиричность оборачивается комической стороной. Еще ярче эта индивидуальность Дашенькиной речи проявляется в ее жалобах: «Заманули, злодеи, пташку в сырую темницу, загубили в самом расцвете сил. Туфли чинит — денег не берет, полный ремонт жилищплощади предлагают — нос воротит...». Комичность в этом случае создается стиливым несоответствием первого периода — «заманули, злодеи, пташку...» и второго — «туфли чинит — денег не берет...».

Смешное по форме не всегда смешно по своей сущности. Словесное шутовство Федора Таланова (Нашествие) на деле скрывает его душевную сумятицу. Здесь Л. Леонов прибегает к сравнительно-вводным оборотам: «Федор: Как говорится в романах, из стены вышел призрак средних лет. Гутен абенд, бояре!». Или: «Федор:.. Как говорится в романах: и он удалился, низко опустив голову. Зря зашел, наследил только. (Наклоняясь к ногам). Вы чего тут наделали в благородном семействе? Пошли воп!».

В другом случае Федор обращается к пальто: «(Он ставит пальто торчком у двери на полу). Не по чину на вешалку-то, по-

стоит и так. (Пригрозив пальцем, как собаке). Стоять!». Прием обращения к неодушевленному предмету у Л. Леонова может иметь различный смысл. Вспомним хотя бы романтическое и взволнованное прощание Аннушки из пьесы «Обыкновенный человек»: «Еще последнюю минутку, папка. Ну, прощайте все. Старые березы, прощайте! Красивый диван, прощай! И ты, многострадальная картина... Смотри, не падай!». Реплики Федора строятся на основе разговорной речи, реплики Аннушки — на особенностях художественно-литературной.

Л. Леонов никогда не перегружает речь персонажей терминологической лексикой. Мы не слышим от его героев профессиональных разговоров. Употребление термина естественно — персонаж вынужден к нему прибегать, например:

«А лексей!.. И потребовалось привить ей [обезьяне] одну новую болезнь...

А н н у ш к а (подняв глаза). Какую?

А л е к с е й. Вы же все равно не поймете. Геморрагический нефрозо-нефрит, понятно?» (Обыкновенный человек). А как искусно вкраплены в речи Ладыгина намеки — только намеки! — на его сценическую деятельность. Это может быть сделано в форме сравнения: «Ладыгин: Нет, я, кажется, припомнил. Егоров — это верзила такой! На контрабас похож, и еще брови у него срослись у переносья?» (там же). В сравнении Егорова с контрабасом как раз и сказывается причастность Ладыгина к музыкальному миру. Или: «Ладыгин!.. И мой совет: целуйте его, целуйте до обручения». Накануне Ладыгин исполняет партию Мефистофеля в «Фаусте», и эта реплика — переиначенная цитата из «Серенады» Мефистофеля.

Под речевыми характеристиками обычно понимается язык отдельной роли в контекстах, наиболее показательных, существенных для данного действующего лица. Но в некоторых случаях автор характеризует один персонаж через речь другого, причем тот, о котором говорится в тексте, может и не фигурировать в списке действующих лиц. Этот прием использован Л. Леоновым в пьесе «Золотая карета»: «Березкин!.. Ну, я вызвал к себе эти восемьдесят шесть килограммов мужской красоты; «Мария Сергеевна!.. Ах, какая твоя боль, голова с усами!.. Ты боль испытываешь, только когда тебе зубы врут». «Восемьдесят шесть килограммов мужской красоты», «голова с усами» — это Щелканов, бывший однополчанин полковника Березкина и муж Марии Сергеевны. Сам же он на протяжении всех четырех действий пьесы не появляется. Приведенные реплики можно соотнести с речью Березкина и с речью Марии Сергеевны, но по существу этим приемом выражена авторская оценка, авторская характеристика Щелканова, которая получает соответствующую интерпретацию в зависимости от индивидуальных языковых особенностей персонажа.

Дашенька рассказывает о Серафиме Подыхаенко: «...Этакая змеечка, гибкая, двадцати восьми годков. Я с ней в бане мылась:

тело белое, пригожее, тонкое, в иголку проденешь». Образная конструкция *в иголку проденешь* используется и в народно-разговорной речи Параши (Обыкновенный человек) [об Анпушке]: «Девушка... приезжая, чистенькая такая, цветы просится передать. И прогнать-то жалко... всю-то в иголочку ее проденешь!».

Речь персонажей пьес Л. Леонова чрезвычайно богата и многообразна. Элементы просторечия и художественные тропы, специфические особенности разговорного языка и литературного находятся в динамическом взаимодействии. Индивидуальное прежде всего проявляется в сопоставлении с общим. Точно так же можно выделить стилистически окрашенные элементы только в сравнении с нейтральными. Речевые особенности обусловлены не только характером персонажа, но и развитием действия, композицией пьесы. Поэтому естественно, что язык разных персонажей индивидуализирован не в равной степени. Но и в жизни не всякий человек имеет свои характерные речевые особенности. А персонажи Л. Леонова — это живые люди.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

О РЕМАРКАХ

В ПЬЕСАХ

Л. ЛЕОНОВА

Ремарка по своей сущности — не больше, чем указание актеру о поведении на сцене, иногда — краткое описание места действия. И, казалось бы, она никак не может отразить стиль писателя. Однако уже в творчестве некоторых драматургов XIX века встречаются ремарки, несущие несравненно большую смысловую нагрузку и обладающие стилистической характерностью. Вспомним знаменитый финал гоголевского «Ревизора». В драматургии XX века художественная функция ремарки продолжает расширяться. У Шоу, у В. Вишневского ремарка из краткого комментария превращается во внутренне необходимый элемент драматического действия. Именно таковы и ремарки в пьесах Л. Леонова. Достаточно открыть любую его пьесу, чтобы убедиться в этом.

Перед нами первая редакция «Нашествия» (1942), пьесы об интеллигенции и войне, об очищении и возрождении человека.

Большой ремаркой Леонов вводит нас в мир своих героев: «Низенькая комната в старинном каменном доме. Это квартира доктора Таланова, обставленная по моде начала века, когда доктор лишь начинал свою деятельность...». Подобные описания встречаются во многих пьесах. И вдруг: «С портфелем, в осеннем пальто и простенькой шляпе вернулась с работы Ольга. И вот тревога улицы вошла в дом вместе с сыростью на ее подошвах»; «Слышен разрыв бомбы, и второй — ближе. Музыка продолжается. Это борьба двух противоположных стихий...»; «Портрет Феди лежит на полу, и как будто насту-

пил новый вечер другого мира». Что это, ремарки или отрывки из философского романа? В ремарках обычно используется нейтральный пласт лексики. Л. Леонов в них размышляет, полемизирует, саркастически смеется: веселенькие занавесочки; жалобный звон хрустальных подвесок; игривая музыка; шустренькая мелодия. Сколько экспрессии в этих метких и порою язвительных определениях! Не менее ярки леоновские глаголы: откакивает, лакомится, просочился (господин артистической внешности), впорхнули (толстяк с вострущечкой) и т. д.

Эмоциональное отношение автора к изображаемому пронизывает всю художественную структуру ремарок, выявляясь в эпитетах, сравнениях, метафорах... Именно это эмоциональное отношение делает почти каждую леоновскую ремарку выпуклой, зримой, зачастую кинематографичной. Так, используя композиционный прием последовательного изменения планов, автор создает такую ремарку: «Она видит на полу оброненный платок Федора (Общий план). Вот она стоит над ним (Средний план). Она поднимает его (Крупный план). В центре большое красное пятно (Самый крупный план. Виден только окровавленный платок.)... Резко изменилось построение фразы. Теперь ремарка кажется уже не отрывком из романа, а частью киносценария.

Итак, ремарка может отразить стиль писателя. Леоновская ремарка имеет свое качественное своеобразие.

Как же Леонов работает над созданием ремарок? Попробуем сравнить старую редакцию пьесы с новой, появившейся не так давно. Л. Леонов до неузнаваемости переделал многие ремарки. По каким же направлениям идет правка?

1. Работа над исправлением стилистических и логических неточностей. Вкравшись в текст, эти неточности всегда мешают четкому восприятию мысли автора, а потому устранить их — долг подлинного художника слова. Так появляется исправление одной ремарки:

Его бесстрастное бормотание за- глушает яростный звон стекла.	Его бесстрастное бормотание за- глушается яростным звоном стекла.
--	--

Правильное понимание смысла первой фразы несколько затрудняется потому, что подлежащее и дополнение имеют одинаковую форму соответственно в именительном и винительном падежах. Становится неясным, что чем заглушается. В новой редакции этот просчет исправлен.

В первом действии дополнена еще одна ремарка:

Демидьевна закрыла окна фанер- ными щитами и включила свет.	Демидьевна закрыла окна фанер- ными щитами, включила свет и вы- шла к себе на кухню.
--	--

В первой редакции Л. Леонов забыл «отправить» пняю на кухню. Теперь совершенно оправданно звучит реплика Анны Николаевны: «Вы не обедали, Кокорышкин? Ступайте на кухню. (В дверь) Демидьевна, покорми Кокорышкина». Логическая неточность устранена.

2. Переработка ремарок в связи с изменением смысловой значимости реплик. Правки этого вида гораздо больше. Разбирая одни лишь ремарки, трудно понять, почему Леонов переработал, например, такое место:

Федор покривился при этом. Подобие конвульсии проструилось в лице Федора, стоящего перед отцом с закрытыми глазами.

Но обратимся к тексту и сравним оба варианта предыдущих строк:

«Мы тоже виноваты, Федор. Ты был первенец. Мы слишком берегли тебя от несчастий... и ты решил, что все только для тебя в этом мире». «Мы тоже виноваты, Федор: так всегда бывает с первенцами. Когда их слишком берегут от несчастий, они решают, что все только для них одних в этом мире».

Было: упрек только Федору вызывал его кривую усмешку (вечные наставления!). Стало: размышление о том, что так часто бывает, что так часто повторяется в жизни, вызывает подобие конвульсии на лице Федора (Да! ты прав, отец. Я сам об этом столько раз думал. Ты попал в самое сердце.)

3. Увеличение психологической нагрузки ремарки и уточнение психологической мотивировки. Л. Леонов так пристально вглядывается в душевный мир своих героев, что для него становится необходимым использовать все средства, в том числе и ремарку, для углубления психологической значимости эпизода. Вот, например, здесь:

Он взглянул на портрет; с позой мальчика на портрете. Ольга с тревогой смотрит, как мимоходом остановившись возле своей фотографии на стене, брат машинально воспроизводит ту же позу, с тем же наклоном головы, что и на портрете.

То, что раньше давалось как авторское замечание, теперь дано через восприятие Ольги. Так ремарка становится еще более емкой, и одновременно она помогает актеру точнее передать замысел автора. Л. Леонов очень внимателен к актеру. Во всех необходимых случаях он старается уточнить психологическую мотивировку его поведения на сцене. Так появляется следующее изменение:

Уходит, опустив голову. Она уходит с опущенной головой, и в ожидании последнего натиска Федор медленно оборачивается лицом к няньке.

4. Усиление философского и поэтического звучания пьесы.

Подвальное складское помещение, приспособленное под временную тюрьму... На парах... разместились люди, которым назначено провести здесь остаток их последнего дня. Приспособленное под временную тюрьму подвальное складское помещение... На парах... разместились люди, которым назначено провести здесь остаток дня и жизни.

Речь идет об одном и том же дне. Но добавлением всего лишь одного слова Л. Леонов создает глубоко поэтическую, философски насыщенную, торжественно-траурную картину. В первом варианте ремарка драматична, во втором — трагична.

В. и Вл. ЛУКОВЫ

РУССКИЕ РИТОРИКИ

XVII века

Русская культура XVII века дает много свидетельств возникновения и становления гуманистической мысли в жизни допетровской Руси. Одним из таких примеров является широкий интерес грамотных русских людей к риторике, особенно пробудившийся в эпоху становления нового русского литературного языка. Значение этого факта огромно, так как он свидетельствует о высоком развитии русской культуры того времени и показывает, что идеи Возрождения вызвали живой отклик у образованных русских людей.

Риторика, детище античной культуры, была одной из наук, или, как говорили в древности, искусств (латинское *ars* 'искусство'), которая включалась в число семи свободных искусств. В состав их входили арифметика, геометрия, музыка, астрономия, грамматика, риторика и диалектика (то есть логика и философия). Все вместе они составляли корпус естественнонаучных и гуманитарных знаний, которые преподавались в школе.

Классы в школах назывались по наименованию свободных искусств, или, как говорили в Древней Руси, художеств. Класс арифметики, например, был низшим классом, а классы риторики и диалектики — высшими. Практические цели преподавания «художеств» требовали от преподавателей писать свои учебники. Такими учебниками были, например, «Грамматика славенская» Мелетия Смотрицкого (1618), «Арифметика» Леонтия Магницкого (1703) и ряд риторик XVII — начала XVIII века. Так как наука в то время еще не вычленилась как особая дисциплина из знаний учебного, общеобразовательного характера, то поэтому учебники одновременно выполняли функции научных сочинений. Интересно, что и позднее М. В. Ломоносов называл учебники Смотрицкого и Магницкого «вратами своей учености».

Самая ранняя из дошедших до нас русских риторик была составлена в Вологде. Город Вологда и расположенные около него Кирилло-Белозерский монастырь и Ростов Великий были старыми центрами русской книжности и образования, где издавна изучались грамматика и риторика. В монастырях и в монастырских школах были образованные люди, которые, как говорилось в одном из документов того времени, «подлинно и достохвально извечны книжному учению и грамматику и риторию умеют».

Первая риторика была составлена епископом вологодским Макарием в 1617—1619 годах, когда он занимался преподаванием риторики (см.: Д. С. Бабкин. Русская риторика начала XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Вып. VIII. Л., 1954).

«Риторика» Макария написана на книжно-славянском языке московской редакции и представляет собою вольную переработку польской риторики, которая в свою очередь восходит к латинскому источнику. Составитель «Риторики» прекрасно ориентировался в теории античного красноречия. Он неоднократно ссылается на сочинения Демосфена, Квинтилиана и Цицерона, ораторов и теоретиков риторики.

Сложная природа текста «Риторики» отражается на ее языке. В ней встречается много латинских и польских слов. Вот несколько примеров: латинский термин поэтики *транслацио* (автор риторики разъясняет его как «перенесение слова»), латинские собственные имена на -us, которые передаются по-русски с формантом *-ий*, приводятся по-польски с формантом *-уш* (польское -usz): Тулиуш, Ликиниуш и т. д. Автор «Риторики» хорошо знал по-гречески. Ср., например, такие написания, как *Кикерь*, *Димостен*, в которых отражается греческое произношение, и современные написания *Цицерон*, *Демосфен*, в которых закреплено латинское произношение. Наряду со старославянскими, латинскими, польскими и греческими словами встречается много живых русских слов: одежда, коли, чево, надежа, пригожий и т. д. В тексте наблюдаются и живые севернорусские имена: Ондрей, Онтон, Остафей и т. д. В одном месте автор приводит русскую поговорку: «Был Федор Федором, до одного времени был думной думным».

«Риторика» Макария состоит из двух книг: книга первая «О изобретении дел» и книга вторая «О украшении слова». В первой книге автор дает определение риторики: «Риторика есть яже научает пути правого и жития полезного добрословия. Сию же науку сладкогласием или краснословием нарицают. Понеже красовито и удобно глаголати и писати научает». Чтобы стать ритором, необходимо много учиться, быть образованным человеком, или, как пишет Макарий, «быть зело хитрым (искусным) в науке речения». Содержание речей, или, по терминологии автора, «слов», должно носить общественный характер: «Ритору о таковых вещах говорить мощно (следует), которые в делах и на градских судах по обычаю и по закону господарства (государства) того где родился, бывають пригодные и похвальные».

Далее описаны функциональные разновидности литературной речи «роды речей» (например, «научающий, судебный, рассуждающий, показующий») и указаны отличия украшенной, риторической речи от речи простой, деловой, терминологически точной. В связи с этим риторика противопоставляется диалектике: «Диалектика простые дела показует, сиречь голые. Риторика же к тем делам придает и прибавляет силы словесные, кабы что ризу честну или некую одежду».

Наибольший интерес вызывает вторая книга «Риторики», посвященная вопросам украшенной речи: «Украшение слова есть, которое ясно и явно и сладкоречием или глаголанием дела и вещи объявляет и показует».

При создании произведения литературы, рекомендует Макарий, необходимо учитывать три требования. Произведение, во-первых, должно соответствовать нормам образцового, «истинного», как пишет он, литературного языка, во-вторых, иметь тропы и фигуры, то есть «вымыслы».

Наконец, в-третьих, в основу произведения должно быть положено «умножение вещей и дел», то есть языковые средства, употребляемые в произведении, должны соответствовать теме рассуждения или предмету изложения.

Следующие разделы руководства описывают «виды вымыслов» и «виды риторических слов».

К числу «вымыслов» относятся тропы и фигуры. «Что есть тропос?» — спрашивает автор и отвечает: «Сий речь слова пременение. То есть егда (когда) глас или слово от истиннаго свойственнаго

естества и описания переменяется, или обращает к подобной вещи или ко ближней». Пример, иллюстрирующий это определение, очень выразителен: «Филипп царь македонский величеством и высотой вещи и дел, сделанных и совершенных, пьяным (возбужденным, опьяненным) был. Зде (здесь) объявляет, что не имеет истиннаго объявляения пьянства».

Основной метод, с помощью которого разъясняется семантика тропов и фигур, — способ синонимического сближения и противопоставления слов, фразеологических единиц, словосочетаний, конструкций, близких по смыслу, но различающихся понятийными или экспрессивно-стилистическими качествами. Так, вместо глагола *разуметь* Макарий предлагает использовать три различные метафоры *держатъ*, *иметь*, *видеть*, к словам *царство*, *назнаменованье* он приводит их метафоры *скипетр*, *знамя*, глагол *обвинять* синонимизируется с *лаять*, существительное *философ* — с *печальник*.

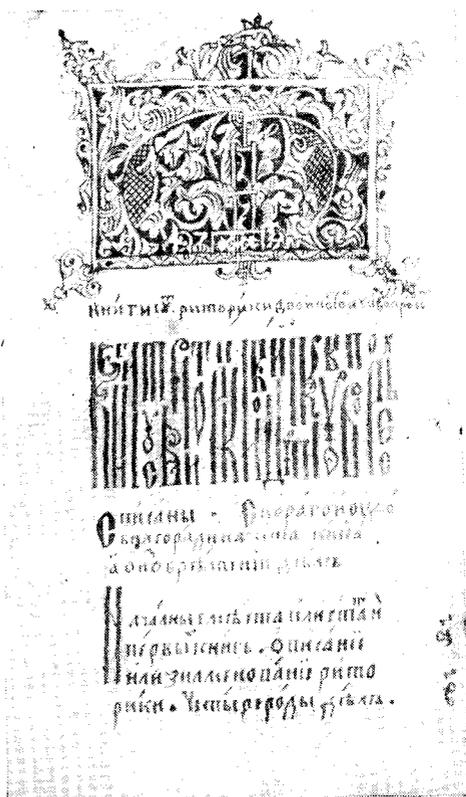

Рис. 1. «Риторика» Макария. Хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Собрание В. М. Ундальского, № 874

В ряде случаев автор дает реальный комментарий. Говоря о метонимии *долгое портнице* (ее значение «длинное платье, одежда») и ее эквиваленте слове *покой* (отдых) и чувствуя, что читатель не может понять смысл этой замены, Макарий сопровождает эту параллель следующим разъяснением: «У римлян был таков обычай, что долгое платье во время покою носили. А на службу, или когда война начинается, тогда платье складывали, паричали его тогда».

К фигурам относится аллегория.

— Что есть аллегория?

— Аллегория есть вечная и постоянная метафора. Не во едином слове, но в повести (повествовании, изложении). Егда которая речь вещь описуется и объявляется некоторым подобием. Яко же давити кого, вместо того глаголется, что есть виною до безголовного дела (убийства).

Макарий описывает несколько «образов» аллегории. Особый интерес представляет формулировка последних двух разновидностей аллегории «иронии» и «саркасмуса»: «Ирония есть некоторое хитрое молчание. Егда что самим делом объявляем широко. Саркасмус близко есть ироний, сий речь насмеяние, или поругания воображение». Далее в «Риторике» излагается учение о поэтических вольностях. Поэтические вольности — это система версификационных вариантов, облегчавших труд поэта.

Как известно, ритмическое строение русских стихов XVII — начала XVIII века (их еще называют виршинами) было основано на равном количестве слогов в стихе, а не на количестве ударений, как это было определено реформой Треднаковского и Ломоносова. Эти ученые и поэты описали систему русского силлабо-тонического стиха, который используется и в современной поэзии.

В виршевой поэзии было важно учесть все многообразие параллельных вариантов, чтобы, заменяя их, укладываться в нужный размер по числу слогов. Например, слова *город* и *град*, *болото* и *блато*, или *и иль*, *однако* и *однак* и т. п. различались числом слогов: первый вариант имеет на один слог больше, а второй — на один слог меньше. Таким образом, различия между вариантами устанавливались формально по числу слогов. Часто версификационные варианты представляли собою искусственно созданные слова, которые использовались только в виршах.

Учению о поэтических вольностях Макарий посвящает особый раздел — «О схематех сий речь начертаниях»: «Схема есть действие некоторое речения, в котором потребно есть пременить, ознаменованье слова или гласа». Состав поэтических вольностей он иллюстрирует следующими параллельными примерами: уроженый — роженный, вопросы — спроси, отдавши — отдав, вопиющи — вопия, вложи — вложил, продать — продати, малую — малу и т. п.

«Риторика» заканчивается главой «О трех родах глаголашия», то есть о трех стилях речи: высоком, среднем и низком. Это учение, изложенное Макарием, имеет своим источником теорию трех стилей литературной речи, которая была разработана античными риториками и поэтиками. В эпоху становления и оформления

европейских национальных литературных языков античный принцип выделения трех стилей стал использоваться для характеристики формирующихся языковых стилей в русском, немецком, французском, итальянском, польском и в других языках. «Эта глава „Риторики“ Макария,— пишет академик В. В. Виноградов,— свидетельствует о том, что в русском литературном языке второй половины XVI — начала XVII века уже обозначились общие контуры системы трех стилей, трех „родов глаголанія“» (Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. «Род высокий глаголанія» соответствует высокому стилю в системе стилей литературного языка XVIII века, «род мерный» — среднему, «род смиренный» — низкому. «Род смиренный,— пишет Макарий,— который не восстает над обычаем повседневногo глаголанія»). «Род высокий глаголанія» — это риторически украшенная речь. Послания, грамоты, стихотворные жанры, публицистические произведения автор «Риторики» относит к «мерному роду».

«Риторика» Макария пользовалась большой известностью среди грамотных людей. Ее переписывали, изучали, пополняли новыми материалами. Любопытное дополнение «О риторикѣ похвала и сказание», сочиненное повгородским книжником Иваном Козыревым в 1640 году. В нем автор «похвалы» от лица риторикѣ разъясняет читателю ее достоинства:

Аз есмь бо от седмих художеств честна и велика свободная мудрость, риторика нарицаюся, сиречь хитроречия источник, тем примите мя с любовнымъ вождедением, аз же дамъ вам з быстрымъ светлогоречием. Аз бо мудрость есмь сладкогласнаго реченія. Аз сладость дивнаго чиновнаго сказанія. Аз доброта неоскудеваемаго богатства. Аз сокровище некрадомаго стяжательства. Аз велеречие неотягчавающее ушесам. Аз от человек вражды темныя всегда отгоняю и в тоя место светлую любовь в нихъ вселяю. Аз гнев покиною и брань пошираю, благогостно вселяю и совет составляю. Аз лукавая словеса всегда посекаю и ложь обличаю и лесть отсекаю, а целомудрие утверждаю. Аз светлая слава и умная сила. Сего ради не можетъ мудр быти философ, иже неразумевый мене.

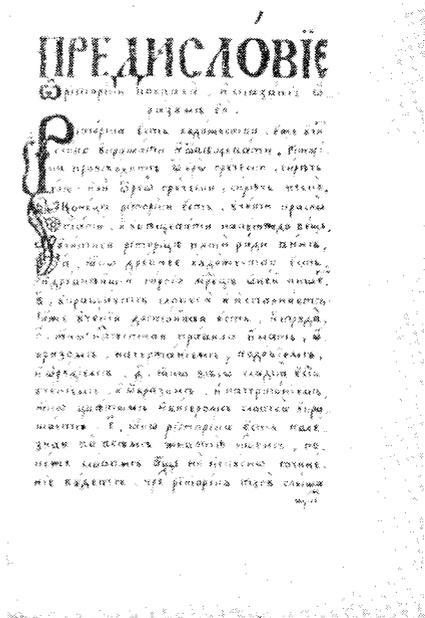

Рис. 2. «Риторика» М. И. Усачева. Предисловие «от риторикѣ похвала и сказание о разуме ея». Хранится в государственном историческом музее. Собрание П. Н. Щукина, № 803

На основе «Риторики» Макария Михаил Иоаннов сын Усачев создал в конце XVII века, в 1699 году, новую «Риторику». О «книгописце» Усачеве известно еще, что в 1697 году он переписал «Азбучный патерик».

Схему расположения материала Усачев заимствует у Макария, но его «Риторика» более обширна по своему изложению и значительно пополнена новыми наблюдениями и выводами. По Усачеву, «риторика есть искусство, еже учит слово украшати и отвещавати (отвечать)». Особенно много наблюдений и обобщений содержится в главе о трех стилях литературной речи — «О приличном положении речений и сказаний». На изложении понятия стиля в «Риторике» Усачева следует остановиться подробнее.

«Понеже известно есть, — пишет Усачев, — трегубья (тройные) быти вещи или дела, о них же речения и сказания (слова и выражения) составляются в глаголании. Иныя малыя, иныя средня, иныя великия, тем же и сия вещи трех родов требуют, по изглаголанию своему приличных, яже сугь смирное, среднее, высокое».

Итак, в основу понимания стиля Усачев кладет принцип трехчленного деления объекта исследования. Этот исследовательский прием автор «Риторики» использует на разных уровнях классификационных построений: на уровне предметов изложения — «вещей или дел», по его терминологии, тем повествования, языковых средств, стилей и жанров.

Но как бы ни были важны эти классификационные построения, в конечном счете выяснение природы языкового стиля зависит от выбора языковых средств, соответствующих предмету или теме изложения. Характеризуя стилистические отношения произведений древнерусской литературы, Д. С. Лихачев справедливо замечает: «Не жанр произведения определяет собою выбор выражений, выбор „формул“, а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул» (Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967).

Каждый уровень представляет собою родовое понятие, которое делится на три видовых. Например, на уровне предметов изложения выделяются высокие предметы изложения, средние и низкие, на уровне тем повествования вычлняются высокие, средние и низкие темы повествования и т. д. Благодаря такому членению, например, высоким предметам соответствуют высокие темы повествования, выбираются определенные языковые средства, создающие нужный тип литературной речи (в данном случае высокий), прикрепляются высокие жанры.

Если соответствия между предметом изложения и языковыми средствами нет, то, как пишет автор «Риторики», «зело неприлично бы было глаголание и разумнейшаго ритора, аще бы малую

вещь глаголением своим провозносящи употребил бы высокога рода глаголения».

«Высокий род глаголения,— замечает Усачев,— составляется из речений высоких, великих, великая изъясляющих изрядных схематами (украшениями) зело умножается. В произведениях этого стиля используются многочисленные тропы и фигуры.

«Смирный род глаголения токмо простым глаголением доволен есть, схемата же зело ретко к сему прилагаются речении собственными, и сказании обычными увеселяется». К «смирному роду» Усачев относит послания, «эпистолы», произведения деловой письменности.

Между этими родами речи находится «средний род глаголения, или мерный». Он составляется «от низжайшаго и смиреннейшаго и от высочайшаго». «Сей род средний,— пишет Усачев, широк есть, яко сему роду вся речеточества украшения надлежит». «Но,— замечает автор,— в роде сем схематов приличных роду высокому употребити недостойт».

Таким образом, в своем учении о трех стилях Усачев использует такие объекты, которые делятся на три части: предметы изложения, темы повествования, стили и жанры. Эти объекты выбраны им правильно.

Но если говорить о языковых средствах, о том содержании, которое вкладывалось в это понятие, то совершенно очевидно, что этот объект выбран неправильно. В качестве объекта, который должен делиться на три части, Усачев использует объект, который способен делиться только на две части, на украшенные и неукрашенные средства. Языковые средства не дают возможности выделить некую среднюю языковую сущность, которая соответствова-

«УМРИ, ДЕНИС, ЛУЧШЕ НЕ НАПИШЕШЬ»

Из истории афоризма

Слова «Умри, Денис, лучше не напишешь» давно вошли в нашу речь на правах поговорки, крылатого выражения. Это одна из жемчужин русской фразеологии. Как обычно в таких случаях, слова эти от частого употребления сохраняют уже самую слабую связь со смыслом, придававшимся им первоначально. Когда мы

произносим эту фразу, желая выразить высшую похвалу какому-нибудь творению или чьим-либо действиям, мы, как правило, не думаем о том, что Денис, фигурирующий в ней,— это Д. И. Фонвизин и что слова эти были сказаны, по преданию, Г. А. Потемкиным.

«— Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда,— сказал Иван Петрович, со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала.— Умри, Денис, лучше не напишешь» (Чехов. Ионыч).

Если верно, что афоризмы, как и книги, имеют свою судьбу, к настоящему афоризму это применимо вполне.

ла бы среднему стилю. В этом заключалась ограниченность «Риторики» Усачева. Правда, подобная ошибка была свойственна не только ей, но и всем риторикам домоносовской поры, в том числе и стилистическим взглядам Феофана Прокоповича. Только Ломоносову удалось разрешить это противоречие в характеристике языковых стилей и положить в основу классификации языковых стилей такие признаки, которые вытекали из их природы.

Риторика Макария и Усачева пользовались популярностью среди грамотных русских людей. О широком распространении их на протяжении всего века свидетельствует большое число списков, дошедших до нас и хранящихся в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда и других крупных городов.

Значение риторик Макария и Усачева в истории русской культуры и русского языка велико. Наряду с грамматиками они представляли собою своеобразные энциклопедии лингвистических и стилистических знаний своего времени. Эти сочинения содействовали развитию острейшего интереса к риторике, который наблюдался в России в конце XVII — начале XVIII века. Только в этот период появились риторика поэта и философа Андрея Белобочко, преподавателя московской Славяно-греко-латинской академии Софрония Лихуды, выдающихся деятелей русского просвещения Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, старообрядцев братьев Денисовых и других авторов.

Изучение риторик — одно из важных звеньев в исследовании истории русской культуры и истории русского языка.

В. П. ВОМПЕРСКИЙ,
доцент МГУ

Впервые известие о знаменитой фразе появляется в начале XIX века. В 1805 году в журнале «Друг просвещения» по частям печатался известный впоследствии «Словарь русских светских писателей» Евгения Болховитинова. Статья о Фонвизине помещена в нем на букву *В* по общепринятому тогда написанию: фон-Визин. Автор статьи — актер И. А. Дмитриевский, друг Фонвизина и первый исполнитель роли Стародума. Рассказывая о премьере «Недоросля», состоявшейся 24 сентября 1782 года, он писал: «Говорят, что при первом представлении сей комедии на придворном театре покойный князь Григорий Александрович Потемкин-Тав-

рический, выходя из театра, подозвал к себе сочинителя и с обыкновенным своим просторечием сказал ему шутя: „Умри теперь, Денис, или больше ничего уже не пиши; имя твое бессмертно будет по этой одной пиесе“. Источник анекдота в статье указан не был, а сама она стала первоисточником для всех последующих авторов.

Как видим, Потемкиным было сказано не совсем то, что впоследствии стало известным афоризмом. Слова эти множество раз повторялись затем в обширной литературе о Потемкине и Фонвизине, прежде чем стали крылатым выражением. И, что интересно, почти каждый раз они приводи-

лись в различных редакциях, по-разному. В мемуарах, статьях, книгах о Фонвизине можно насчитать до полутора десятков вариантов этих знаменитых слов.

Преобразование громоздкой, многословной фразы-монстра в изящный, отшлифованный афоризм — интересное явление с точки зрения истории языка. Но не менее тесно связана эта фраза и с историей русской литературы.

Прежде всего встает вопрос о достоверности предания, рассказанного Дмитревским. Форма, в которой он сам преподнес этот эпизод («Говорят...»), оставляла место для сомнений и предположений. Сомнения в достоверности этой истории высказывались и в прошлом веке. В наши дни решительно отвергал правдивость рассказа Дмитревского Г. А. Гуковский: «Легенда эта — невероятная уже вследствие враждебных отношений друг к другу Потемкина и панинского секретаря Фонвизина, и того, что „Недоросль“ был непосредственно направлен против потемкинской политики, падает сама собой: в сентябре 1782 года Потемкина не было в Петербурге, он был на юге России» (Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 335). Точка зрения Г. А. Гуковского повлияла затем на большинство комментариев к афоризму. На нее ссылаются составители сборника «Крылатые слова» Н. С. и М. Г. Ашукины, комментаторы собраний сочинений Белинского, Герцена, Чехова, авторы учебников и монографий.

К аргументам Г. А. Гуковского можно было бы прибавить и такой: премьера «Недоросля» состоялась не «на придворном театре», как указывает «Словарь» Евг. Болховитинова, а вследствие каких-то интриг в помещении деревянного театра на Цари-

цыном лугу. Но и тогда доказательство в пользу недостоверности рассказа Дмитревского выглядят не до конца убедительными.

В самом деле, аргументы типа: «деспот не мог одобрить произведения, которое, как мы доказали, объективно было направлено против него», — многократно опровергаются реальной историей литературы (достоточно вспомнить аплодисменты Николая I на премьере «Ревизора»). Мы не знаем всех подробностей взаимоотношений Фонвизина и Потемкина. Известно, однако, что Фонвизин, одноклассник Потемкина по Московскому университету, бывал в обществе временщика, ценившего его остроумие, настолько часто, что вызывал такие записки Екатерины к своему фавориту: «Сто лет вас не видела, черт Фонвизина к вам принес; он забавнее меня; однако я люблю, а он кроме себя никого».

В самом факте восхищения Потемкина по поводу «Недоросля» не сомневались Пушкин, Белинский, Герцен. В «Опровержении на критики» (1830) Пушкин упоминает «Недоросль», «которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор...». Именно в связи с рассматриваемой историей А. И. Герцен охарактеризовал Потемкина как человека, «при всех своих недостатках далеко не лишённого известной широты взглядов». Возможна была в устах Потемкина эта или подобная фраза!

Остается еще один довод Г. А. Гуковского — хронологический. Действительно, 24 сентября 1782 года Потемкин был, скорее всего, в Кременчуге. Но дело может решаться просто: Потемкин мог прослушать пьесу до ее представления в театре, мог увидеть спектакль и после.

Таким образом, аргументация, казавшаяся Г. А. Гуковскому избыточной, в действительности неосновательна для того, чтобы безусловно отвергнуть рассказ Дмитревского, объявить его «ложной легендой».

Обратимся теперь непосредственно к более чем полуторавековому бытованию потемкинского афоризма в русской литературе. Достаточно привести простую сводку упоминаний знаменитой фразы, чтобы увидеть такое количество разночтений, какого, пожалуй, не знает ни один другой афоризм. Он упоминается в многочисленных работах биографов, критиков, исследователей Фонвизина. В 1808 году в журнале «Русский вестник» эту историю пересказывает С. Глинка. Слова Потемкина он приводит в таком виде: «Умри, Денис!» — произвольно обрывает, таким образом, цитату из Дмитревского. От себя С. Глинка добавляет такое пояснение: «то есть, не пиши более: „Недоросль“ тебя увенчал».

«Умри, Денис, лучше не напишешь» — эта общепринятая в наши дни форма промелькнула в начале XIX века лишь один раз, в анонимной статье «О жизни и сочинениях Фонвизина» (Собрание сочинений и переводов Д. И. Фонвизина. М., 1829).

О. Сенковский в рецензии на Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина (1838) предлагал уже новый и тоже произвольный вариант: «Ну, брат Денис! умри: лучше ты ничего не напишешь!».

Даже отдельное издание «Словаря» Евг. Болховитинова, в целом повторявшее журнальную публикацию, приводило слова Потемкина несколько иначе, с добавлением одного слова: «...Или хоть больше ничего уже не пиши...».

«Умри, Герцен!» — так перефразирует афоризм В. Г. Белинский в

письме к А. И. Герцену 6 февраля 1846 года, следуя, таким образом, варианту С. Глинки.

В знаменитой книге П. Вяземского о Фонвизине, публиковавшейся первоначально по частям в журналах и вышедшей отдельным изданием в 1848 году, дается такой вариант: «Умри, Денис, или больше ничего уже не пиши!». «Умри, Денис, лучше ты ничего не напишешь» (С. Дудышкин. Рецензия на Сочинения Фонвизина, 1847). «Умри, Денис, или больше не пиши: имя твоё бессмертно будет по этой одной пьесе» (П. Перевлесский. Жизнь Д. И. Фонвизина, 1858). П. Арапов, историк русского театра XVIII — начала XIX века, приводил потемкинские слова по «Словарию» Евг. Болховитинова, а со ссылкой на П. Арапова цитировал их биограф Потемкина С. Шубинский. В ином варианте, цитируя явно по памяти, приводил эти слова А. И. Герцен в статье 1864 года «Новая фаза в русской литературе»: «Фонвизин, теперь умри!».

Долгие годы наиболее авторитетным изданием сочинений Д. И. Фонвизина считалось издание под редакцией П. А. Ефремова, с обширной библиографией, комментариями и статьей А. Пятковского «О жизни и сочинениях Фонвизина». В ней — новый вариант афоризма: «Умри, Денис, или больше ничего не пиши».

Литература о Фонвизине росла, но новых вариантов афоризма появлялось уже, разумеется, меньше. Как правило, потемкинская фраза давалась в одной из уже существующих редакций. При этом, как именно будет процитирована фраза — «по Вяземскому», «по Сенковскому» и т. д., — зависело исключительно от авторского вкуса. Академические ис-

следования в этом отношении не отличались от газетных статей.

24 сентября 1882 года русская печать широко отметила столетие первой постановки «Недоросля». Газеты отводили юбилейным статьям целые страницы, и тогда, конечно, не раз был вспомнут эпизод с Потемкиным. «Эхо» воспроизводило версию О. Сенковского, «Новости» отдавали предпочтение варианту П. Вяземского, а «Новое время» в разных статьях цитировало то «по Вяземскому», то «по Пятковскому».

Несколько новых разночтений обрел афоризм в литературоведческих работах наших дней. Г. А. Гуковский в блестящем своем учебнике заключает в кавычки такие слова: «Умри, Денис — „Недоросль“ тебя увенчал, объединяя, таким образом, вариант С. Глинки с его же пояснением к нему.

П. Н. Берков, отметив, что существует много разночтений афоризма, по существу добавляет еще одно: «Умри, Денис! Или не пиши больше, лучше не напишешь». Сделанная при этом П. Н. Берковым ссылка на «Летопись» П. Арапова неверна: для Арапова, как мы видели, первоисточником служил «Словарь» Евг. Болховитинова.

А комментаторы XII тома в академическом издании сочинений и писем В. Г. Белинского предлагают своим читателям такой вариант: «Умри, Денис, а лучше не напишешь». Любопытно, что они ссылаются на ту самую статью П. Н. Беркова, в которой, как видим, дано совершенно иное прочтение.

Два последних примера интересны в том отношении, что на них виден, так сказать, сам механизм возникновения разночтений. При упоминаниях о потемкинском афоризме к первоисточнику — «Словарю»

1845 года и к более ранней журнальной публикации — как правило, никто не обращается. Исследователи и комментаторы приводят его по памяти, будучи уверены, что цитируют авторитетных предшественников; при этом считается допустимым вносить «уточнения», «проясняющие» смысл знаменитых слов.

Так история нашего афоризма смыкается с проблемой филологической культуры исследований и комментариев к изданиям классиков.

Немногом меньше, чем в передаче самих слов «великолепного князя Тавриды», число разночтений в рассказе об обстоятельствах, при которых слова эти были сказаны.

Мы видели, как об этих обстоятельствах сообщал в 1805 году И. А. Дмитриевский: «При первом представлении сей комедии на придворном театре... выходя из театра, подозвал к себе сочинителя и... сказал ему шутя...». В отдельном издании «Словаря» вместо «подозвал к себе сочинителя» было уже: «увидев сочинителя». Приблизительно так же представляли себе эти обстоятельства Вяземский, Дудышкин, Перевлесский и др.

Другой вариант — в работах тех авторов, которые связывали слова Потемкина не обязательно с первым представлением «Недоросля». Так, анонимный автор предисловия к университетскому изданию 1829 года предварял афоризм такими словами: «Временщик, которого одно слово давало вес человеку в мнении общественном, Потемкин от души хохотал, смотря „Недоросля“, и, вышедши из театра, сказал автору...». Аналогичным образом представляли себе дело О. Сенковский, А. Пятковский и др.

В предисловии к изданию «Недоросля» в «Дешевой библиотеке»

А. Суворина (двенадцать изданий, первое — 1879) — новая версия: «Рассказывают, что Потемкин, выслушав в пьесе, сказал Фонвизину...». Известно, что сам Фонвизин и его друзья-актеры несколько раз читали еще до премьеры свежую рукопись «Недоросля» в некоторых домах Петербурга и Москвы. Так что в подобном предположении нет ничего невозможного, хотя и очевидно, что никакими новыми данными, могущими исправить рассказ Дмитревского, автор этого предисловия не располагал.

Отдельно следует отметить несколько случаев упоминания об этом эпизоде в сочинениях и переписке В. Г. Белинского и А. И. Герцена. В феврале 1846 года Белинский, восторженный поклонник романа Герцена «Кто виноват?», в письме к Герцену размышлял о произведении, которым суждено появиться из-под пера его друга вслед за этим шедевром: «Если бы я не ценил в тебе человека так же много или еще и больше, нежели писателя, я, как Потемкин Фонвизину после представления „Бригадира“, сказал бы тебе: „Умри, Герцен!“ Но Потемкин ошибся: Фонвизин не умер и потому написал „Недоросля“. Это письмо А. И. Герцен приводит в 8-й части «Былого и дум». И сам Герцен писал: «Князь Потемкин... встретив автора после первого представления „Бригадира“ при выходе из театра, взял его за руку и сказал, глубоко взволнованный...».

Очевидна в данном случае ошибка и Белинского и Герцена. За всю историю бытования афоризма лишь у них встречаем соотнесение его не с «Недорослем», а с «Бригадиром». Не нужно забывать, что Герцен и Белинский писали об афоризме тог-

да, когда анекдот этот передавался преимущественно изустно, еще до появления сфремовского издания и монографии П. А. Вяземского. К чему приводит некритическое использование вышеприведенных строк Белинского и Герцена, показывает, например, комментарий к XV тому Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова. Автор его так поясняет потемкинский афоризм, встретившийся в письме Чехова: «Фраза, сказанная Потемкиным Д. И. Фонвизину после прослушания (?) комедии „Бригадир“». Тут ошибка Белинского и Герцена соединилась с собственным домыслом комментатора.

Но откуда все-таки идет нынешняя, привычная для нас формула: «Умри, Денис, лучше не напишешь»? Мы видели, что, появившись всего один раз, на страницах малоизвестного издания, она не оказала никакого влияния на последующие случаи употребления афоризма. Во всей известной нам литературе о Фонвизине встречаются лишь иные варианты, хотя некоторые из них довольно похожи по форме. Очевидно, что в живую речь формула эта проникала не из мемуаров и не из научных статей, и к этому проникновению предисловие 1829 года вряд ли имеет отношение.

Совершенно особняком стоит употребление этого афоризма в сочинениях и письмах А. П. Чехова, питавшего к нему, как видно, особое расположение. Во всеми читаемом, хрестоматийном «Ионьче» дан наглядный пример употребления этих слов в разговорной речи. Не раз повторяются они и в переписке писателя. Например: «Видел я такой утес, что если бы у подножья его мы с Софьей Петровной Кувшинниковой во главе устроили здесь парк.

ник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь. Удивительная природа» (письмо родным из Забайкалья, 1890).

Во всех случаях — одна, устоявшаяся форма, и, главное, слова эти у Чехова уже никак не связаны с Фонвизинным и Потемкинским, совершенно оторвались от исторического источника, стали фактом фразеологии языка. Разумеется, можно лишь с осторожностью предположить, что именно у Чехова окончательно сложилась общезвестная форма афоризма и затем вошла в русскую речь (если так, то это можно поставить в один ряд с наиболее остроум-

ными чеховскими миниатюрами). Можно также лишь предполагать, как и когда именно афоризм привлек внимание Чехова. Ясно лишь, что если в научной литературе до сих пор существует большой разбой в передаче исторического анекдота, то сам афоризм, ставший фразеологизмом, со времен Чехова живет в языке в неизменной форме.

Так оказывается бесполезным перевернуть страницы долгой истории одного популярного изречения, чтобы затронуть вопросы, связанные с историей литературы XVIII века и совсем от нее далекие.

В. Б. КАТАЕВ

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Найдите ошибки и исправьте предложения

1. В целях наведения надлежащего порядка в деле сбора и хранения огнеупорного лома и недопущения случаев вывоза лома в отвалы и расходования не по назначению начальникам участков надлежит систематически проводить обследование предприятий.

2. Лица престарелого возраста часто до старости остаются умственно свежими.

3. В статье находятся данные, характеризующие прогресс животноводства, овощеводства, садоводства и свиноводства в загородной зоне.

4. Страховые платежи надо вносить не только в установленные сроки, но и досрочно.

Лица, назначенные уполномоченными, должны немедленно приступить к работе.

Быстрое размножение вредителей во многом зависит от того, насколько упорно и планомерно ведется с ними борьба.

Следует отметить, что наряду с недостатками специалистов руководители больницы не заботятся об их бытовых нуждах.

5. Сложный внутренний мир Катерины нашел свое отражение в ее языке — самом ярком среди всех действующих лиц пьесы.

Речи Ани, как и другим персонажам «Вишневого сада», свойствен лиризм.

Следует сопоставить данные таблицы 2 с таблицей 3.

Износостойкость данных сверл значительно ниже обычных.

(Ответы см. на стр. 86)

ГЛАГОЛЫ И ПРЯМАЯ РЕЧЬ

А. С. Пушкин использовал сравнительно небольшое количество глаголов говорения в предложениях с прямой речью. В «Капитанской дочке» их всего 22 (если не считать повторов в разных временах, лицах):

ворчал он [Савельич]
повторяя вполголоса
он [отец П. Гринева]
обратился
отвечала матушка
прервал батюшка
сказала матушка
говорил он [Зурин]
спросил изумленный
Савельич
возразил Савельич
закричал я [Гринева]
произнес он [Савельич]

простонал Савельич
думала комендантша
прибавил он
продолжал я
заметил важно Швабрин
Иван Кузьмич приговаривал
воскликнула комендантша
хозяин кликал
провозгласил важно Пугачев
раздался приятный женский
голос
примолвила с улыбкой

Н. В. Гоголь чаще всего в авторских словах употребляет глаголы *сказал, отвечал, говорил*. Приведем примеры из второй главы первого тома «Мертвых душ» (первую главу опускаем, так как в ней почти нет прямой речи):

«Сделайте милость...», — говорил Чичиков.
— «Нет, Павел Иванович, нет, вы гость», — говорил Манилов.
«Не затрудняйтесь, пожалуйста...», — говорил Чичиков.
«Какие миленькие дети», — сказал Чичиков.
«Старшему осьмой, а меньшому...», — сказала Манилова.
«Фемистоклюс!» — сказал Манилов.
«Да именно», — сказал Манилов.
«Ты, пожалуйста, их перечти», — сказал Чичиков.
«Да, всех поименно», — сказал Манилов.
Приказчик сказал: «Слушаю!»

Во второй главе употреблен глагол *сказал* 38 раз, из них с обстоятельством образа действия — 4: *сказал с приятною улыбкою* Манилов; *сказал Манилов с улыбкою*; *сказал Манилов тоже ласково*; *сказал Чичиков вздохнувши*.

Иногда глагол *сказал* встречается при восклицательных или вопросительных предложениях: «О! Это была бы райская жизнь!» — *сказал Чичиков*; «Как? Вы уже хотите ехать?» — *сказал Манилов*.

Конечно, Н. В. Гоголь пользуется в «Мертвых душах» и другими глаголами говорения:

отозвался
вскричал
промолвил
прервал

примолвила
прибавил
присовокупил
продолжал

спросил
подхватил
заметил

(все эти глаголы из второй главы), но они встречаются значительно реже, чем слова *сказал*, *отвечал* (последнее употреблено 13 раз).

Нами просмотрены первые шесть глав романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Это немного больше второй главы «Мертвых душ». Тургенев не любил, как видно, глагол *сказал*. Он употребил его всего 1 раз, *отвечал* — 8, *говорил* — 13. Встречаются и новые глаголы:

ответствовал	воскликнул
повторил	процедил сквозь зубы
доложил	подумал
твердил	перебил
начал он [Николай Петрович]	произнес
обратился	раздался голос

Нужно отметить, что Тургенев к речи Базарова добавляет обстоятельственные слова, показывающие отношение Базарова к Павлу Петровичу: *равнодушно* проговорил Базаров; *небрежно* отвечал Базаров; воскликнул Базаров с *презрительной усмешкой*. Тургенев больше, чем Пушкин и Гоголь, употребляет обстоятельственных слов при глаголах процесса речи.

В четырех главах первого тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого, которые равняются по объему второй главе «Мертвых душ», глагол *сказал* употреблен 60 раз, причем он встречается в значениях ‘спросил’, ‘ответил’, ‘говорил’, ‘произнес’:

— Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе? — сказала она, догоняя его в передней;

— Очень хороша, — сказал князь Андрей,

— Очень, — сказал [ответил, подтвердил] Пьер.

Других глаголов для обозначения процесса речи у Л. Н. Толстого мало. Вот они:

отвечал	приговаривала
прибавила она	начал Пьер
говорила	просила
обратилась	повторила
продолжала	возразил
шепнула	перебил
проговорила	подхватил

Обстоятельственные слова при этих глаголах встречаются редко.

После выхода в свет романа «Война и мир» проходит 30 лет, появляется роман «Воскресенье». В нем уже разнообразнее глаголы говорения: *отозвался*, *пробормотал* (пробормотал он [Нехлюдов]); реже употребляется *сказал*; чаще при глаголах речи используются обстоятельства: — «Неужели узнала? — с ужасом подумал Нехлюдов».

Большое разнообразие в глаголах при прямой речи находим у М. Горького. В первой главе и на шести страницах второй главы первого тома «Жизни Клима Самгина» употребляется 75 глаголов. (Этот отрывок по объему равен «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. В том и другом произведении много прямой речи.)

Приведем их:

стал убеждать
начал озабоченно
перечислять
воскликнул удовлетво-
ренно
тихо попросила
строго заметила
виновато улыбаясь, ска-
зал
одобрила
переспрашивала
объяснял
истерически кричал
спрашивал хрипло
вполголоса торопила
успокаивала
предупреждал
отвечал
осведомлялся
подтверждала
говорил сквозь ее слова
соглашались
подумал
возмущалась
допытывался
заявил
упрашивала
называл
пробормотал
поощрял
объявила
повторил
добавил
догадался
возразил
рычал
шептала
продолжала

допрашивала
произнес
внушал
наскакивал
поучал
напомнил, взвизгивая
тинул тоненьким голосом
просила
приказывала
солгал Клим
раздался крик
огрызнулся
изрекал
бормотал
прервал
скомандовала мать
заплакал, жалуясь
орал
начал похрюкивать
характеризовал его
советовал
закончил
полусогласился
хвалил его
ужаснулась
изумлялись
восхищался
насмешливо ворчит
прибавил
мычал
издевался
возмечтал
предлагал
начал дразнить
с досадой упрекнула
звала
выл Варавка
удавился Клим

Во времена Пушкина и несколько позднее с прямой речью преимущественно употреблялись нейтральные глаголы *сказал, ответил, говорил*, которые лишь фиксировали факт говорения. Но и этих глаголов было мало. Например, слово *перечислить* (*ять*) имело одно значение — «перечислить кого в другое ведомство» (Словарь В. Даля). Этот глагол, а также ряд других отсутствуют в авторской речи у Пушкина и Гоголя. В связи с этим отметим такую деталь. В конце второй главы «Капитанской дочки» читаем: «Час от часу не легче! подумал я про себя: к чему послужило мне то, что...». Слова «подумал я про себя» не выделены. Следовательно, у Пушкина в этом предложении нет прямой речи и слово *подумал* не относится к глаголам, обозначающим процесс говорения.

Пушкин обстоятельств при глаголах употреблял мало: заметил *важно* Швабриц, сказал *грозно* Пугачев. Это ограничивало интонацию произношения и характеристику говорящего лица по автор-

ским словам. Пушкин не мог пользоваться наречиями на -ски и некоторыми другими, потому что они широко стали создаваться лишь в начале XX века, особенно много их у Горького: *истерически* кричал, *иронически* подумал Самгин.

И. С. Тургенев расширяет круг глаголов говорения, у него чаще встречаются обстоятельства, которые полнее характеризуют говорящего, показывают отношение одного героя к другому. В изобразительных средствах языка Тургенева нет шаблона, почти не повторяются одни и те же эпитеты, определения. Вот почему обычно употребительный глагол *сказал* встречается редко.

Интересно увеличение количества глаголов говорения у М. Горького. В романе «Мать», например, их употреблено свыше 30, в «Деле Артамоновых» — более 50, а в «Жизни Клима Самгина» (только в первой главе и первой части второй) — 75. Больше стало употребляться нейтральных глаголов: *перечислял*, появились психологические: *удивился*, *возмущился* и др.

Для передачи процесса говорения М. Горький использует описательные средства. Например: «Навстречу ему вздохнули такие усталые слова»; «Мать встретила тревожным восклицанием».

М. Горький значительно чаще, чем писатели XIX века, к глаголам добавляет наречия, деепричастия, обстоятельственные слова, уточняя интонацию и смысл высказывания. Разные герои и даже один и тот же человек говорят у него по-разному: ясно, громко, тихо, хрипло, *ожобрительно*, равнодушно, сердито, радостно, объясняя, угрожая и т. д. Например:

тихо попросила	осторожно спросил
строго заметила	сурово сказал
сердито сказала	кричал скрипячим
строго говорила	голосом и т. д.

Впрочем, нейтральные глаголы при прямой речи есть и у Горького. Без них обойтись нельзя.

К. А. Федин в романе «Необыкновенное лето», употребляя глаголы говорения, придает им определенную интонацию, которая выражает отношение говорящего к тому, о чем идет речь, а следовательно, уточняет и смысл сказанного. Приведем несколько примеров из начала романа:

слышал язвительный голос	проговорил неуверенно Дибич
возразила старуха	— Нет,— расхохотался Ипат
обессиленно выговорил Дибич	проговорил полуспрашивая
участливо ответила	раздался бас
почти предлагая, сказал Пастухов	отозвалась она

Из сказанного можно сделать вывод, что вместе с развитием русского литературного языка росло и количество глаголов процесса речи. И не только количество. Разнообразны стали конструкции авторского предложения при прямой речи, их стилистические функции. Но это уже другой вопрос.

В. Г. КРАСНОВ
Ужгород

ПИСАТЕЛЬ ПРАВИТ

Когда мы читаем произведение классика, каждая фраза выглядит такой естественной, точной, что кажется это единственная возможность выразить мысль: иначе просто и не скажешь. Но стоит заглянуть в черновики — и мы увидим нагромождение набросков, вставок, зачеркиваний и вариантов; хаос, в котором без долгой и тщательной исследовательской работы невозможно даже разобраться. Черновики хранят следы огромного труда. Нередко художник вновь и вновь переделывает написанное и в белой рукописи, и в корректуре, и даже на полях уже готовой книги.

Правка бывает самой разнообразной по характеру: она касается сюжета, композиции, характеров, вводятся новые герои и исчезают или меняются ранее задуманные. Не последнее место занимает и работа над фразой. Собственно стилистическая правка тоже может быть разной, так что оценивать каждое исправление нужно не с точки зрения абстрактной «правильности», а имея в виду конечную цель автора. Так, писатель может исправить вполне «литературную» фразу, если своей гладкостью она не соответствует характеру персонажа, в уста которого вложена. Для нашей обыденной речи вполне справедливо утверждение, что лучше несколько более коротких предложений, чем один сложный период. Но Льву Толстому случалось заменять «простые» фразы громоздкими и пространными. Конечно, и такая правка имела художественный смысл.

Можно сказать, что в каком бы направлении ни шла работа над языком, она всегда устремлена к одной цели: наиболее полному, точному выражению авторской мысли. Поэтому знакомство с черновиками подлинно художественного произведения не только интересно, но нередко и поучительно для нас.

ИЗ ДВУХ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Знаменитая повесть Гоголя была впервые напечатана в 1835 году в сборнике «Миргород». После этого писатель неоднократно возвращался к ней, и к 1842 году для собрания сочинений была завершена новая редакция — та, которую мы знаем со школьной скамьи. Повесть стала больше, Гоголь углубил центральный характер, усилил историко-бытовой фон. Продолжалась и работа над языком. Некоторые из стилистических правок мы предлагаем вниманию читателей. Слева дается редакция «Миргорода», справа — окончательная.

— А поворотись, сынку! цур тебе, какой ты смешной! Что это на вас за поповские подрысники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрысники? И эдак все ходят в академии? — Таковыми словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отдравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые десять лет и что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам.

Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни. Эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались ко времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли они привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических.

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сече. Остап и Андрий мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отец их особенно просил опытных и искусных наездников быть им руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьи не было никакого теоретического изучения или каких-нибудь общих правил; все юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битвы, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки же между ними казаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины. Очень редкие имели примерные турниры. Они все время отдавали гульбе — признаку широкого размета душевной воли.

Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отдравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам.

Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались ко времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических.

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки казаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли.

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Афанасий Матвеевич СЕЛИЩЕВ (1886—1942)

В замечательной плеяде лингвистов XX века Афанасий Матвеевич Селищев занимает почетное место, принадлежащее ему по праву выдающегося слависта, своими исследованиями создавшего целую эпоху в изучении славянских языков. А. М. Селищев — человек необычной судьбы и негибимой воли — трудным и тернистым путем поднимается на профессорскую кафедру наших лучших дореволюционных университетов — Казанского, Иркутского, Московского, становится одним из крупнейших советских ученых.

Родился А. М. Селищев 11 января 1886 года в селе Волово Ливенского уезда Орловской губернии в бедной крестьянской семье. Из-за тяжелой болезни отца ему рано пришлось «пойти в люди». С 10 лет он становится подручным у пекаря и лишь урывками посещает школу. Уже в начальных классах проявились незаурядные способности мальчика, благодаря которым ему удалось поступить в реальное училище и получить стипендию. Затем он выдерживает дополнительные экзамены и становится студентом историко-филологического факультета Казанского университета. Еще в студенческие годы определяется целенаправленность научных инте-

ресов А. М. Селищева: он углубленно изучает славистику под руководством профессоров А. И. Александрова, Е. Ф. Будде, В. А. Богородицкого и особенно Н. М. Петровского.

В 1911 году А. М. Селищев, окончив университет с дипломом I степени, был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В 1913 году он блестяще выдержал экзамен на степень магистра по кафедре славянской филологии и стал приват-доцентом. Ему было поручено чтение лекций и ведение практических занятий по сравнительной грамматике славянских языков, по старославянскому и западнославянским языкам.

С первых шагов своей научно-педагогической деятельности А. М. Селищев интересовался вопросами славянской культуры, литературы, публицистики, педагогики и методики преподавания славянских языков. В 1912 и 1913 годах выходят в свет первые труды А. М. Селищева, посвященные жизни и деятельности видного чешского публициста и общественного деятеля К. Гавличка. В «Педагогическом обществе при Казанском университете», членом которого молодой ученый был с 1911 года, он делает доклады и сообщения, принима-

ет активное участие в обсуждении актуальных вопросов славяноведения.

В 1912 году А. М. Селищев выступил с научным докладом «Антонин Ирак. Учебное дело у славянских народов». Работа Антонина Ирака была переведена с чешского А. М. Селищевым и опубликована в 1913 году с его предисловием (подробнее о научных трудах А. М. Селищева см. в книге: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968).

А. М. Селищев редактирует переводы со славянских языков на русский, рецензирует учебники по старославянскому, русскому языку С. М. Кульбакина, Н. М. Каринского, Е. Ф. Карского, А. В. Миртова. Его статьи и рецензии появляются на страницах «Русского филологического вестника», «Журнала Министерства народного просвещения», «Казанского библиофила», «Ученых записок Казанского университета» и других изданий.

В 1914 году А. М. Селищева командировуют в балканские страны. Работает он преимущественно в Македонии, знакомится с бытом, жизнью, языками южных славян, заводит дружеские связи с местными жителями, с которыми он вел впоследствии переписку всю жизнь. В 1915 году публикует «Отчет о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 года», поразивший ученых богатством наблюдений над живыми говорами Македонии и тщательным изучением письменных памятников.

А. М. Селищев продолжает свою научную деятельность по сравнительно-историческому языковедению. Выходит его книга «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (вып. 1. Казань, 1914) — оригинальный труд, получивший высокую оценку специалистов. Впервые на русском языке в нем был дан обзор фонетических и грамматических черт славянских языков и выявлены их общность и различия. А. М. Селищева интересуют вопросы взаимодействия, взаимовлияния разных славянских языков, чему он и посвящает свою магистерскую диссертацию «Очерки по македонской диалектологии» (т. 1. Казань, 1918).

В 1918 году А. М. Селищев переезжает в Иркутск, где, заведая кафедрой в университете, занимается во-

просами русской диалектологии. Он изучает связи и взаимодействие русского языка и его говоров с осетинским, тунгусским, бурятским языками. В результате личных наблюдений во время экспедиции в Забайкалье и тщательного изучения местных говоров ученый создает монографию «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920), в которой показывает исторические изменения, происшедшие в языке сосланных в Сибирь поселенцев.

Изучение языка в работах А. М. Селищева тесно связано с изучением истории народа, его культуры, письменности, быта, преданий. Это особенно ярко проявляется в классическом труде А. М. Селищева, созданном в сибирский период — «Диалектологический очерк Сибири» (вып. 1. Иркутск, 1921), в котором он впервые дал широкое описание говоров Сибири и наметил пути их дальнейшего изучения (до этого сведения об этих говорах ограничивались лишь несколькими случайными замечками). Этот труд получил высокую оценку специалистов и был положен в основу дальнейшего изучения сибирских говоров.

В начале 1922 года А. М. Селищев переезжает в Москву, где руководит кафедрой славянских языков в МГУ имени М. В. Ломоносова. Здесь он создает ряд фундаментальных трудов по балкановедению, создавших ему имя крупнейшего балкановеда мира: «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» — с этнографической картой Полога (София, 1929); «Славянское население в Албании» (София, 1931); «Македонские кодексы XVI—XVIII вв. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (София, 1933).

А. М. Селищев занимается также изучением истории русского языка, неотделимой для него от диалектологических исследований. В его статьях и рецензиях решаются коренные вопросы исторической фонетики. Например, в статье «О рецензии А. В. Пруссака» он высказывает ряд ценных соображений о судьбе аканья и вносит существенные дополнения в историю этого вопроса.

Глубокий интерес специалистов вы-

звала также его работа «Заметки по великорусской диалектологии. I. К изучению типов аканья», в которой объясняется ход изменения восточнорусского неударенного вокализма. К числу классических исследований относятся и работа А. М. Селищева «Соканье и шоканье в славянских языках», где исследуется судьба свистящих и шипящих в славянских языках.

Вопросы исторической фонетики и исторической грамматики всегда волновали А. М. Селищева, и поэтому его статьи и рецензии нередко вырастали в исследования, имеющие большое теоретическое и практическое значение. В этом плане очень интересны его статьи-рецензии на книги Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (М., 1924) и Л. А. Булаховского «Исторический комментарий к литературному русскому языку» (Киев, 1929). В них А. М. Селищев дает не только тщательный анализ исторической фонетики и морфологии, но и создает свои, оригинальные концепции развития отдельных черт русского языка.

Большое внимание А. М. Селищев уделяет вопросам лексики, топонимики, антропонимики. Привлекает внимание статья «Из старой и новой топонимии», в которой А. М. Селищев дает историю географических названий и прослеживает изменения, происходящие в них на протяжении ряда эпох. Интересна для исследователей и статья «О языке современной деревни». В ней автор пытается раскрыть сложные процессы появления в языке новых слов и понятий, вызванных к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. В статье «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» А. М. Селищев прослеживает пути исторических изменений в именах и прозвищах, возникновение фамилий, уделяет большое внимание вопросам словообразования на материале, извлеченном из писцовых книг и диалектологических записей.

А. М. Селищева глубоко интересовали и вопросы стилистики. Еще в 1915 году он публикует свой перевод польского панегирика «Слава

„Избранные труды“ А. М. Селищева

Издательство «Просвещение» в 1968 году опубликовало «Избранные труды» Афанасия Матвеевича Селищева. Многие статьи ученого были напечатаны ранее в изданиях, ставших теперь библиографической редкостью. Поэтому появление первого сборника работ А. М. Селищева — большое событие в русской филологической науке.

В книге дан биографический очерк ученого и обзорная статья «Научная деятельность А. М. Селищева», написанные составителем сборника Е. А. Василевской. Работы А. М. Селищева распределены по трем разделам: «История русского языка», «Русская диалектология» и «Славянское языкознание». В первом из них помещены статьи: о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов; об истории географических названий, их изменения на протяжении ряда исторических эпох; о происхождении русских фамилий, личных имен и прозвищ; доклад А. М. Селищева в Казанском университете, посвященный памяти академика А. А. Шахматова; краткий очерк жизни и творчества ученого-слависта В. Н. Щепкина и др. В статьях «Революция и язык» и «Выразительность и образность языка революционной эпохи» автор показывает процессы, происходящие в русской лексике в первые годы после Октябрьской революции. Эти работы представляют большой научный интерес и дают ценный материал для исследователей языка советского периода.

Б. П. Шеремете». Этот памятник, созданный Петром Терлецким в XVII веке, привлек внимание А. М. Селищева как пример искусственной речи панегириков с их торжественными и выразительными гиперболами, сравнениями и другими риторическими фигурами.

Вопросы культуры речи, литературной нормы, стилистики рассматриваются в рецензии на книгу В. А. Богородицкого «Статьи по начальному преподаванию русской грамматики и изучению художественно-литературных произведений» (Казань, 1919), в статьях «Выразительность и образность языка революционной эпохи» и «Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру» и во многих других его работах.

А. М. Селищев интересовался и вопросами палеографии. Палеографические материалы имеются во многих его работах. Кроме того, он создал учебное пособие «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.» (М., 1939), которое содержит 24 листа со снимками из грамот, летописей, пуб-

лицистических и исторических сочинений. Эти образцы дают представление о содержании памятников, об искусстве каллиграфов XI—XVII веков и о богатстве орнамента разных эпох.

Широка и многогранна была деятельность А. М. Селищева, но тем не менее можно сказать, что он «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Этой страстью была наука, и любимым детищем было славяноведение. Он начал публикации своих научных трудов книгой «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» в 1914 году. Длительное и систематическое изучение как частных, так и общих проблем языкознания дало почву для обобщающего капитального труда, каким стало его «Славянское языкознание» (т. 1. М., 1941). Безвременная кончина А. М. Селищева в расцвете творческих сил (6 декабря 1942 года на 57-м году жизни) не позволила ему закончить свое исследование. Во втором томе он собирался изложить историю южнославянских

В разделе «Русская диалектология» помещено исследование А. М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири», дающее глубокий анализ сибирских говоров. Е. Ф. Будде в рецензии на эту работу писал: «А. М. Селищев сделал очень ценный вклад в русскую диалектологию, говоря иными словами, он сделал открытие. Он открыл нам русские говоры Сибири и указал места их нахождения». Рецензия эта была опубликована в «Казанском библиофиле» (1921, № 2) и теперь труднодоступна для широкого читателя. С ней можно ознакомиться в комментариях к статье «Диалектологический очерк Сибири». В статье «О языке современной деревни» автор прослеживает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические изменения, происходящие в языке деревни в 30-е годы XX века, показывает исчезновение архаических явлений и возникновение новых в связи с экономическими, социальными и культурно-бытовыми преобразованиями.

Последний раздел — «Славянское языкознание» — включает «Введение в сравнительную грамматику славянских языков», наблюдения над болгарским языком и др.

В конце приводится список печатных работ, даются критико-биографические статьи об ученом, рецензии на его труды и опись архива, находящегося в ЦГАЛИ. «Избранные труды» А. М. Селищева представляют большой научный интерес для языковедов — исследователей русского и славянских языков, преподавателей русского языка, аспирантов и студентов-филологов.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

языков, третий том, по замыслу автора, должен был показать историю восточнославянских языков.

К сожалению, А. М. Селищев не успел полностью закончить ни «Славянского языкознания», ни «Диалектологического очерка Сибири», ни учебника «Старославянский язык», но если бы из всего научного наследия его был опубликован только один из этих трех трудов в том виде, в каком они появились в печати, и тогда имя Селищева заняло бы почетное место среди славистов всего мира.

Сохранился архив ученого, содержащий работы по современному русскому языку, по истории русского языка, рукописные курсы и планы лекций, ответы критикам, рецензии и отзывы, записные книжки, речи, произнесенные А. М. Селищевым, обширную переписку ученого — все это еще ждет изучения и публикации.

В 1921 г. А. М. Селищев был избран действительным членом РАНИОН [Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук]; в 1926 году — членом-корреспондентом Академического финно-угорского общества в Гельсингфорсе; в 1929 году — членом-корреспондентом Академии наук СССР и членом Государственного ученого совета. Одновременно он сотрудничает в Комиссии по просвещению национальностей. С 1930 года А. М. Селищев — член-корреспондент Болгарской Академии наук и почетный член Македонского научного общества. В 1933 году А. М. Селищев назначается старшим научным специалистом Академии наук по Институту славянства. В Казани, Иркутске, Москве, Ярославле А. М. Селищев читает лекции в студенческих аудиториях и руководит работой аспирантов в университетах, педагогических институтах и других вузах нашей страны.

А. М. Селищев — выдающийся педагог, создавший свою школу. Его учениками были член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, профессора С. Б. Бернштейн, С. А. Копорский, П. С. Кузнецов, Н. И. Кравцов, доценты С. С. Высоцкий, Т. А. Иванова, Е. И. Широкова, В. К. Чичагов и многие другие преподаватели высшей и средней школы.

А. М. Селищев не был кабинетным ученым. Талантливый исследователь и популяризатор науки, он не замыкался в узко академические рамки, живо откликался на важнейшие политические события, делал доклады на актуальные темы. Во время Великой Отечественной войны выступал по радио, читал лекции на антифашистских конференциях, в которых освещал значение славянской культуры в истории человечества.

Мало знавшим А. М. Селищева этот могучий седовласый великан с характерными резкими чертами лица, высоким лбом и глубоко посаженными горящими молодыми глазами мог показаться замкнутым и строгим. Но как раскрывался этот внешне суровый человек, как светлело его лицо, когда он встречал в своих учениках настоящую заинтересованность, как охотно делился он своими знаниями, зажигая в слушателях искренний и глубокий интерес и любовь к науке.

Основные труды А. М. Селищева вошли в золотой фонд славянского языкознания, и все, кто занимается вопросами славяноведения, историей русского языка и его диалектологией, исторической фонетикой и грамматикой, лексикой, топонимикой и антропонимией, культурой речи и стилистикой, с благодарностью вспоминают его имя.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ,
доцент

В следующем номере читайте статьи
о языке А. С. Пушкина, В. Иванова,
М. Шолохова

ЧИСТОТА, ТОЛКАЮЩАЯ К УБОЖЕСТВУ

В наших северных деревнях бытует такая поговорка: «Была я в Маскве, шла па даске и упала... в грезь!». Народ всегда схибно высмеивал пижонство, неестественность, стремление выделиться любыми средствами. Сказывается это пижонство по-разному. Мой деревенский знакомый, побывавший в городе, вдруг ни с того ни с сего выкрасил масляной краской тесапые сосновые стены своей горницы. Красиво? Современно? По-моему, ужасно. Девушка вернулась домой после двухмесячных курсов и вдруг стала говорить: пионер, зоотехник, фанэра, истэрика. Откуда это?

В детстве, помнится, мы, ребяташки, стремясь как-то отделиться от взрослых, создавали свой, ребячий язык. Говорили не *деревня*, а *внядерэ*, не *плаваю*, а *ваюплá*. Получалось, как нам казалось, очень здорово. К сожалению, стремление к подобной оригинальности для многих людей не кончается и после детства. Молодая дама произносит *кочмар* вместо *кошмар*. Ей искренне думается, что *кошмар* — это простоародно и неблагозвучно. Другой знакомый, начитавшись всяких капитальных трудов, никогда не скажет просто: *не надо*. А обязательно *нет необходимости*. В Вологде на здании вечерней школы висит объявление: «...школа производит прием учащихся». Почему же не написать было проще и правильней: *принимает учащихся*? Очевидно, по мнению администрации, *производит прием* звучит солиднее, строже, внушительнее.

Можно понять врачей и провизоров, использующих в разговоре и при письме латынь... Это, так сказать, их особое, узаконенное веками право. Но как понять инженера-строителя, химика, металлурга, который, выступая в журнале или на митинге, вдруг с каким-то особым удовольствием, даже с гордостью начинает сыпать иностранными словами и выражениями? Причем зачастую даже давно укоренившиеся в практике русские слова нарочно заменяются иностранными: вот, мол, какой я ученый и начитанный. Разумеется, я не говорю здесь о тех иностранных словах, которые перевести или заменить русскими невозможно вообще. (Подробно и весьма показательно пишет об этом К. Яковлев в статье «Тяго-

тение или отягощение?», опубликованной в № 9 за 1968 год журнала «Молодая гвардия».)

Недавно, совершенно случайно, попала на глаза хрестоматия для пятого класса. Та самая книжка, по которой вот уже много лет учатся миллионы наших пятиклассников. Составили ее В. В. Голубков, А. П. Алексич и С. М. Браиловская. Редактор Г. А. Голованова. Книжка утверждена Министерством просвещения РСФСР, издана восьмой раз и называется «Родная литература». С любопытством листаю ее. Не буду говорить о том, почему книга показалась мне бедной по содержанию — это тема иного разговора. Удивило другое, на первый взгляд, совсем незначительное обстоятельство. На большинстве страниц «Родной литературы» имеются сноски, поясняющие детям непонятные, по мнению редакторов, слова и выражения. Какие же это слова и выражения?

Давайте посмотрим начиная с одиннадцатой страницы: луки тугие, боярский двор, терем девичий, палаты. Хорошо. Может быть, действительно необходимо разъяснить школьнику, что это за палаты такие. На шестнадцатой странице школьнику растолковывают, кто такой *кожсемяка* и что он делает (оказывается, мнет кожу). Поясняется, что *увязалась с нею* — это значит 'ушла вместе', что *промеж нас* — народное выражение, равносильное выражению 'между нами'. Далее неискупенные детишки узнают, что значит слово *молодица* из пушкинской сказки. Утверждается, что выражение *пожалую тебя* есть устарелое слово и означает 'окажу милость, награжу'.

Посмотрим еще несколько сносок: *надсада* — 'повреждение, от натуги'; *измаялся* — 'измучился'; *рытвина* — 'яма'; *покои* (устарелое) — 'богато убранные комнаты в барском доме'; *радение* (устарелое) — 'старание'; *ветер с полудня* (устарелое) — 'южный, теплый ветер'; *супротив* — искаженное слово 'против'; *бить баклуши* (народное выражение) — 'бездельничать'.

Перечитав подобные сноски в книге с названием «Родная литература», я вспомнил лесковского немца, который так старательно и так безуспешно переводил услышанное однажды выражение *Ну, и штуку отмочил!* Конечно же, *бить баклуши* — это идиома, может быть, достойная специального пояснения, как и в случае с многообразованным немцем. Но зачем же пояснять, пусть даже и детям, слово *молодица*? (Кстати, *молодицей* в русском языке вовсе не всегда называют молодую жену, как это утверждается в хрестоматии.) И если уж посвящать сноску этому слову, то надо было попутно растолковать юному читателю и кто такие *царь*, *царевна*, *королевич*, тем более, что слова эти чужды нашему современнику.

Но мне почему-то думается, что школьник, даже самый современный, приходит в школу не с необитаемого острова. И что пятый класс сам по себе подразумевает известную осведомленность подростка, его языковые познания, почерпнутые из книг, в семье, в детском саду и т. д. И если редакторы объясняют общеизвестные

слова в специальных сносках, то происходит это, видимо, по одной из двух причин. Либо редакторы не доверяют себе, либо не верят в возможности детей.

Удивляет еще и пристрастие к сноскам в сносках, указание на то, что вот, мол, это слово народное, это устарелое. А почему, собственно, пушкинское *пожалую тебя* устарело и хуже чем редакторское *окажу милость*? И если пояснять пушкинское *пожалую тебя*, то, возможно, надо пояснять и редакторское *окажу милость*. *Рытвина* — это яма, говорится в книге. А *яма* это что, *рытвина*? *Ветер с полудня*, по глубокому убеждению редакторов, — устарелое, *супротив* — искаженное. Что это: стремление к чистоте и регламентации или преднамеренное обеднение родного языка?

Несколько лет назад в печати уже были высказывания по поводу обеднения языка. Но наряду с этим раздавались голоса, что для языка никакой опасности нет, что говорить об этом смешно и не нужно, что процесс развития языка неуправляем и пусть, мол, все движется само собою.

Нет, все-таки, опасность обеднения языка существует. Она, на мой взгляд, обусловлена двумя далеко не безобидными явлениями: во-первых, обеднением речи у многих людей по количественному, словарному составу; во-вторых, обеднением образности, полнокровия, живописности языка. И если первая опасность более или менее понятна и проста, то вторая, как мне кажется, намного сложнее, обширнее и потому неуязвимее.

В самом деле, можно ли обвинять человека в том, что он не умеет говорить образно, ярко, своеобразно? (Хотя еще в 20-х годах в вологодских, к примеру, деревнях существовал настоящий культ языка. Над человеком, не умеющим образно говорить, просто подсмеивались, как подсмеивались над мужчиной, который не умеет красиво рубить угол, или над женщиной, не умеющей вязать и плести кружева. Образность речи многими деревенскими людьми и доньше не считается чем-то исключительным.) Можно ли обижаться на писателя, если у него рациональный, суховато-лаконичный стиль письма?

Понятно, наконец, и стремление учителей, работников образования к пунктуационной и орфографической унификации языка, к твердым и постоянным правилам.

Но ... опять же это проклятое «но». Если один человек говорит сухо, кратко, неэмоционально, то почему так же должен говорить и другой?

Пуристы, ревниги языка обычно ссылаются на Горького, когда отстаивают так называемую чистоту и правильность языка. Но, во-первых, при всей своей ненависти к словесному трюкачеству Горький всегда выступал против словарного ограничительства, боролся за образное богатство языка. Во-вторых, опасность ограничительства, обеднение языка несоизмерима с опасностью засорения. Как это можно засорить народный, литературный язык? И если можно, то не оборачивается ли для него еще большим не-

дугом борьба с засорением? Беда Ф. Панферова, раскритикованного Горьким, была, вероятно, вовсе не в злоупотреблении местными, областническими выражениями... У Шолохова этих выражений не меньше, а больше, чем у Панферова, но «Тихий Дон» остается «Тихим Доном».

Вызывает улыбку (иногда, пожалуй, и слезы) активный протест пуританина, который приказывает человеку не говорить по-рязански. Или по-вологодски. Но почему? Пусть говорит на здоровье! От фонетических диалектизмов общелитературный язык не пострадает, не проиграет и не исчезнет.

Я вовсе не призываю к анархии в языковой стихии, к свободе от всего рационального и общепринятого. Но если унификация и стандарт в производстве, в технике есть великое благо, то унификация в языке литературы — это смерть образа, гибель индивидуальности.

Недоверие к читателю проявляется не только в школьных учебниках. Вот передо мной книги таких великодушных стилистов, как А. Чапыгин и Б. Шергин. В конце чапыгинского тома помещен целый словарь так называемых «областных устаревших слов». Угодили в него даже такие слова, как *поскотина*, *каравашки*. В книге Б. Шергина «Запечатленная слава» редактор считает своим долгом растолковывать читателю, что такое: быстрина, вереск, всхожее и закатное солнце, говóря, дресва, затор, копылья, кормщик, лесйна, лихорадство, озноб, перешерстить, столешница, угор, утлый, утренник.

Тут уж ничего не остается, как в недоумении развести руками.

Говорят: что написано пером, не вырубить топором. Оказывается, еще как можно вырубить. И даже не топором, а тем же редакторским или каким-либо другим пером, которое сплошь да рядом обладает большими правами, чем перо писательское.

Редакторы хрестоматии для пятого класса объявили слово *супрогив* искаженным. Миллионы учителей и учащихся поверили этому, и вот вам пожалуйста — слово из языка выброшено. Больше того, возникает при этом вообще недоверие к приставке *су-*. Между тем приставка *су-* пусть и не очень распространена в нашем языке, но она весьма емкая. (Вспомним хотя бы такие полновесные слова, как: сугемень, суглинок, супесь, сutoлока, сугрев, сугорбый, сукровица.)

Мы вправе принимать или отвергать новые и новейшие словосочетания и обороты, родившиеся по нашей воле, благодаря нашим субъективным стараниям в языке. Но не принимать или игнорировать то, что создано до нас, создано извечным опытом народа, что идет из глубин родного языка, что соответствует духу и плоти этого языка, что живет и может жить — не принимать или игнорировать все это, пусть даже и в частности, никто из нас не в праве.

Василий БЕЛОВ

ГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУССКОГО СЛОВА

В статье В. Ф. Ивановой «Основы русской орфографии» («Русская речь», 1968, № 4) приведен отрывок из рассказа Чехова, набранный без прописных букв. Автор справедливо называет такой печатный текст «равнинным» и обращает внимание на его неудобство для чтения.

Известно, что усвоивший грамоту человек читает не по буквам и не по слогам, а сразу схватывает взглядом целое слово или даже группу слов. Поэтому графический образ слова не безразличен для процесса чтения. Слово, содержащее в себе выступающие над и под строкою буквы, — заметнее, имеет больше отличительных признаков, чем слово без буквенных выступов.

По сравнению с латинским алфавитом русский печатный шрифт беден выступающими из строки буквами. В латинском алфавите таких букв двенадцать: b, d, f, g, h, i, j, k, l, p, q, y. У нас их всего семь: б, д, р, у, ф, ц, щ. Имеют значение и надстрочные знаки. У нас их два: в буквах ё и й. Во французском и в славянских языках, пользующихся латинским шрифтом, надстрочных знаков больше и употребляются они чаще, что также вносит разнообразие в графику печатного текста. В немецком языке надстрочный знак один, но обилие прописных букв (все существительные пишутся с прописной) дает добавочные ориентиры при чтении.

Нетрудно убедиться при сравнении наших книг с западноевропейскими, что текст печатной страницы у нас самый «равнинный» (пользуюсь термином В. Ф. Ивановой из упомянутой выше статьи). Следует вспомнить, что на заре нашего гражданского шрифта букв, выступающих над строкой, было больше. Но уже в XIX веке торчавший над строкой твердый знак (ъ) был введен в ранжир, а орфографическая реформа 1917 года еще более заметно пригладила печатную строку, исключив из алфавита буквы *ѣ* и *і*. Кроме того, настойчивая реформаторская тенденция сокращать употребление прописных букв привела к тому, что «одноэтажных» слов еще прибавилось и графический рисунок печатной строки стал еще однообразнее.

Итак, факт ощутимого обеднения графики нашего алфавита налицо. Может быть, это вопрос скорее эстетики: некрасиво, однообразно, «равнинная» строка и т. п. Конечно, и этого довольно, чтобы почувствовать беспокойство. Но ведь бесспорно и то, что здесь затронуты и интересы читателя — дело идет об удобстве самого процесса чтения. Во всяком случае пора поставить вопрос хотя бы о некоторых допустимых коррективах в графике нашего алфавита. Например, латинизировать наше строчное *ж*, удлинив

его вертикаль. В буквах *ц* и *щ* рекомендовать более заметно акцентировать «хвостик» (как это делается уже в шрифтах «елизаветинском» и «академическом»). Надо бы также сделать нормой употребления *ё* повсюду, где этот звук слышится, а не только в особых случаях: *все, всё*.

Следует пожалеть, что из наборных касс наших типографий выброшен петровский шрифт, отлитый в начале XX века по образцам первых гражданских шрифтов петровского времени (см.: В. Я. Адарюков. Библиография русских типографских шрифтов.

М., 1924). В этом шрифте, кроме «твердого знака» и буквы «ять», высокие штамбы, выходящие над строкой, имеют также буквы *ы* и *ь*. А кроме того начертание строчного *д*, похожее на скорописное, давало дополнительную капитальную букву, то есть букву, у которой начертание прописной и строчной различны. Напомню, кстати, что в русском шрифте таких букв всего семь: Аа, Бб, Ее, Рр, Сс, Уу, Фф. В латинском шрифте из 26 букв алфавита 20 имеют разные начертания прописных и строчных.

Таковы мои пожелания полиграфистам и художникам работающим над созданием новых шрифтов.

PS В журнале «За рубежом» (1968, № 42) помещена заметка из «Обсервера» — «Иероглифы или буквы?», из которой мы узнаем, что японские школьники быстрее и легче постигают грамоту по иероглифам, чем европейские по латинскому алфавиту. По мнению японского профессора Макиты, главная причина тех трудностей, которые испытывают европейские школьники, заключается именно в латинском алфавите. Он слишком абстрактен, многие буквы схожи, например *b* и *d*, и это вызывает путаницу в уме ребенка. Иероглифы, уверяет профессор, говорят воображению значительно больше, чем буквы.

Оказывается, проблема мнемонических качеств алфавита существует даже и в мировом масштабе.

Н. В. КУЗЬМИН,
член-корреспондент Академии
художеств СССР

Прилагаемый рисунок — вариант из «Азбуки» Козьмы Пруткова, которую Н. В. Кузьмин готовит для издательства «Художественная литература».

Говорливые фильмы

Язык, по известному горьковскому определению, — первоэлемент литературы. Само слово *литература* буквально значит 'писание, грамота' (от *литера* 'буква, письмо'). В отличие от литературы кино имеет особый язык, душа которого — запечатленное движение (не забудем об этимологической связи *кинематографа* с *кинематикой* — от общего корня *кинема* 'движение'). Можно говорить поэтому (и специалисты говорят) об особой «стилистике кино», об «экспрессии» образов и эпизодов, но эта стилистика и эта экспрессия не имеют никакого отношения к общей речи, к литературному языку.

В искусстве кино языку в целом отводится второстепенная, подчиненная роль; во всяком случае первоэлементом его никак не назовешь. Доказать это нетрудно. Мы с неослабным интересом смотрим старые немые фильмы с Максом Линдером и Чарли Чаплином, современные «немые» ленты («Двое», «Свадьба»), скудные на слова видовые и хроникально-документальные фильмы. Будучи зрителями, мы создаем собственные «тексты» — тексты своего настроения, душевного волнения, эффекта сопереживания очевидцев событий — путешественников, туристов, первооткрывателей. Более того, сейчас как будто все более модным становится «молчаливый кинематограф» — своего рода протест против слишком говорливых фильмов.

Слово в кино играет роль подчиненную, но не последнюю, тем более в фильмах художественных, вернее «маловысокохудожественных», о которых мы и будем говорить.

В художественном фильме (как и в спектакле) слово, реплика, монолог призваны усилить художественный эффект специфического театрального действия. Неудачное, неточное или пустое сло-

Вопрос о языке фильма, о качестве речи, звучащей с экрана очень непрост. Безусловно, он интересует и лингвистов, и деятелей кинематографии, но кроме того, всех, кто видит в кино не только развлечение, но и серьезное искусство.

В этом номере мы публикуем статьи лингвиста Л. И. Скворцова и кинокритика А. Е. Балихина. Качество языка киносценариев и его влияние на культуру речи, особая художественная роль слова в кинематографе — вот проблемы, затронутые авторами.

Редакция надеется, что читатели примут участие в начатом разговоре. Ждем ваших писем.

во приходит в конфликт с действием, вырастает в чудовищную фальшь. Но вот парадокс: фальшь эта не всегда замечается кинозрителем. Скучную, неинтересную книгу мы не можем читать более получаса, с плохой пьесы уйдем после первого действия, а вот любой фильм (уж коли вошли в зал и сели, даже если на крайние кресла) сидим и смотрим до конца (о, эта чарующая сила сменяющихся живых кадров!). И лишь выходя через два часа из зала, понимаем, что посмотрели «пустой» фильм.

«Необязательность слова» в кино рождает в плохих картинах необязательные слова, реплики, делает серой и косноязычной речь героев. Штамп сюжетного положения приводит к словесному шаблону. Так рождается штамп в квадрате. Другими словами, — пустота. Та пустота, за которой ничего нет (а не та, которую можно «домыслить»): «— Как фильм? — Так себе. — Про что? — Про шпионов (про любовь, про войну, про колхозы, про летчиков и т. д.)». Потому-то и сливаются в нашей памяти имена героев и сюжеты «серых» фильмов, их названия и образы. Для нас это общая толпа, в которой неразличимы отдельные лица.

Воспользуемся приемом кинематографа, который один имеет «обратное», или лучше сказать «повторное» время. Остановим пленку и прокрутим ее еще раз. Вот они, штампы бесцветных фильмов (некоторые из них цветные!) за последние несколько лет.

Прежде всего — это псевдофилософичность, вытекающая из углубленных размышлений положительных (или не вполне положительных) героев о смысле жизни и ее основных закономерностях:

Наверно, таков закон жизни: если она дарит что-то, то обязательно отнимает другое.

Родившийся в грозу

В разных фильмах встречаем мы сработанные по шаблону мучительные рассуждения героев по поводу собственной судьбы и собственной жизни:

[Героиня:] «И вот опять май, а я ни богу свечка, ни черту кочерга»...

Там, где цветут эдельвейсы

[Она:] «Юность, романтика, мечты о будущем — все это с годами уходит, как чудесный, прекрасный сон».

[Он:] «Неужели пять лет супружеской жизни все зачеркнули — мечты, стремления?».

Жизнь прошла ночью

В дальнейших диалогах персонажей фильма «Жизнь прошла ночью» отвлеченные «мечты» и «стремления» получают расшифровку и конкретное воплощение:

[Она:] «Значит, ваша мечта не осуществилась?».

[Он:] «Почему? Я учусь в заочном, через два года получу диплом. А вы?».

Наконец, глубоко выстрадавшие размышления героини о смысле жизни и семейном счастье приходят к окончательному оформлению:

[Она:] «Да разве *смысл жизни* в этом?»

[Ее муж:] «А в чем?».

[Она:] «Но не в земных благах (?), а в труде, а в любви и взаимном (!) уважении».

Жизнь — это воплощение справедливости, это победа добра над злом, неминуемое посрамление подлых людей, негодяев:

[Муж:] «Да что ты, как попугай, заладила: „Гафур, Гафур...“. Нет никакого Гафура, слышишь? *Жизнь его давно вычеркнула*».

[Жена:] «Что ты знаешь об этой жизни? Нет, Умар. Жизнь вычеркивает не таких, как Гафур, а таких, как ты... подлецов».

Этот семейный принципиальный спор в финале фильма разрешается торжественными словами диктора за кадром:

Жизнь неодолимо *двигалась вперед*. Машина Гафура Каюмова вышла в поле. И народ назвал ее именем своей республики...

Нет, это не отрывок из «производственной» картины конца 40-х годов, а заключительная сцена из фильма наших дней под названием «Трудный путь». От повтора ситуации к повтору словесной тональности — путь, как видим, довольно легкий.

Другой распространенный шаблон возникает из шаблона любовной ситуации, которая реализуется стандартными средствами. Вот, к примеру, объяснение в любви старомодное, красивое не без изысканности:

[Он:] «Я как будто все о вас знаю, но ничего не знаю, кроме имени...».

Родившийся в грозу

Объяснение более современное, полное недомолвок и околичностей:

-- Гафур, я красивая?

-- Что с тобой?

-- Нет, ты скажи, я красивая?

-- Да, конечно.

Трудный путь

Не правда ли, мы это все где-то уже читали и слышали?

А вот шаблон речи персонажей из руководящих деятелей «нижнего звена»:

-- *Итак, товарищи*, я надеюсь, Халил Буриевич *оправдывает доверие* нашего коллектива. *Порукой этому* — его большие знания и опыт.

Трудный путь

-- *Когда речь идет о прогрессе*, я не имею права поддаваться чувствам. В конечном счете люди от этого выигрывают.

Мать и мачеха

Кто сказал, что шаблон убивает юмор? Практика «серых» фильмов опровергает эту выдумку. Вот взятые наугад шаблоны остроумия и легкодоступные каламбуры, порожденные с помощью одного и того же нехитрого приема:

— Ты всегда ввязываешься в какую-нибудь историю.

— Значит, я „историческая личность“.

Роман и Франческа

— Будем считать, что вопрос решен. Надо брать быка...

— Быка тоже будем брать?

— Э-э-э...то есть я хотел сказать... надо брать *кита за рога*... э-э-э... то есть *кита за хвоста* [все смеются]

Бывает и так

— Вероятно, вы занимаете большой пост, Христофор Колумбович?

— Меня зовут *Колумб Христофорович*. *Вещи* (!) надо называть своими именами.

Ромео, мой сосед

А в следующей сцене мы узнаем навязший в зубах анекдот эстрадных конференсье:

— Как нам пройти в цирк? Сын у нас там в артистах служит.

[Человек с пивной кружкой:] «Это... м-м... *вот за той пивной*—направо. Мимо *табачного* киоска, не доходя *винного* магазина — налево. Вот там увидите *ресторан*, ну, а возле него — цирк».

[Женщина:] «Нет! Вы *дойдите* (?) к *ювелирному* магазину. Там напротив *дамского ателье* — улица. Пойдете по этой улице. Мимо *комиссионного* магазина. Мимо *косметического института* — налево».

Артист из Кохаповки

Шаблонизированы не только остроты и шутки, но и сами шутники. По нашим комедийным фильмам бродит типовой персонаж, сработанный под бессмертного деда Щукаря. У разных авторов называется он почему-то по-разному: то дед Кузьма, то дед Евсей, то еще какой-нибудь «дед». Именно в уста такого персонажа «из народа» вкладываются все эти пошлые шуточники, вместе с диалектизмами и псевдодиалектизмами, переименованными или искаженными иностранными словечками. Вот, к примеру, Щукарь по имени дед Кузьма, пьющий водочку из грелки и произносящий такие фразы:

— Ну, по одной. *Под копірку*. *Стоящая вещь*.

Или:

— Ты понимаешь, *какая преамбула*. Я нашел бочку. Думал, керосин. А потом *в прошлом годе* *принюхался*... *Рифтификат*. *Стоящая вещь*, *сурьезная*.

Артист из Кохаповки

Неужели невдомек авторам сценариев, насколько фальшивы и псевдонародны излюбленные ими слова и выражения: «кажинный божий день», «в прошлом годе», «сурьезная вещь», «откедова будете», «надысь» и многие другие «преамбулы»?

Фальшь псевдонародности переходит в ряде фильмов в неумное использование фамильярной или просто бранной лексики. Это полярная крайность искусственности — натурализм. Из разных фильмов выплескиваются с экрана на головы обескураженных зрителей шумные и почти неpotребные перебранки:

- Нужен, ты мне! *Гниба!*
- Ее надо гнать, *паскуду*.
- Я — *паскуда?! А вы святые?*
- Напилась, *дура*.
- *Паразиты несчастные*.
- А ты кто такая?! *Грязь подзаборная*.

Мать и мачеха

- А кто приехал?
- *Черт его знает*. Видимо, начальство.

12 могил Ходжи Насредина

- Что же ты, *кила трехъярусная*, крант-то не закрыл?

Человек без паспорта

Вложенные в уста разных (иногда противоположных по характерам) героев, эти сами по себе выразительные средства нейтрализуются, теряют функциональную нагрузку и превращаются в пустую ругань. Нивелировка характеров нивелирует речь героев. Делает ее однообразной, стереотипной. Живая разговорная речь гораздо богаче по своим стиливым, интонационным и просто художественным возможностям! Надо лишь уметь слушать ее. Каждая рожа — язык; эта знаменитая чеховская формула одинаково справедлива и для жизни и для искусства. Зачем же мы так неразумно обедняем и обкрадываем себя?

И еще об одном хотелось бы сказать в связи с речью в кино. О достоверности языка в так называемых исторических фильмах. К сожалению, нередко бывает так, что хронологические рамки языка в них смещаются, и это приводит к досадным анахронизмам. Революционные моряки начала века (1907 г.) начинают изъясняться современным просторечным «говорком»:

- Это разве хлеб? От него и *загнуть* можно.
- Они и хотят, чтобы мы *загнулись*.

Непокоренный батальон

- В этом же фильме большевик-подпольщик произносит фразу:¹
- Здесь в лесах есть один беглец, очень нужный нам человек. Вот надо ему помочь — *подбросить* патроны, оружие. *Сумеете?*

В этой фразе сразу две ошибки. *Суметь* в значении «смочь» — новообразование. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова это значение глагола *суметь* квалифицируется как «просторечное» и «новое». Вспомним, что словарь вышел в конце 30-х годов нашего века и опирался на большой литературный материал и богатый опыт лучших советских лексикографов.

Глагол *подбросить* — еще более «молодой». В Словаре Д. Н. Ушакова он даже и не отмечается. По свидетельству С. И. Ожегова, это слово (и сходные с ним по типу образования *подойти, подбежать, подослать*) появилось в 40-е годы, в период Великой Отечественной войны («Вопросы культуры речи». Вып. II. М., 1959).

Я понимаю, что создателей фильма о 1907 году больше беспокоила правдивость бытовых деталей — форма пуговиц, нашивок, образцы оружия и т. п. (ошибки и анахронизмы такого рода тоже бывают). В кино это важнее. Но историческая правдивость речевых средств тоже нужна. Ведь у каждого времени не только свои песни и байки, но и своя речь, свой, ему именно присущий речевой строй. Зачем же заставлять дедов говорить языком их внуков? Можно как будто возразить: это нелепо лишь с точки зрения специалистов-языковедов. Но я не соглашусь — нелепость всегда останется нелепостью с какой бы точки зрения на нее ни смотреть.

Язык кино (говоря языком же кино) — «вещь сурьезная». Размноженные на миллионах экранов, подхваченные завтра же на улице остроумная реплика, шутка, острое словцо быстро становятся расхожими в обиходной разговорной речи. Вместе с метким словом тот же путь проходит и пошлый анекдот, и неосторожное сравнение, и пустопорожний афоризм... Великое дело — кино. И слово его — велико. Наряду с театром и радио кино становится законодателем современных литературных норм — орфоэпических (произносительных), грамматических, лексических. В языке массовой коммуникации наших дней язык кино занимает одно из первых мест. И тем ответственнее роль его творцов и создателей.

Но почему же у нас обычно бывает так, что сначала пройдет размноженным в миллионных тиражах на объявлениях и афишах название «Афёра в казино», а уж потом мы начинаем ломать голову над тем, откуда и когда появилось это злосчастное *ё*? Почему сначала появляется фильм «Человек с тысячью лиц», а уж потом рождаются звонки и письменные запросы в авторитетные академические инстанции от кинематографистов, желающих утвердиться в правоте своей контаминации? Не потому ли, что слишком уж полагаются киноработники на свой вкус и слух и не обращаются вовремя за лингвистической помощью?

Где же выход? — спросите вы. Не в пышном ли развитии инсценировок добротных литературных произведений? Видимо, нет. Литература и кино — не соперники, а верные друзья и добрые друг другу помощники. Выжимки (даже подробные) — все равно суррогат, который никогда не заменит целиком естественную пищу. Я не хочу, чтобы мои дети ограничивались «знакомством» с Толстым и Чеховым только по киноинсценировкам (пусть даже «удачным» или «талантливым»). Такое ограничение неминуемо переходит в ограниченность, и многие школьные учителя уже давно всерьез озабочены этим.

Итак, в чем же выход? Во внимательном отношении к звучащему слову кино. Как часто оно теряется из виду в суматохе чисто кинематографических дел — заботах операторских, режиссерских или технических. И как страдает от этого!

Кино может быть немым. Кино может быть немногословным или молчаливым. Но оно не должно быть косноязычным.

В статье использованы монтажные записи художественных фильмов (изд. «Реклам-фильм»):

Артист из Кохановки. Киностудия имени А. П. Довженко, 1961. Сценарист И. Стаднюк. Редактор Г. Зельдович.— 1962.

Бывает и так. Киностудия «Туркменфильм», 1965. Сценаристы: Ю. Леонов, В. Амлинский, Ю. Юлии.— 1965.

Жизнь прошла ночью. Киностудия «Узбекфильм», 1965. Сценарист У. Назаров, при участии И. Прута. Редактор К. Димова.— 1966.

Мать и мачеха. Киностудия «Ленфильм», 1964. Сценарист Г. Радов. Редактор И. Тарсанова.— 1965.

Непокоренный батальон. Киностудия «Азербайджанфильм», дубляж Центральной студии киноактера «Мосфильм», 1966. Сценарист Г. Мусаев. Редактор Н. Шнеер.— 1966.

Родившийся в грозу. Киностудия «Узбекфильм», 1965. Сцена-

рист С. Нагорный. Редактор А. Мадорский.— 1966.

Роман и Франческа. Киностудия имени А. П. Довженко, 1960. Сценарист А. Ильченко. Редактор Н. Лугина.— 1961.

Ромео, мой сосед. Киностудия «Азербайджанфильм», дубляж Центральной студии киноактера «Мосфильм», 1963. Сценарист В. Есман, при участии И. Прута.— 1964.

Там, где цветут эдельвейсы. Киностудия «Казахфильм», 1965. Сценаристы: С. Мартыянов, Е. Аров. Редактор О. Бондаренко.— 1966.

Трудный путь. Киностудия «Узбекфильм», дубляж киностудии «Ленфильм», 1965. Сценарист С. Нуритдинов.— 1966.

Человек без паспорта. Киностудия «Мосфильм», 1965. Сценарист В. Кузнецов. Редактор В. Леонов.— 1966.

12 могил Ходжи Насреддина. Киностудия «Таджикфильм», 1966. Сценаристы: Т. Зулфикаров, Н. Исламов, при участии К. Минца. Редактор Л. Киямова.— 1966.

Кандидат филологических наук
Л. И. СКВОРЦОВ

2

Живое слово с экрана

Статья Л. И. Скворцова, с которой меня любезно познакомили в редакции журнала, не вызывает особенного желания спорить. Автор, несомненно, прав в своем основном утверждении — с экранна должна звучать правильная речь. Стертая, косноязычная речь еще больше усиливает неблагоприятное впечатление от фильма. Она способна скомпрометировать и замысел автора и приведенных им на экран персонажей.

Безусловно, с культурой речи в кинематографе дело обстоит не всегда благополучно. И все-таки, думается, что, обращаясь к про-

блеме «культура речи в кино», Л. И. Скворцов несколько упростил задачу самым подбором примеров.

Прежде всего ясно, что неточная, замусоренная речь далеко не единственный недостаток названных в статье фильмов. Сюжет, характеры, постановка проблем — все в них находится на одном и том же весьма посредственном уровне. А если фильм не обладает свежестью и глубиной проблематики, своеобразием характеров, то и речь в нем должна быть вялой, стертой, ложно эмоциональной. Речевая характеристика как форма существования образа в подавляющем большинстве названных фильмов вполне соответствует их содержанию.

Вместе с тем почти все фильмы, из которых взяты примеры в статье Л. И. Скворцова, пришли на всесоюзный экран в переводном, дублированном варианте. А это создает дополнительные сложности: сначала готовят перевод, очень напоминающий подстрочник. Режиссер дубляжа, располагающий приблизительным текстом и вынужденный добиваться артикуляционных совпадений, бывает озабочен главным образом передачей смысла. Он заботится еще и о том, чтобы максимально приблизить речь фильма к сегодняшним нормам разговорной речи, иногда даже умышленно поступаясь точностью исторических значений слова. В таких условиях не может не потеряться глубина и точность значения слова, его различных оттенков. Недаром, по общему мнению кинематографистов, в процессе дублирования фильм много теряет, становится стандартным.

Речь персонажей в художественном фильме в целом должна подчиняться законам литературной разговорной речи, но все-таки нельзя так уж строго судить кинематограф за его несколько более вольное, чем в художественной литературе, обращение с языком. Рассчитанный на многомиллионную аудиторию, он обязан в большей степени, нежели книга, оснащать речь современными разговорными выражениями. Слово звучит с экрана один раз, его невозможно перечитать или переспросить. Оно сразу должно быть понято и прочувствовано сидящими в зале. Степень смысловой и эмоциональной концентрации кинематографического слова должна быть выше, чем у печатного. В этом отношении даже речь исторических персонажей не составляет принципиального исключения. Если позволительно говорить о современном понимании и современной трактовке того или иного исторического персонажа, то, очевидно, и речь его тоже должна быть максимально понятна сегодняшнему зрителю.

Не хочется соглашаться с Л. И. Скворцовым и в одном из его выводов. Абсолютизируя бесспорное теоретическое положение о кино как средстве массовой коммуникации, автор, по-моему, явно недооценивает критических способностей современного зрителя. На киностудии страны, в газеты идет нескончаемый поток писем, содержащих разнообразную критику фильмов, в том числе и точные замечания относительно их речевого ряда. Несправедливо было бы предположить, что зритель станет копировать плоскую речь

персонажей, возьмет на вооружение их избитые остроты или неумеренную ругань. Не следует забывать и о том, что слово экранное обладает гораздо меньшей нормативностью, чем слово печатное.

Кроме справедливой критики плохого языка неудачных кинокартин, статья Л. И. Скворцова содержит и некоторые теоретические суждения о речи в кино. Поэтому она вызывает желание не только задуматься о языковых ошибках киногероев, но и поговорить о назначении слова в современном кинематографе, о его различных художественных функциях в фильме.

Главная особенность кинематографического слова в том, что это живое слово. Его удельный вес в фильме, правомерность и глубина звучания определяются замыслом автора, интонацией произнесения и многоплановым кинематографическим контекстом, то есть ситуацией на экране, пересечением звучащего слова с изображением, с другими словами, со всей фонограммой фильма. Без учета этих важнейших факторов очень трудно решить вопрос об уместности слова, о праве авторов на деформацию его значения, а порой и звучания.

В современном кинематографе идет серьезная и вдумчивая работа со словом. В основном закончился период речевой несдержанности. Словом пользуются бережнее, с большим пониманием специфики кино, жанра фильма и стилистической окраски речи. Гораздо больше, чем раньше, различают устную и письменную речь в историко-биографических фильмах, посвященных людям, оставившим богатое литературное и эпистолярное наследие. И хотя еще можно увидеть на экране, например, А. П. Чехова, произносящего цитаты из писем к жене или друзьям, в целом кинематограф даже в этом жанре все больше начинает объясняться на языке разговорном, звучащем в устах персонажей естественно и непринужденно.

Киноискусство располагает такими крайними примерами противоположного отношения к слову, как фильм японского режиссера Кането Синдо «Голый остров», фонограмма которого состоит лишь из музыки и шумов, или фильм американца Сиднея Льюметта «Двенадцать разгневанных мужчин», вся драматургия которого заключена в напряженном диалоге. Оба фильма — несомненно удачные. Хотя число подобных примеров можно было бы увеличить, следует признать, что творческие поиски, дающие значительные художественные результаты, идут не по пути отказа от слова вообще или создания исключительно «разговорных» фильмов, а по пути более точного и осознанного употребления слова.

Среди советских фильмов, вышедших на экраны в последнее время, есть весьма интересные именно с точки зрения роли речевой стихии в создании художественного целого. Недавно с успехом прошел по экранам фильм драматурга М. Шатрова и режиссера Ю. Карасика «Шестое июля». Построенная на документальной основе остро политическая лента рассказывает об одном дне жизни

только что родившейся Советской республики, о V Всероссийском съезде Советов и подавлении левоэсеровского мятежа. На фоне историко-революционных лент, созданных в последние годы, картина «Шестое июля» обладает несомненными признаками жанрового новаторства.

Колоссальную роль в фильме играет слово. Точное, политически насыщенное слово создает предельную степень эмоционального напряжения кадра, эпизода, образа. Оно звучит на протяжении всего фильма с трибуны и в кулуарах съезда, с заседаний фракций, со стихийно возникающих деловых совещаний и споров. Почти хроникально воссоздавая атмосферу политической борьбы, авторы не боятся прибегать к испытанным и, казалось бы, исчерпавшим себя кинематографическим приемам — огромными кусками с одной точки снимать речи делегатов, выводить зрителя на митинг, сажать за стол заседаний. В этих условиях слово превращается в основной фактор драматургии фильма. Деловая речь телеграмм, приказов и распоряжений становится безошибочным средством эмоционального воздействия.

Кинематографическое слово неотделимо от интонации произношения. Слово не только читают, его играют. Всякая неточность, актерская фальшь уничтожает слово на экране. Но не только предельно точной актерской игрой добиваются создатели фильма «Шестое июля» эмоциональной насыщенности слова. Лаконичными, чисто изобразительными средствами они создают слову необходимый контекст. Вереница документальных стоп-кадров в экспозиции фильма воспроизводит зримый образ голодной, растерзанной на части, стонущей под сапогом оккупантов страны. Затем этот образ переходит в словесный ряд, всплывая в скупых строчках донесений, со всех концов поступающих в Кремль. Он постоянно присутствует в ткани повествования, подкрепляя политические диспуты, конкретизируя споры, составляя реальную жизненную основу происходящих на экране событий. Благодаря ему слово перестает быть абстракцией.

«Шестое июля» необычайно интересно использует и начертанное слово. Записка, телеграфная лента, ссылки на документальные источники, наконец, просто слова-титры, как в немом кинематографе, возникающие на экране в наиболее напряженных эпизодах, — все это становится многоплановым средством воспроизведения исторической атмосферы, проникновения в дух эпохи.

Трудно сказать, кто впервые применил в кинематографе прием закадрового голоса и таким образом открыл для слова в кино большие дополнительные возможности. Этот прием получил широкое распространение и было создано немало картин, использовавших его настолько примитивно, что он уже перестал ощущаться как плодотворный. Однако ленинградский режиссер И. Авербах, поставивший фильм «Степень риска» по мотивам известной книги Н. Амосова «Мысли и сердце», сделал этот прием основным драматургическим принципом в рассказе о большом хирурге и большом

человеке. И добился несомненно интересного художественного результата.

Профессор Седов в исполнении Б. Ливанова — личность противоречивая и вместе с тем удивительно цельная. Специалист-языковед обнаружил бы необычайное богатство лексики в языке этого персонажа и то, как меняются интонации и оттенки слов в разговорах Седова с Сашей и Женей, с коллегами во время операции и в быту. От ласковых и просительных — до язвительно-проничных и резких, почти бранных в минуты, когда на столе лежит больной со вскрытой грудной клеткой. Но основное художественное средство в раскрытии характера Седова — это его разговоры с самим собой. Они возникают в моменты наивысшего эмоционального напряжения, когда ситуация обострена до предела, когда ощущается необходимость концентрированного словесного выражения пережитого. Закадровый голос в фильме «Степень риска» образует вместе с речью Седова в кадре то пересечение противоположных словесных и интонационных рядов, из которого рождается образ нашего современника — человека, идущего по неизведанному пути в науке. Ни актер, ни режиссер никак не остраивают этот прием, не подготавливают его изобразительно. Но за кадром продолжается актерская игра, продолжается жизнь в образе, и результат получается убедительным. Испытанное художественное средство получает новую жизнь.

Слово в фильме многолико и его возможности трудно учесть. Трудно представить, на стыке с каким изображением может родиться наивысшая степень выразительности, новое художественное качество. Необычайно интересны поиски кинематографа в области сугубо кинематографического формообразующего звучания слова. В фильме С. Параджанова «Тени забытых предков» довольно мало слов, а там, где они есть, они редко воспринимаются в своем прямом значении — как самовыражение персонажей. Речевая стихия фильма — это система притч, присказок, сопутствующих действию в качестве своеобразного философского комментария или предсказания. В словесную ткань фильма влетают слова-лейтмотивы, звучащие на протяжении совершенно различных эпизодов вне видимой связи с происходящим. На их фоне не кажется странной необычная, порой далекая от бытовых интонаций манера персонажей объясняться друг с другом. Слово в фильме как бы самостоятельно, отделено от происходящего и в то же время связано с ним сложными внутренними ассоциациями. Оно образует единый эмоциональный художественный комплекс, играющий главную роль во всей поэтике фильма. Оно становится формообразующим моментом картины наряду с музыкой и цветом.

Очень большое распространение в кинематографе последних лет приобретают слова-клише, отрывки радиопередач, газетная информация, песни. Включаемые в художественную ткань фильмов в качестве самостоятельного мотива, они становятся важнейшим средством воспроизведения жизненной атмосферы отдельного эпи-

зода или фильма в целом, средством монтажа (то есть сцепления различных эпизодов), лейтмотивами повествования. Голос Левитана, читающего сводки информбюро в фильмах на военную тему, последние известия, спортивные репортажи, объявления, песни — все это, составляя контрапункт с конкретным сюжетом картины, позволяет создать в фильме очертания огромного внешнего мира, уточнить в нем место персонажей и их жизненных драм.

Достаточно вспомнить, какую роль играет... транзистор в фильме А. Гребнева и М. Худиева «Июльский дождь». Какой поток информации о мире привносит он в первую часть картины — проход героини по московским улицам! Совершенно, казалось бы, не связанный с развивающимся действием, служащий всего лишь фоном, он помогает понять факторы, которые воздействуют на формирование психологии современного человека, а следовательно, и мотивы его поступков. Недаром же отзвуки какого-то «транзисторного» мышления видны и в резко тенденциозной сцене вечеринки с ее шуточной анкетой и пустыми разговорами, в разоблачительной сцене пикника и во многих других моментах фильма, рассказывающего о душевной опустошенности и вырождении человеческих эмоций у вроде бы во всех отношениях благополучных людей.

Введение в фонограмму фильма «третьего» авторского голоса, рассказывающего о мире, о большой жизни, — прием живой и плодотворный. Он и отображает процесс «документализации» современного кино, и позволяет вводить в фильм философский подтекст. Его эмоциональное воздействие огромно.

Проблема использования кинематографом слова не проста и не исчерпывается приведенными выше примерами. Возможностей в этом смысле очень много. Однако рассмотренные случаи достаточно характерны, типологически устойчивы, они лежат на основной магистрали творческих поисков, которые ведутся в современном кинематографе.

А. Е. БАЛИХИН

Выразительность сценического произношения

К разнообразным средствам воздействия, которыми обладает драматический театр (декорация, свет, костюмы, музыкальное оформление, гримы, внешность актера, его пластика и т. д.), в первую очередь относится слово. К. С. Станиславский рассматривал его как начало и вершину творческой работы актера над образом; В. И. Немирович-Дан-

ченко считал, что слово — «венец и... источник задач психологических и пластических» (Беседы с молодежью). Текст помогает уяснить и выразить действие спектакля, характер персонажей. Мастерам старого и современного театра всегда было свойственно бережное отношение к слову, умение доносить до зрителя действительную мысль, раскрывать

при помощи речи героя дополнительные грани его характера.

Внимание к слову в театре возрастает, так как все больше появляется спектаклей, сделанных в «современной манере», которую отличает лаконизм и условность сценического оформления, отсутствие декораций, реквизита (за исключением разве самых необходимых предметов). Современные драматурги пишут пьесы, где всего два-три героя (А. Арбузов «Мой бедный Марат», В. Максимов «Позывные твоих параллелей», Л. Зорин «Варшавская мелодия» и т. д.). Есть пьесы и с одним героем, например польского драматурга Е. Брошкевича «Два приключения Лемюэля Гулливера». Поэтому особенно действенно, выразительно должно звучать слово со сцены, приковывая к себе внимание зрителя.

Речевые выразительные средства — это голос (его сила, диапазон и умение им пользоваться, тембр), дикционная и орфоэпическая чистота произношения, использование диалектных черт, акцентов и просторечия. К ярким выразительным средствам относятся мелодика и ритм речи, темп произнесения текста, паузы, выделяющие и усиливающие мысль; хорошо поставленное фонационное дыхание, позволяющее «не захлебываясь» донести мысль, выраженную большим периодом, а также и алогизм речи, и умение выделить зерно роли, так называемое «мохнатое слово» (по выражению Н. П. Хмелева).

Однако молодые актеры и режиссеры иногда спорят о том, можно ли произношение, дикцию и голос относить к современным речевым выразителям. Наш театр реалистический, говорят они, и должен правдиво отражать современную мане-

ру речи. При ускоренном ритме нашей жизни отточенная дикция актерам не нужна, она несовременна, а в нечетком, даже небрежном произношении есть особое обаяние, «правда жизни». По их мнению, «интимный», бесцветный звук голоса полнее выражает внутренний мир героев. То же самое можно услышать и об орфоэпии. Зачем театру единое литературное произношение, когда в жизни сплошь и рядом мы слышим неправильные ударения и акценты? И вот сторонники таких утверждений поднимают на щит небрежную речевую скороговорку, отсутствие интонационной яркости — так называемый монотон, провозглашая их современными речевыми выразителями.

В. М. Зименко в работе «Традиции, новаторство, современность» (М., 1965) пишет: «Правда искусства и правда жизни... между ними не может быть противоречия, как между природным явлением и научной истиной, его формирующей.

Но есть отличие — правда искусства не сама действительность, это правда человеческого отражения действительности. Оно обобщает жизненные факты, выявляет общий смысл, внутреннюю закономерность, и это идет без утраты яркости, живости, полноты конкретного явления».

Театр не слепок, не фотография, не все в жизни может быть предметом искусства. Недостаточно культурная речь не знамение времени, не то явление, которое надо поддерживать и развивать. Это наш недостаток, и театр должен возглавить борьбу с ним, а не насаждать его.

Одна из актуальных проблем современного театра и есть проблема сценического произношения. Изучить законы русской орфоэпии и

уметь пользоваться правильным литературным языком, добиться единого произношения в театре — требование, вызванное творческой необходимостью. Отстаивая единое произношение, театр не обедняет этим русский язык, а делает его понятным, доходчивым, близким каждому зрителю независимо от того, откуда он родом — из Рязани, Вологды или Ростова. «Литературный язык можно назвать высшей формой национального языка, а местные диалекты его низшей формой, ибо первый — это та форма сегодняшнего национального русского языка, которая в будущем станет действительно единственным средством общения людей, говорящих по-русски, в то время как местные диалекты — уже теперь категория исчезающая, хотя они еще и ныне обогащают литературный язык» (В. В. Иванов. Русские народные говоры. М., 1957).

Пестрота в произношении, речевой разницей затрудняют восприятие спектакля, оставляют впечатление недоработки, неряшливости, а в спектакле все должно быть направлено на выявление его основной идеи и не может быть ничего второстепенного, случайного. Услышав неправильное ударение, зрители отвлекаются от сценического действия и какое-то событие, какая-то важная, интересная мысль проходят мимо.

Большинство актеров получает специальное образование и поэтому знакомо с нормами русской орфоэпии. Но бывает так, что они утрачивают правильное литературное произношение, вводят в речь элементы говоров, бытующих в местностях, где им приходится работать. И тогда их речь — препятствие в творчестве. Как можно ставить в те-

атре, скажем, «Три сестры» Чехова, если Ирину играет актриса, произносящая звук [г] как фрикативный, а не взрывной; актриса, играющая Ольгу, «страдает» диссимилятивным аканьем, произнося *вьда*, а не *вада*, *тръва*, а не *трава*, а у Маши недостаточно выделен ударный слог в составе слова. В результате будет затруднено восприятие спектакля, нарушится его художественная целостность. Ведь по речи мы судим о среде, в которой живет герой, а Ольга, Маша и Ирина — люди образованные, интеллигентные, и речь их должна быть не только литературной, но и одинаковой (ведь воспитывались сестры в одной семье, причем московской. Где же могли они приобрести диалектные особенности разных губерний?).

Иногда в речи актеров мы отмечаем недопустимый ритм. В разговорной речи это можно встретить в подмосковных говорах: *па-а-шла-а*, а не *пашла*, *ка-а-за-а*, а не *каза*. Такое произношение — «речевая красота», с ним можно мириться в спектакле, где актриса играет московскую девчонку, но это совершенно невозможно, например, в речи героини переводной пьесы.

Правильное литературное произношение обязательно и для героев современных наших пьес, материал роли которых не допускает отхода от него. Мы теперь часто говорим: «В театр пришел интеллектуальный герой». Выразить его интеллект, передать умение мыслить, его богатый духовный мир, глубокие разносторонние знания можно прежде всего грамотной литературной речью и четкой дикцией. А как мы, сидящие в зале, поверим в интеллект такого героя, если актер, его играющий, произнесет *изобрётение*, *значимость*, *константировать*? «Если речь идет

об искусстве, одухотворенном поэзией, а не об унылом бытописательстве, если от актеров требуется, чтобы их воображение умело отбирать типическое в жизни, то соответственно с этим и выразительные средства должны быть не механической копией жизни, а творческим претворением ее» (М. И. Кнебель. Школа режиссуры Немировича-Данченко. М., 1966, стр. 26).

Если актеры театра обладают высокой речевой культурой, то в спектаклях есть тот нейтральный речевой фон, на котором очень заметны отклонения от орфоэпических норм. Чистота произношения, как и эти отклонения, служит «краской» для более полного, яркого раскрытия характера персонажа. Актеры используют речевую характерность при создании того или иного образа, вкрапывая в речь своего героя те элементы диалекта, то просторечия.

Необходимо, однако, помнить, что речевые краски надо применять умело. Они допустимы лишь в следующих случаях: когда вызваны творческой необходимостью, то есть по существу углубляют, обогащают образ (а не рождены по прихоти актера — лишь бы посмешишь зал; тогда они вредны, так как отвлекают зрителя от целенаправленного сценического действия); подкреплены внутренней органикой актера, стали его внутренней правдой; соблюдено чувство меры, иначе речь малопонятна, тяжела для восприятия (М. С. Щепкин учил: «Не пренебрегай отделкой всяких мелочей, но помни, что не они составляют главный предмет»); когда актеры хорошо знакомы с основными диалектными особенностями и знают, в какое время и в какой среде было нормой то произношение, которое сейчас устарело.

Незнание диалектных различий ведет к курьезам. Например, актер, играя Игумена в «Борисе Годунове» (спектакль Центрального детского театра в Москве), неправильно говорит *влодыко* — окает. Студенты театрального института, по неопытности, произносят, играя в пьесах Грибоедова и Островского, *столица* и *свобода*, как иногда произносят иностранные *бокал, костюм*.

О таких курьезах писал Г. О. Винюков в своей работе «Русское сценическое произношение». В спектакле «Плоды просвещения» на сцену выходили мужики, приехавшие из одной губернии, но почему-то говорившие на диалектах всех губерний России. Актеры непрофессионально, дилетантски отнеслись к речевой характеристике своих героев.

Но можно привести значительно больше примеров, когда актеры, проявляя художественное чутье, вкус и мастерство, использовали великолепную русскую речь в одних ролях и «речевые краски» — отклонения от орфоэпических норм — в других, создавая яркие, живые, колоритные характеры.

Великолепный спектакль МТЮЗа «Будьте готовы, Ваше высочество» Л. Кассиля можно смотреть много раз, он волнует, заражает, он доставляет настоящую радость. Народную артистку РСФСР Л. Князеву мы знаем давно и всегда поражаемся богатству, разнообразию ее артистических возможностей. Можно бесконечно много говорить об ее — нет, не исполнении, а жизни в роли, но я обращаю внимание на то, как говорит ее принц. Князева разговаривает, разумеется, по-русски, но с сильным акцентом. Надо обладать очень чутким ухом, музыкальностью, чтобы с такой точностью передать речь этого мальчика.

В спектакле рассказывается о детях, приехавших в пионерский лагерь на Черном море из всех уголков нашей страны, и вот тут-то речевой разноречивостью, говоры становятся выразителями. Тарасик (артистка Л. Ахеджакова) говорит с украинским акцентом, а Тося (артистка Т. Дегтярева) — окает: она приехала с Волги. Причем, это оканье — не только особенность говора волжан; в нем слышится уверенность, весомость суждений девочки.

В спектакле Московского драматического театра «Жив человек» В. Максимова образ Силовны, простой, скромной женщины, создала М. Андрианова. Много пришлось поработать артистке над речью героини, чтобы она стала характерной именно для этой старой малограмотной женщины. С наибольшей полнотой раскрывает М. Андрианова характер Силовны во время чтения письма и в рассказе притчи. Вот она читает письмо сына (с бесконечными поклонами и приветами), читает монотонно, без пауз, делая неверные ударения. Чувствуется, что чтение письма доставляет ей немало хлопот. Или рассказывает Сергею побасенку с истинно русскими, старинными «сказочными» интонациями, нараспев, во спеша да так лукаво, многозначительно, чтобы понял Сергей, что побасенка та — про него!

Вл. Филиппов в предисловии к книге Г. О. Винокура «Русское сценическое произношение» приводит интересный пример об исполнении П. М. Садовским роли Растегина (спектакль Малого театра «На берегу Невы» К. Тренева). Он строил роль на великолепном литературном произношении, произносил безударный звук [о] в словах иностранного происхождения, и верилось, что он

из «лучшего общества» и может быть министром в правительстве Черенского. Когда же надвигающаяся революция грозит ему разорением, он теряет контроль над собой и своей речью, произносит безударный [о] как чистый [а] в иноязычных словах, смягчает в них *д* и *т* перед звуком [э] и т. д., и начинаешь понимать, что воспитание его — чисто внешнее, «благоприобретенное».

В кинофильме «Анна Каренина» артист Н. Гриценко чрезвычайно интересно раскрывает характер своего героя — А. А. Каренина — через внешний облик, походку, манеру речи. В словах *что, чтобы, потому что* звучит у него ясный, даже несколько нарочитый звук [ч] (по законам русской орфоэпии здесь должно быть *ш*). И в этом есть нечто бумажное, казенное, что давит своей мелочностью, придирчивостью, приверженностью к букве закона. Казалось бы, небольшая деталь, но как ярко «работает» она на образ Каренина, так усердно старающегося во всем, даже в чувстве, сохранить приличие, соответствие правам высшего петербургского общества.

Знание орфоэпических форм, умение пользоваться правильным литературным языком, используя его как средство для передачи идеи спектакля или как литературный фон, на котором ярче выделяются речевые краски, делают творчество актера более образным, помогают создать яркий, неповторимый характер, который будет открытием, радостью для зрителя, духовно его обогатит.

И. Ю. ПРОМІТОВА,
преподаватель кафедры сценической речи Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского

Дети дошкольного возраста часто образуют новые слова «по необходимости»: словарный запас растет медленнее, чем развиваются представления ребенка об окружающем мире.

Словотворчество детей подчиняется в основном тем же законам, что и словообразование общенародного языка, но в свежих, а порой и необычных детских новообразованиях эти закономерности прослеживаются более ярко и наглядно.

В этой заметке приведены материалы, собранные нами в процессе наблюдения за развитием речи сына Игоря до его поступления в школу. Мы касаемся некоторых наиболее продуктивных в современном русском языке способов словообразования. Путем сложения двух основ Игорь образовал следующие имена существительные:

бегомер — секундомер

сантимерка — рулетка (свертываемая в круг лента с делениями для измерения чего-нибудь).

По нашим данным, характерной особенностью сложения является использование усеченных основ:

нёблако — плывущее по небу облако

изверкйн — извергающийся вулкан

бусильцб — перстень (он похож на кольцо с бусинкой)

бородед — бородатый дед

мармелёт — самолет, который возит мармелад.

При помощи приставок образованы исключительно глаголы:

отвесить флаг — снять (приставка *от-* образует глагол со значением удаления, устранения, ср. отклеить)

отгасить свет — включить (очевидно, устранить гашение, выключение)

выгушить свет — потушить, при настоятельной просьбе (здесь глагольная приставка *вы-* означает исчерпанность действия, достижение чего-нибудь, ср.: выучить, выпросить)

уловить кошку — поймать (при помощи приставки *у-* от глагола несовершенного вида *ловить* образован глагол совершенного вида *уловить*. Ребенок стремится сделать так, чтобы глаголы совершенного и несовершенного вида были однокоренными, соотносительными: *ловить* — *уловить*, а не *ловить* — *поймать*, как в современном литературном языке. Очевидно, пара *ловить* — *поймать* менее знакома ему, к тому же эта модель образования вида менее распространена, ср.: лететь — улететь, знать — узнать).

Прибавлением к основе суффиксов Игорь образовал следующие имена существительные:

братка — сестра

высотылка — вышка

гудильник — будильник

молокушка — автомашина, развозящая молоко

светильщик — электромонтер.

Среди прилагательных, образованных при помощи суффиксов, преобладают относительные:

люди́на доро́га — дорога, по которой ходят люди

поезди́ный стака́н — такой, как в поезде

кастрю́лькин завод — завод, на котором изготавливают кастрюльки

зоботный сло́н — слон с зоботом

плате́говая раке́та — ракета, предназначенная для полетов на другие планеты.

Случаи образования глаголов при помощи суффиксов, по нашим наблюдениям, весьма редки: мама кремится, зима зимится (становится суровее). Но путем одновременного присоединения к основе суффикса и приставки Игорь образовал только глаголы:

зату́жить — засучить рукава

зату́жить — повязать ремень туше

замо́криться — стать мокрым

налу́нжиться, накиниться (по типу *нашалиться* со значением полной завершенности действия)

облы́сить — постричь наголо

отхле́бить — отрезать хлеба

угу́бить — сделать тоньше

Мы отметили только два случая, когда нормы морфологического словообразования были нарушены.

Струга́льщик — человек, который строгаёт, хотя при помощи суффикса *-льщик* образуются существительные со значением орудия действия, наименования прибора (паяльник, холодильник), а не со значением лица по роду занятий (ср.: *строга́льщик*). Однако и здесь можно найти параллели с языком взрослых. В 17-томном Словаре в статье *будить* читаем: «...среднерусское (XVI в.): *будильникъ* — в монастыре: монах, на обязанности которого было будить остальных для ранней или ночной молитвы». Вот, оказывается, каковы «истоки» *стругальника*!

Ракетник — человек, который находится в ракете. Но при помощи суффикса *-ник* преимущественно образуются существительные для обозначения вместилища, приспособления подо что-либо (кофейник, подстаканник). Слово *ракетник* должно было бы скорее обозначать вместилище, приспособление, похожее на ракету, а не лицо по роду занятий (ср.: *ракетчик*), но такие «нарушения» можно обнаружить и во взрослом языке, например:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,

А сапоги точать пирожник.

Впрочем, эта словообразовательная модель в последнее время начинает активизироваться, ср.: *бумажник*, *трикотажник*, *шинник* (т. е. работники бумажного, трикотажного, шинного производства).

Неологизмы Игоря — это в основном существительные и глаголы. Большинство из них построено в полном соответствии с нормами русского словообразования.

В. Я. Булохов

ТЕПЛЫЕ ХОЛОДИЛЬНИКИ И СУХИЕ ЛИВНИ

Каждый знает, что холодильник потому так и назван, что «в нем холод», а ливень, если захватит прохожего врасплох, не оставит на нем сухой нитки.

Но газеты «Советская Россия» (6 апреля 1965) и «Комсомольская правда» (12 мая 1968), используя заголовки «Теплый холодильник» и «Сухие ливни», пытаются доказать обратное. Что это, досадная опечатка или шутка? Мы читаем материалы, опубликованные под этими названиями, и узнаем, что в первом случае речь идет о неисправных холодильниках Оренбургского завода, которые вместо холода вырабатывают тепло, а во втором — о ливнях космических лучей, которые несут на землю потоки космических частиц, а не потоки воды. И все становится на свои места. Нелогичность этих словосочетаний оказывается мнимой: они информируют об истинном положении вещей и в то же время привлекают внимание читателей своей необычностью.

Полярные по содержанию явления и признаки передаются в речи антонимами (от греческого *anti* 'против' и *опуа* 'имя') — словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия (правда — ложь, молодой — старый, горевать — радоваться, верх — низ). Иногда антонимами могут становиться и такие пары слов, которые вне контекста не ассоциируются по контрасту. Примером таких контекстуальных, индивидуальных (окациональных) антонимичных осмыслений может служить знаменитая пушкинская характеристика Ленского и Онегина:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

В речи антонимы употребляются для более яркой характеристики предметов, признаков, явлений через сопоставление и противопоставление, путем создания антитезных построений: «Сытый голодного не разумеет»; «Ученье — свет, неученье — тьма»; «Сам толст, его артисты тощи» (Грибоедов).

Антонимичность лежит и в основе одного из изобразительных средств речи — оксиморона (или оксюморона) — сочетания слов, которые логически, казалось бы, сочетаться не могут (сухое вино, мудрая глупость, красноречивое молчание, молчаливый разговор). Слово *оксиморон* — греческое, и буквальный перевод его: остроумная глупость. Умелое использование или создание оксиморона делает речь изящно-остроумной, поэтому мастера слова — писатели, поэты, публицисты — довольно часто используют его. Вспомните хотя

бы такие названия произведений литературы, как «Живой труп» Л. Н. Толстого, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского.

Этот же стилистический прием лежит в основе тех заголовков, с которых мы начали разговор.

Вообще журналисты довольно часто используют для названия статей и заметок антонимы или близкие к ним языковые построения, такие, как «„Непрерывка“ на перерыве».

Выбор формы и структуры подобных заголовков определяется обычно темой и характером материала. Так, Ю. Барсуков в корреспонденции «Богатые и нищие» («Известия», 7 мая 1968) под рубрикой «США как они есть» пишет, что в тот день, когда начался поход бедняков на Вашингтон, американский журнал «Форчун» поведал о том, что личные состояния нефтепромышленников Поля Гетти и Говарда Хьюза равняются в настоящее время 1,3 миллиарда долларов на каждого. Этот факт позволил автору противопоставить положение богатых и нищих в современной Америке. Полярность явлений нашла языковое выражение и в заголовке.

Аналогичны и названия: «Поражение и победа» («Комсомольская правда», 2 марта 1967), «Ложь и правда» («Правда», 31 июля 1966), «Живое и мертвое» («Комсомольская правда», 20 мая 1965), «Кислое и пресное» («Литературная газета», 23 декабря 1965), «Не улучшили, а ухудшили» («Известия», 2 апреля 1968), «Шли вместе, а пришли врозь» («Известия», 15 марта 1967).

Если в материале речь идет о явлении, которое рассматривается с разных сторон, форма названия несколько меняется: антонимичность находит выражение в определениях, сопровождающих одно определяемое, или в именной части сказуемого, относящегося к одному подлежащему: «Луна далекая и близкая» («Известия», 29 декабря 1966), «„Соколышки“ деловые и праздничные» («Известия», 26 мая 1968), «Микробы — союзники и враги» («Правда», 23 июля 1966), «Вода: друг и враг» («Известия», 19 октября 1966).

Эти способы использования антонимов очень просты, но они привлекают внимание журналистов тем, что позволяют создавать названия, которые сообщают о теме выступления в предельно сжатой форме, в то же время их нельзя назвать стандартными, хотя в них и нет особой стилистической заданности.

Значительно больший и стилистический и смысловой эффект содержит заголовки иного рода: «Высокие скорости, низкие мотивы» («Известия», 15 ноября 1964), «„Чистый“ вымысел и грязные цели» («Правда», 4 августа 1965), «Искусственное волокно и натуральная канитель» («Ленинградская правда», 6 января 1963), «Живые актеры и мертвые души» («Советская Россия», 13 января 1965), «Условная экономия и безусловные убытки» («Известия», 1 июня 1965), «Ходячие заблуждения и лежалые товары» («Известия», 15 сентября 1964), «Старый Леонардо и Новый Свет» («Смена», 3 апреля 1967).

По структуре они представляют собой два словосочетания, определения в которых на первый взгляд — антонимы (чистый — грязный, высокий — низкий, искусственный — натуральный, живой — мертвый,

старый — новый). Однако эти прилагательные многозначны, и, сочетаясь с совершенно разными существительными, они обнаруживают разные значения, часто переносные. Их истинное значение помогает выявить подбор синонимов: *высокие* скорости и *низкие* мотивы — это значит *большие* скорости и *грязные* мотивы; *искусственное* волокно и *натуральная* канитель, то есть *синтетическое* волокно и *стоящая* канитель...

Таким образом, языковая антонимичность этих заголовков оказывается внешней, их смысловая основа — логическое противопоставление понятий.

Заголовки, построенные по принципу противопоставления, могут иметь и другую синтаксическую структуру, смысловую основу. Газетные материалы, вскрывающие противоречия внутри каких-либо явлений действительности, могут получать названия, состоящие из слов, которые по значению как бы взаимоисключают друг друга. Так, слово *беззаконие* означает нарушение закона, противозаконность. И парадоксальным, нелогичным кажется соединение его со словом *узаконенное*: «Узаконенное беззаконие» («Ленинградская правда», 8 сентября 1966). Но парадоксальность здесь только внешняя, выразившаяся в языковом оформлении (в использовании оксиморона). В действительности это сочетание отражает противоречие внутри самого явления: парламент Южной Родезии принял законопроект о поправках к конституции, которые открыли перед режимом Смита по существу неограниченные возможности подавления на «законном основании» любого сопротивления африканцев и физического уничтожения политических противников.

Заголовками с такой «нелогичностью» могут быть сочетания определяемого и определения: «Бесчестное благочестие» («Известия», 15 декабря 1964), «Ядовитое противоядие» («Комсомольская правда», 17 сентября 1966), «Неустроенное благоустройство» («Правда», 25 мая 1968); глаголы с управляемым словом: «Узаконивают беззаконие» («Правда», 22 сентября 1965, 17 мая 1968), «Повторить неповторимое» («Смена», 5 января 1967), «Как прикрыть „неприкрытую любовь“» («Комсомольская правда», 17 февраля 1968); существительные с управляемым словом: «Убытки от избытков» («Известия», 18 декабря 1964), «Корысть бескорыстия» («Правда», 7 марта 1964), «Пересол от недосола» («Известия», 22 февраля 1968); сочетания с предикативным наречием: «Не сладко в „сладком“ цехе» («Комсомольская правда», 3 июня 1968), «Почему невесело на „веселье“» («Комсомольская правда», 12 ноября 1964).

Во всех этих примерах для создания игры слов использованы однокоренные слова, но оксиморон может возникать и при столкновении слов, имеющих антонимические корни: «Сложность простейших» («Ленинградская правда», 2 апреля 1968), «Чем слабы силачи?» («Комсомольская правда», 5 ноября 1965). Употребление таких сочетаний в заголовках рассчитано на неожиданность характеристик. Это довольно тонкий стилистический прием, который придает заголовкам необычность, броскость, рекламность. «Нелогичность» в названии вызывает

у читателя желание прочитать материал, потому что только содержание дает объяснение необычному соединению слов. Но такие заголовки оказываются удачной находкой автора лишь тогда, когда текст рассеивает недоумение читателя.

Заголовок «Опасная „безопасность“» («Правда», 10 марта 1968) удачен именно потому, что он концентрирует в себе основную мысль заметки В. Овчинникова: американские военные базы в Японии, существующие якобы для обеспечения безопасности, на деле создают

Объявления в газете

Язык объявлений, публикуемых в наших газетах, заслуживает внимания и широкого обсуждения. Ведь читают их миллионы людей. Как всякое печатное слово, материалы на последней газетной странице не только сообщают о чем-то важном и интересном, но и участвуют. По крайней мере так должно быть. Составленные с выдумкой, красочно оформленные, даже изящные и по стилю самого сообщения — такие объявления теперь не редкость в газетах больших и не очень больших городов. Кто из москвичей не знает рекламных зачинов: «Блюдо — пальчики оближешь. Мосрыба» и «Мосгаз предупреждает вас...» — из публикуемых в приложении к «Вечерней Москве» веселых и со вкусом выполненных объявлений.

Но все же редакция «Русской речи» получает множество вырезок из газет — образцов скучных канцелярских уведомлений, неотредактированных, а порой и с грубыми ошибками.

Перед нами три объявления, присланные в редакцию нашим новосибирским читателем. Они типичны для этого, к сожалению, ставшего весьма заурядным, газетного жанра.

В первом из них бросается в глаза не только явная стилистическая путаница с «колхозами и другими гражданами», но и распространенная теперь ошибка — кочующая по страницам газет фраза: «Пользуйтесь Бюро добрых услуг».

«Пользоваться Бюро», как известно, нельзя. Можно пользоваться его услугами, так как бюро есть учреждение, объединяющее группу людей, которые и оказывают вам услуги. В данном случае можно избежать словесного повтора, сократив название в призыве: «Дорогие товарищи! Пользуйтесь услугами Бюро!». Это было бы оправдано тем, что полное название учреждения уже упоминалось.

Второе объявление, выполненное в форме официального отчета о проделанной работе, вряд ли достигнет своей цели — привлечет покупателей на открытие базара в 15 часов, на что так рассчитывает дирекция.

Третье «предопределило» наш интерес к своей безукоризненно канцелярской форме изложения.

В. Д.

ВНИМАНИЮ КОЛХОЗОВ, КОЛХОЗНИКОВ И ДРУГИХ ГРАЖДАН!

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ РЫНКЕ ОРГАНИЗОВАНО БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ,

КОТОРОЕ ПРИНИМАЕТ ДЛЯ ПРОДАЖИ ОТ КОЛХОЗНИКОВ, КОЛХОЗОВ И ДРУГИХ
ГРАЖДАН МЯСО И МЯСОПРОДУКТЫ
НА КОМИССИОННЫХ НАЧАЛАХ.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ!

За справками обращаться в контору Центрального рынка, а также по телефонам:
22-11-77 и 22-40-40.

Советская Сибирь

24 сентября 1968

В ПРОДАЖЕ ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ

ТОРТОВ, ПИРОЖНЫХ, ПИРОГОВ, КУЛЕБЯК с различными фаршами, ЗАЛИВНЫЕ ПАШТЕТЫ, РУЛЕТЫ и другие кулинарные изделия, ПОЛУФАБРИКАТЫ из рыбы, мяса, птицы.

ПРОСИМ ПОСЕТИТЬ НАШ БАЗАР!

Открытие базара в 15 час. (Остановка всех видов транспорта «НЭТИ»).

Советская Сибирь 1 НОЯБРЯ 1968 г.

Ко всем гражданам Новосибирской области!

Погодные условия осени при наличии на полях, в лесу, на болотах большого количества сухой травы, соломы, камыша определяют высокую пожарную опасность на территории области.

МАЛЕЙШАЯ НЕОСТОРОЖНОСТЬ В ОБРАЩЕНИИ С ОГНЕМ ПРИВОДИТ К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ.

ДИРЕКТОРА СОВХОЗОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ОТДЕЛЕНИЯМИ, ФЕРМАМИ!
ПОМНИТЕ! ПУСК СЕЛЬХОЗПАЛОВ ПО ОБЛАСТИ ЗАПРЕЩЕН ПОВСЕМЕСТНО!

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ С ОГНЕМ В ЛЕСУ И НА ПОЛЕ!

Управление лесного хозяйства.
Зап.-Сиб. база авиационной охраны лесов.

Советская Сибирь

11 ОКТЯБРЯ 1968 г.

опасность радиоактивного заражения. Не менее удачен и заголовок рецензии В. Сурвилло на книгу Н. Вирты «Повести последних лет» — «Недостоверная достоверность» («Литературная газета», 18 января 1966). Вопреки утверждению автора книги, что все события, описываемые им, достоверны, рецензент приводит многочисленные примеры фактических неточностей и ошибок.

Близкими к оксиморону оказываются заголовки, в которых определение содержит необычную, несвойственную определяемому характеристику: «Добрые яды» («Ленинградская правда», 5 апреля 1968) «Сладкая боль» («Правда», 27 мая 1968). Выбор всех этих заголовков оправдан содержанием материалов.

Но порой внешне парадоксальные заголовки оказываются нелогичными, парадоксальными в полном смысле этого слова. Привлеченный заголовком «Теплая метель» («Известия», 25 марта 1967) читатель с удивлением обнаружит, что метель названа теплой только потому, что люди во время бурана были быстро спасены и окружены вниманием. Автор пытается вызвать у читателя крайне странную ассоциацию между теплотой заботы и метелью.

Не выжате с содержанием название «Жаркая мерзлота» («Известия», 17 сентября 1966), предпосланное следующей информацией:

Норильск. (По телеф. от обществ. корр. А. Львова). За три десятилетия со дня открытия первой шахты Норильский бассейн отправил на теплоэлектроцентраль, дающую жизнь городу и высококопированным металлургическим заводам, десятки миллионов тонн топлива. Часть «угольной горы» обеспечила тридцать арктических навигаций. В заполярной земле пройдено около тысячи километров горных выработок.

Во всех заголовках, которые были предметом наших наблюдений, есть в той или иной степени игра слов. Она помогает отразить противоречивость описываемых явлений. Однако антонимы могут использоваться и для называния таких материалов, которые не содержат противопоставлений, не говорят о внутренних противоречиях. В этом случае антонимы служат только для создания игры слов: «Большие беды малого флота» («Правда», 12 мая 1968), «Горячие споры у холодных труб» («Ленинградская правда», 26 августа 1965).

В этих названиях употреблены слова, которые являются антонимами и вне данного контекста (*большой — малый, горячий — холодный*), и одно из них, как правило, входит в устойчивое словосочетание (малый флот, горячие споры), другое характеризует, выделяет какую-то одну сторону описываемого явления. Так, в письме в редакцию А. Сандлера «Большие беды „малого кино“» («Комсомольская правда», 10 января 1968) рассказывается о том распространении, которое получило в нашей стране любительское кино (в последнее время его называют «малое кино» или «малый экран», это стало почти термином), и о тех трудностях, которые испытывают кинолюбители. Здесь нет противопоставления смыслового, но игра слов, возникшая на основе антонимов, привлекает внимание читателей.

Игра слов возникает и при переосмыслении фразеологических сочетаний, при употреблении их не в общепринятом смысле. Фразеоло-

гические обороты, несмотря на устойчивый характер, часто подвергаются различного рода творческой обработке для достижения большей выразительности и образности речи. Одним из многих способов такой обработки оказывается замена какого-либо компонента устойчивого сочетания его антонимом. 25 октября 1967 года «Известия» к статье о политических провокациях китайского посольства в Москве предпослали заголовок «Бюро злостных услуг», который представляет собой трансформацию известного выражения «бюро добрых услуг». «Правда» 28 ноября 1967 года поместила фельетон «Долг платежом черен» (обыгрывается поговорка «Долг платежом красен»). И в том и другом заголовке антонимичность легко подразумевается, так как читателю хорошо известны обороты, послужившие источником для творческой обработки.

Газетные заголовки, в которых используются «чистые» антонимы или антонимы, возникшие в результате реализации многозначности слов, встречаются довольно часто. Богатство лексического материала, многообразие таких названий помогает не сделаться им трафаретными. А индивидуальное, окказиональное употребление (когда слова становятся антонимами только в данном случае) таит в себе неограниченные возможности для творчества, особенно при создании оксиморона — логичной пелюгичности.

Л. И. ВИНОГРАДОВА, Э. М. ДУРЫГИНА

Ленинград

ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Вряд ли есть необходимость доказывать, что язык газеты играет значительную роль в распространении и закреплении речевой культуры. Советская печать пользуется огромным уважением и доверием миллионов читателей, которые не только черпают из нее правдивую информацию о внутренних и международных событиях, но и усваивают с ее помощью сведения о стилистических нормах, средствах литературного изложения. Вот почему всесторонняя грамотность, стилистическое совершенство газетной публикации, а также передачи по радио и телевидению — необходимое условие, без которого немислим полный успех опубликованного или прозвучавшего в эфире выступления.

Несомненно, большинство газетных материалов в полной мере отвечает самым высоким культурно-языковым требованиям и вполне может служить образцом для говорящих и пишущих на русском языке. Однако не так уж редки даже на страницах центральных газет, не говоря уже о периферийной прессе, различного рода отступления от общепринятых правил и норм русского языка. И независимо от удельного веса этих погрешностей, даже при их малозаметности на общем фоне языка нашей журналистики, мимо них нельзя проходить.

Не раз говорилось о недопустимости смешения форм *одевать* и *надевать*, а в «Вечернем Минске» (28 марта 1968) читаем: «В выходные и праздничные дни ефрейтор Александр Шаламов *одевает* парадный мундир» (вместо *надевает*). В очерке «Вершины нашего детства» («Известия», 11 мая 1968) автор говорит: «Из последней поездки в отдаленный район пришлось возвращаться *окружным* путем», хотя в данном случае единственно правильным было *кружным* путем, то есть «обходным, окольным, более дальним». Ни в коем случае непозволительно употреблять слово *сам* в тех случаях, когда по смыслу требуется *один*. Это известно. Но вот: «Она никогда не роптала, что Доронин ездит отдыхать *сам*, а ей приходится с Вовкой до конца его школьных каникул жить в Евпатории» («Неделя»). Никак нельзя оправдать использование слова в несвойственном ему значении. У слова *чесать*, как отмечено в современных толковых словарях, несколько значений, но ни одно из них не подходит в следующем случае: «Дым чесал ей глаза, она терла их и что-то бормотала» (там же). *Чесать* здесь, видимо, означает «скрести, царапать для облегчения зуда» (другие смысловые грани этого слова в данном случае вообще неприменимы, скажем, *чесать язык*). Но как может дым выполнять такую «функцию»?

Хочу обратить внимание на случаи нарушения принципов управления, порядка слов, использования союзов. Наречие *насмешливо* принято употреблять без управляемых слов, и это можно подтвердить примерами: «На жизнь *насмешливо* глядел» (Пушкин). Но вот читаем: «...спросил Яков вроде кичливо, но втайне *насмешливо над собой*» («Неделя») и не можем не удивляться этому искусственному обороту речи, вызывающему недоумение и досаду.

Не менее досадно бывает, когда сталкиваешься с неестественным словорасположением, приводящим к двусмысленности или полному искажению содержания фразы. Например, 10 августа 1968 года транслировались по Всесоюзному радио детские песенки Л. Лядовой, и в одной из них прозвучало такое:

Папа с палаткой идет за плечами,
Длинные удочки мама несет...

Конечно, при необходимости употребителен и вполне допустим прием инверсии, но когда получается, что *папа... идет за плечами*, это уже нечто другое, это уже попросту «прием» искажения нормальной человеческой речи.

Проскальзывающие в газетах речевые ошибки разнообразны по своему характеру и встречаются в заметках, сообщениях, очерках, даже в рассказах, стихах. Чтобы составить исчерпывающую классификацию попадающих на газетную полосу нарушений лексико-грамматических и иных закономерностей русского языка, понадобилось бы специальное исследование. Наша задача была иной. Мы попытались отметить наиболее типичные ошибки, бросающиеся в глаза даже при беглом чтении.

С. О. ЦАЛЕНЧУК
Минск

ШКОЛА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Будущее нашего общества зависит в значительной степени от того, какова наша сегодняшняя школа, что она дает учащимся, обеспечивает ли для них возможность оказаться на уровне задач, которые поставит перед ними жизнь. Недостаточно уже, чтобы школа давала учащимся только значительный запас знаний, чтобы эти знания соответствовали уровню развития науки на современном этапе. Необходимо также вооружить учащихся важнейшими навыками добывать знания самостоятельно, творчески мыслить и работать, развить в учащих умение видеть новое, стремление идти в ногу с жизнью.

Наука развивается стремительно, и школа не должна отставать от этого процесса. Но она не может также и строить работу на постоянно меняющемся основании. У нее есть одна возможность — учитывать требования современности только через известные, более или менее значительные промежутки времени. Сейчас мы вступили в один из таких периодов. Вот основные задачи перестройки в работе школы: во-первых, поднять научный уровень преподавания, дать учащимся знания, соответствующие современному уровню развития науки; во-вторых, опираясь на новейшие достижения психологии и педагогики, усовершенствовать методы обучения, использовать все внутренние ресурсы для того, чтобы обеспечить более интенсивное развитие разносторонних способностей учащихся, следовательно, дать больше знаний и более глубоких.

В течение последних двух-трех лет были обсуждены основанные на предварительно проведенном массовом эксперименте предложения о пересмотре самой структуры средней школы, о содержании среднего образования с точки зрения его соответствия современному состоянию науки, о создании новых программ, учебников и методических пособий для учителя.

В этой работе приняли участие широкие круги советской, научной и педагогической общественности, в частности языковеды — представители кафедр русского языка университетов и педвузов (МГУ, ЛГУ, МГПИ имени В. И. Ленина, ЛГПИ имени А. И. Герцена), сотрудники Института русского языка АН СССР, специалисты-методисты АПН СССР, учителя, инспекторы министерств просвещения. Пожалуй, впервые в истории нашей школы Академия наук СССР организованно включилась в дело создания программ для средней школы и официально разделила ответственность за результаты работы над ними. Была создана представительная комиссия при Президиуме АН СССР и Президиуме АПН СССР по определению содержания обучения, в которой приняли участие более ста академиков, профессоров и докторов наук по различным специальностям. Активное участие в этой работе принимает и периодическая печать.

Перед составителями новой программы по русскому языку для средней школы была поставлена задача определить содержание, характер и объем занятий по русскому языку, поднять их научно-теоретический уровень (конечно, в пределах допустимого для школы — имеются в виду возрастные возможности учащихся). В связи с этим встают и другие проблемы, например:

- а) цели и задачи курса русского языка;
- б) структура курса русского языка, распределение учебного материала по классам, соотношение и взаимосвязанность его частей;
- в) теоретические знания и навыки по русскому языку;
- г) новое для теоретической и практической методики, что должно возникнуть из нового содержания курса, предлагаемого программой;
- д) содержание и характер учебника, соответствующего новому содержанию программы.

Цели и задачи курса русского языка в средней школе состоят в том, чтобы школа могла подготовить культурных, грамотных людей, которые хорошо владеют русским литературным языком в его письменной и устной форме, располагают известным кругом теоретических сведений о современном русском литературном языке, о роли языка в истории общества, происхождении языка и письменности, историческом развитии языка, о месте русского языка среди языков мира. Это должны быть люди, чувствующие красоту языка, его художественные особенности и возможности, люди, активно интересующиеся (конечно, не обязательно профессионально) жизнью родного языка, как и наукой о языке в целом. В современных условиях уже невозможно основную задачу преподавания русского языка видеть только в изучении учащимися элементарного курса грамматики и усвоения ими правил правописания (орфографии и пунктуации), как это бывало на известных этапах жизни нашей школы в прошлом.

В этом смысле предлагаемый новой программой курс принципиально отличается от некоторых прежних его вариантов. Он строится не как курс грамматики и орфографии, а как курс русского родного языка. В соответствии с этим предусматривается, например, на развитие речи затрачивать около трети учебного времени, чего не было никогда прежде. Разработана современная развернутая программа по развитию связной речи, поэтому обращается особое внимание на фонетику, орфоэпию, выразительное чтение. Введен в программу самостоятельный раздел «Лексика», занятия которым предполагают не только обогащение словаря учащихся, но и усвоение ими определенного круга лексических понятий и теоретических сведений о лексике русского языка.

В пределах сведений по грамматике в соответствии с тенденциями в развитии науки о современном русском языке особо выделяется новый для программы средней школы вопрос о словосочетании в его отношении к предложению, а также проблема словообразования в его отношении к морфологии и лексике.

Переход школы на новую программу — дело весьма сложное и трудное не только в теоретическом, но и в практически-организационном плане. Дело в том, что успех может быть обеспечен, если одновременно с введением новых программ школа получит новый учебник и все основные методические

руководства к программе и учебнику для учителя. Нельзя забывать также, что усложнится работа учителя, необходимы различные мероприятия для повышения квалификации всех учителей, которые не подготовлены к переходу на новые программы. Таковы теперешние заботы Министерства просвещения, органов народного образования и Академии педагогических наук СССР.

Наша школа получит вместе с программой и учебники, которые сейчас готовятся, и все, что полагается в качестве методического вооружения для учителя: методические указания к учебнику, книгу для учителя, раскрывающую сущность новых программ, их принципы, содержание, предполагающую возможную методическую интерпретацию каждого из разделов программы.

В течение последних двух-трех лет ведется большая экспериментальная работа по проверке в школьной практике программ и учебников. Предварительные результаты обнадеживающие. Переход массовой школы на новые программы и учебники будет происходить постепенно, начиная с 1969 учебного года.

Действительный член
Академии педагогических наук СССР,
профессор А. В. ТЕКУЧЕВ

Редакция обратилась к авторам трех проектов учебника русского языка для четвертого класса средней школы, составленных по новой программе, со следующими вопросами:

1. Что такое учебник русского языка?

2. Как проверяется учебник в школе?

3. Какое участие в создании учебников могут принять языковеды?

4. Как вы решаете в своем учебнике задачу повышения научного уровня школьного курса русского языка?

5. Должен ли быть в школе единый учебник или их может быть несколько?

Предоставляем слово авторам учебников, которые проходят в этом году экспериментальную проверку в школах.

*М. А. Ладыженская, М. М. Баранов,
Л. М. Тригорян, И. И. Кулибаба,
Л. А. Тростенцова*

1. Чтобы человек был активным участником жизни, он должен не только грамотно писать (с точки зрения орфографии и пунктуации), но и уметь выражать свои мысли в устной и письменной форме. Мы стремились к тому, чтобы наш учебник в максимальной степени способствовал решению этой задачи. Это определило исходную позицию — дать школе именно учебник русского языка, а не только грамматики и правописания.

Очевидно, что в таком учебнике должны быть разделы, характеризующие язык с разных сторон. В частности, в нем наряду с традиционными должны быть разделы «Лексика» и «Словообразование» (кстати, они выделены в новом проекте программы по русскому языку).

В учебнике необходимо уделить внимание стилистике и предупреждению речевых недочетов. Ученик должен, например, не только знать, что существительные изменяются по числам и некоторые из них имеют форму одного числа, но и то, что формы множественного числа *масла*, *смóлы* уместны в специальном — производственно-техническом стиле языка, и то, что надо говорить *инженёры*, *выборы*, *офицёры*, а не *инженерá*, *выборá*, *офицерá*.

Понятно, что учебник языка должен формировать навыки правописания — иначе он просто не выполнит своего назначения. Поэтому особое значение имеет соответствующая разработка системы упражнений.

Мы считаем также, что учебник должен научить анализировать языковые явления, выработать привычку, как говорил И. И. Срезневский, «всматриваться и вдумываться в средства, представляемые языком для выражения мысли». Поэтому в нашем учебнике мы приводим не только правила и определения, но и материал для наблюдений над языком.

Например, мы даем ряд слов — *рубить* — *лесоруб* — *мясорубка*, предлагаем произнести их и определить, какие звуки обозначены выделенными буквами. Так дети приходят к выводу, что одна и та же буква может обозначать разные звуки и, в итоге, что звук и буква — это не одно и то же. И, наконец, учебник языка должен, по словам К. Д. Ушинского, «обратить внимание дитяти на то, как он говорит», развить его речь. Поэтому (и потому, что мы обязаны решать определенные воспитательные задачи) не может быть безразличной иллюстративная часть учебника. Воспитать вкус к слову, стремление говорить хорошо и правильно, обогатить речь детей можно только на высоком по качеству языковом материале. И в нашем учебнике мы стремились использовать отрывки из про-

изведений русских классиков, известных советских (в том числе и детских) писателей. При этом и связные тексты, и отдельные слова, и словосочетания, и предложения подбирались нами на определенную тему, например, на темы: «Школа», «Спорт», «Труд» и др. Это чрезвычайно важно для развития у детей навыков устной и письменной речи.

Думаем, что будет полезен помещенный в конце учебника «Словарь» (в нем даются значения редких для ребенка слов) и словарик «Произноси правильно».

2. В этом году наш учебник проверяется во всех школах Суздальского района Владимирской области, в Москве, Ленинграде и еще примерно в 30 школах Калининградской, Калининской, Курской, Куйбышевской, Новосибирской и других областей. Участвуют в проверке и учителя из союзных республик. Этому широкому эксперименту предшествовала опытная проверка ротационного издания учебника для IV класса в 14 классах Российской Федерации в 1967/1968 учебном году. Мы судим о достоинствах и недостатках учебника на основании самых различных данных. Учителя ведут специальные «Дневники», в которых отмечают, что оказалось слишком легким, что их особенно заинтересовало, необходимые пометки делают также прямо на полях книги. Но самый главный показатель опытной проверки — это, конечно, результаты обучения: состояние знаний, умений и навыков учащихся. Чтобы получить сопоставимые данные, Министерство просвещения РСФСР будет проводить во всех классах, где организована работа по опытным учебникам, проверочные работы, по которым можно будет судить об усвоении учениками программного материала. В дополнение мы собираемся провести специальную проверку, формируется ли у учащихся орфографическая зоркость, умеют ли они анализировать языковые явления, совершенствовать написанное и т. д.

3. Не нужно рассуждать о том, должны или не должны лингвисты участвовать в работе над школьным учебником русского языка. Ясно, что без их участия создать полноценный учебник нельзя.

Современная лингвистическая наука богата и сложна. Авторы учебника должны отобрать из ее богатств минимум сведений — скромный по объему и вместе с тем способный дать ученикам достаточно полное представление о современном русском литературном языке. Школьная программа в какой-то мере определяет круг нужных сведений, но только в общих чертах.

Произвести конкретный отбор понятий, явлений, фактов без специалиста в области лингвистики невозможно. Итак, отбор материала для учебника — вот конкретная задача для лингвиста-профессионала.

В школьном учебнике все сведения по необходимости передаются упрощенно. Но каким должно быть упрощение, чтобы не перерасти в искажение? Нельзя забывать слова молодого Льва Влади-

мировича Щербы, сказанные им на I съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (в 1903 году): «истину всегда можно сделать доступной и удобопонятной»; утверждать, будто «истинная наука о языке» недоступна детям — «это все равно, что сказать: если детям недоступно, что $2 \times 2 = 4$, то учить их, что $2 \times 2 = 5$...». Авторам учебника надо быть твердо уверенными в том, что они ни одной страницей, ни одной строчкой не учат, будто дважды два — пять. Элементарность и научность — это тоже важная задача для профессионального лингвиста.

В школьный курс и в учебник для школы по традиции вводится лишь то, что стало в науке общепринятым, но в процессе работы над учебником приходится не раз выбирать одну из двух или нескольких трактовок, становиться на одну точку зрения при наличии нескольких. По-нашему, весьма желательно попытаться в школьном учебнике отразить в какой-то степени и борьбу научных мнений. Задачу выбора позиции с помощью лингвиста можно решить быстрее и основательнее. Без языковеда нельзя обойтись и в осуществлении наиболее сложного, как нам кажется, требования — подать весь материал как систему, пронизанную ясной концепцией.

Лингвист должен или входить в состав авторского коллектива или быть научным редактором учебника (наш учебник редактирует доктор филологических наук Н. М. Шанский). Но в решении всех задач нужна помощь и других языковедов, прежде всего из Института русского языка АН СССР. Основные формы их участия — консультации для методистов, пишущих учебник, рецензирование отдельных глав и учебника в целом, обсуждение учебника.

Воспользуемся предоставившейся возможностью, чтобы сказать, в чем еще, помимо создания учебника, могут (и, думается, обязаны) помочь средней школе языковеды:

1. В подготовке для учащихся специальных словарей (толкового, словообразовательного, этимологического и других), сборников задач и упражнений, наглядных пособий (таблиц, фонозаписей и т. п.).

2. В создании научно-популярных книг по языку. Этих книг еще мало, а потребность в них очень велика.

3. В разработке программ факультативных курсов по языку и создании пособий по этим курсам (как для учителя, так и особенно для учащихся).

Надо знакомить любознательных учеников в доступной форме с работами видных языковедов. Школа ждет статей и книг о выдающихся деятелях отечественной науки. Прямо-таки недопустимо, что ученики уходят из школы, ничего толком не узнав о А. А. Потебне, Ф. Ф. Фортунатове, И. А. Бодуэне-де-Куртене, Л. В. Щербе. А прочитать о них ученику пока нечего.

4. Научность школьного учебника — одна из важнейших проблем, которая в наше время приобретает особую остроту в связи с интенсивным развитием в последние два десятилетия науки о русском языке, особенно в области лексики, словообразования, синтак-

сиса и стилистики. Школьный курс, естественно, не может в полной мере отразить все новое, что появляется в науке. Но некоторые разделы мы стремились изложить на современном уровне языкознания. Например, мы не ограничились механическим делением слова на морфемы, как это было принято в школьной практике, а ввели элемент словообразовательного анализа (поэтому и раздел назвали «Словообразование»). Современный синтаксис изучает не только предложение, но и словосочетание. Это отражено в учебнике — в разделе «Синтаксис и пунктуация» и в последующих темах. До сих пор в школе предложения не разграничивались по цели высказывания и по эмоциональной окрашенности: в одном ряду давали предложения повествовательные, вопросительные и восклицательные. В учебнике показано, что каждое из них может быть восклицательным или невосклицательным. Четко разграничиваются в учебнике собственно фонетические и графические сведения.

Повышение научного уровня школьного курса — трудное и сложное дело: надо учитывать и возраст учащихся и состояние разработки той или иной области лингвистической науки. Но решать эту задачу (с помощью лингвистов) надо с максимальной тщательностью.

5. Мы положительно относимся к возможности использования в школе нескольких учебников, но еще не можем с достаточной ясностью сформулировать особенности, которыми они должны отличаться. Если идея о возможности нескольких учебников будет преворена в жизнь, то и в этом случае каждый из них должен обеспечивать необходимый уровень знаний и навыков. Введение нескольких учебников не должно означать возвращения к тому, что было в 20-е годы, когда существовали многочисленные рабочие книги, журналы-учебники и даже газеты-учебники. Известно, к каким печальным последствиям это привело.

Очевидно, нужно признать, что может быть создан особый учебник для тех классов школы, которые отличаются более высоким уровнем общего и языкового развития. Учебник может учитывать профиль спецшколы, например, содержать сопоставления по фонетике, лексике, грамматике родного и изучаемого в данной школе иностранного языка.

Нам кажется, что наличие разных учебников может быть связано также с различиями в уровне подготовки и системе работы учителей. Для начинающих и малоопытных учителей, у которых еще не сложилась своя система работы, нужен учебник, в котором было бы predeterminedено во многих случаях конкретное методическое решение вопросов, дан максимум дидактического материала. А учителя с самостоятельными методическими взглядами выберут учебник, предоставляющий большую свободу действий.

Безусловно, с введением нескольких учебников перед школой возникнут организационные трудности, достаточно серьезные, но, с нашей точки зрения, вполне преодолимые.

С. Т. Бархударов и С. Е. Крючков

1. Учебник русского языка — это основное, чаще всего единственное пособие по родному языку, специально предназначенное для ученика определенного класса. От научно-методического уровня учебника в значительной степени зависит успех школьного преподавания русского языка. Отсюда огромная ответственность авторов учебников перед советской школой. Ответственность эта намного возрастает в связи с тем, что в школе у нас продолжает господствовать система единых, к тому же стабильных учебников.

Основные требования, которые обычно предъявляют к учебнику, следующие:

- 1) по содержанию он должен отвечать программе;
- 2) основы науки о русском языке (в объеме, определяемом программой) должны быть изложены в популярной, доступной ученику форме;
- 3) строго продуманная система упражнений, удачно подобранные и в достаточном количестве примеры, тексты — важнейшая и, пожалуй, главная часть учебника. Ведь отдельные неточные или трудные формулировки учитель может исправить, уточнить, упростить. Но неудачно составленные упражнения, плохо подобранные тексты и примеры практически невозможно заменить другими;
- 4) учебник, если только он не чисто экспериментальный, не должен быть очень индивидуальным, то есть отражать сугубо личные научно-методические взгляды и поиски автора. В нем должны излагаться общепринятые или широко распространенные в науке положения.

2. Прежде всего вызывает сожаление и недоумение тот факт, что в конкурсе на учебник русского языка, составленный по новой программе, принимают участие лишь три проекта.

В Советской России более ста пединститутов, готовящих учителей русского языка, еще больше институтов усовершенствования учителей, тысячи опытных, квалифицированных, творчески работающих учителей и методистов. И вся эта армия специалистов, профессионально заинтересованных в новом, полноценном учебнике, фактически стоит в стороне от этого важного для страны дела.

Понятно, сравнительно несложная задача — из трех учебников выбрать один, лучший. Но это отнюдь еще не значит, что лучший — действительно хороший. Проверка учебника для четвертого класса в школах проходит в условиях не очень хороших. Учебник рассчитан на школьника, который в первых трех классах проходил русский язык также по новой программе, проверяется он в классах, которые занимались по старой. А разрыв в содержании этих программ большой. Приходится в процессе проверки принимать срочные и спешные меры, чтобы несколько уменьшить этот разрыв.

Кроме того, явно недостаточно привлекаются для экспериментальной проверки учебников педагогические институты страны,

в которых работают подготовленные лингвисты, опытные методисты и при которых имеются базовые школы, где проверка учебников могла бы быть проведена на более высоком научном уровне.

Однако несмотря на имеющиеся существенные недостатки как в организации, так и в условиях проверки, все же эта проверка, безусловно, выявит сильные и слабые стороны учебника. Только неизвестно, будет ли дана авторам возможность представить новый, исправленный вариант после проверки.

3. Высокие требования к научной стороне учебников обуславливают обязательное участие в их составлении авторитетных лингвистов. Опыт создания учебников русского языка в нашей стране за 50 лет показывает, что для составления учебников, теоретическая часть которых стояла бы на должном научном уровне, а практическая часть теснейшим образом связана с нуждами школы, необходимы коллективы из авторитетных лингвистов, опытных методистов и хороших учителей.

Один из первых хороших учебников русского языка для начальной школы составлен профессором Д. Н. Ушаковым в соавторстве с учительницами А. М. Смирновой и Н. Н. Шепетовой. Один из первых учебников для школ взрослых составлен профессором Д. Н. Ушаковым и преподавателями А. М. Земским, С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым (учебник выдержал 15 изданий). Интересны учебники русского языка для трех первых классов начальной школы А. М. Пешковского в сотрудничестве с учительницами М. А. Андреевской и А. Г. Губской. Учебники русского языка С. Г. Бархударова с участием ленинградских методистов и учителей Е. И. Досычевой и других редактировал академик Л. В. Щерба (учебник выдержал 14 изданий). Своеобразен и оригинален учебник русского языка для 1-го класса начальной школы профессора М. Н. Петерсона, известного методиста Н. Е. Позднякова и учительницы Е. Я. Фортунатовой. Учебник русского языка для педагогических училищ составлен А. М. Земским, С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым под руководством академика В. В. Виноградова (учебник выдержал 7 изданий, последнее — в 1966 году).

Профессора Н. Н. Дурново и С. И. Карцевский для старших классов школ издали свои «Повторительные курсы русского языка».

4. Очевидно, этот вопрос имеет в виду конкретные факты повышения научного уровня в освещении отдельных явлений.

Согласно новой программе в учебник введены краткие сведения по лексике и соответствующие упражнения. В разделе «Фонетика» более отчетливо проводится различие между звуками и буквами: введен специальный параграф «Произношение и письмо»; вскрыты звуковые значения букв *е, ё, я, ю* во всех позициях и т. п. В разделе «Состав слова» введены небольшие сведения о словообразовании и даны соответствующие упражнения. В разделе «Синтаксис» выделено словосочетание как лексико-синтаксическая единица; в связи с этим практически решается вопрос о соотношении членов словосочетания с членами предложения, для чего в учебник введе-

на новая схема предложения. Уточнены формулировки в теоретических параграфах, особенно в разделе «Фонетика».

В заключение хочется высказать еще одну мысль. Каждая культурная страна выработала свои национальные типы учебников родного языка. Типы эти зависят от многих факторов: от грамматического строя родного языка, от принципов правописания (системы орфографии и пунктуации), от содержания обучения конкретных задач народного образования, методической школьной традиции и т. п.

Мы уверены, что структура советских учебников, сложившаяся в течение 50 лет при участии крупнейших лингвистов, методистов и передовых учителей и оправдавшая себя на практике, не нуждается в какой-либо ломке или в замене другой системой (например, французской, английской, чешской, польской).

Некритическое, поспешное перенесение структуры зарубежных учебников в нашу школу едва ли принесет пользу.

5. Во-первых, учебников по каждому предмету, в том числе по русскому языку, должно быть несколько; во-вторых, надо организовать такую систему создания проектов учебников, чтобы работа над ними была постоянной и непрерывной.

Одна из причин, задерживающих создание хороших учебников по русскому языку, — своеобразная монополия на учебники и неправильное толкование понятия «стабильность». Принятая с 1932 года система издания учебников не позволяет авторам «стабильного» учебника улучшать его, закрывает пути для новых авторов, ставит искусственные преграды совершенствованию учебно-методических пособий. При этой системе не привлекаются к созданию новых учебников большая армия работников пединститутов, институтов усовершенствования учителей, талантливые учителя и методисты.

Развитие языкознания и методики должно без задержек отражаться в учебниках, создаваемых в центре и на местах. Новые проекты не помешают работе с принятыми в данное время в школах, а помогут улучшить ее: дать более удачную формулировку, ввести в практику новые эффективные упражнения и т. д. Наряду с методическими работами они станут полезным пособием, облегчающим труд учителя, помогающим ему конкретным материалом. Вполне возможно, что некоторые из этих пособий окажутся выше принятых учебников. Тогда произойдет естественная постепенная замена одних учебников другими, более удачными.

Наличие нескольких учебников позволит дифференцированно подойти к работе по русскому языку в разных школах, в разных районах, вызовет свободное творческое соревнование авторских коллективов, оживит работу, включит в нее новые молодые силы.

Стоит только сравнить работу над учебниками и их количество и разнообразие до введения монополии на учебники и после нее, чтобы оценить предлагаемые изменения в деле создания и издания учебников.

1. Учебник русского языка — это книга, которая дает учащимся начала лингвистического образования, развивает навыки литературной речи. Поэтому в учебник включаются: 1) образцы речи, 2) правила, 3) упражнения.

1) Образцы — это отрывки из художественных произведений, отдельные предложения, в которых представлена норма использования фонетических, грамматических и в какой-то мере лексических богатств русского языка. Хорошие образцы (или, как говорят методисты, хороший учебный материал) — основа учебника. Естественный процесс овладения родной речью (до школы и в школьные годы) в том и состоит, что дети усваивают «образцы», подражая им.

Принято считать, что к началу обучения в школе дети уже владеют речью в устной форме, и на уроках русского языка им остается научиться только письменной речи, или еще уже — орфографии и пунктуации. Между тем большинство детей приходит в школу (даже в средние классы) с таким несовершенным знанием устной речи, что она никак не может служить основой для обучения правописанию, овладения всеми школьными предметами и школьным лингвистическим циклом в особенности.

Учебник родного языка должен дать дидактический материал, на котором учитель сможет показать фонетические возможности звучащей русской речи, показать богатство грамматических форм, воплощенное в образцовую речь, и научить этому школьников. Что касается лексики, то в основном ученик получает ее из учебников литературы, истории, географии, математики и т. д. В учебнике же русского языка он должен увидеть синонимы, антонимы, как они используются в речи, а также примеры многозначности слов. Само собой разумеется, что учебник русского языка знакомит с лингвистической терминологией и применением ее в научной речи.

Образцы речи ученик должен просто запомнить (незаметно для себя); повторяем, их запоминание (осмысленное) — естественный путь овладения родной речью.

2) Какова роль изучения правил на уроках русского языка?

Правила помогают ученику понять явления языка. В школьном учебнике представлены прежде всего правила фонетики, грамматики и на их основе — правописания; в очень скромных размерах даны правила лексикологии.

Изложение в школьном учебнике вопросов фонетики представляет специфические трудности. Поскольку учебник пока не может быть звучащим, детям, читающим его, трудно не смешивать звуки и буквы. Мы видим один выход из этого положения: в изложении правил фонетики идти от буквы к звуку, а не наоборот.

Правила грамматики должны облегчить детям понимание смысла грамматических форм. Если понимать лексическое значе-

ние слов — значит соотносить слово с соответствующим предметом или явлением вне языка, то понимать грамматическую форму — это тоже соотносить его с внеязыковой реальностью, с соответствующей логической категорией. В школьном учебнике грамматические формы должны быть представлены как знаки соответствующих логических значений — предмета, признака, отношения места, времени, причины, следствия, уступки и т. д. Например, в сочетании *на столе* (Книга лежит на столе) дети должны понять *на* ...-е как отношение места, а *для стола* (Доски предназначены для стола) — *для*... -а как отношение цели.

Как известно, одни и те же логические отношения в речи выражаются многочисленными грамматическими формами, однако детям бывает известна лишь часть из них. Например, ученик может понимать лишь один способ выражения причины — только слово *почему?* в диалогической речи: «Почему ты захолопал в ладоши?» — «Я обрадовался». Но этот ученик может не осознавать причинных отношений в грамматических формах: «От радости захолопал в ладоши», «Обрадовавшись, захолопал в ладоши», может не знать грамматического значения большинства причинных подчинительных союзов, кроме *потому что*.

Задача учебника — не только объяснить грамматическое (логическое) значение той формы, которой ученик уже владеет и пользуется, но ввести в его речь и другие синонимичные формы, то есть обогатить речь. Развитие речи, как известно, непосредственно связано с развитием интеллекта.

3) Какова роль упражнений в учебнике русского языка?

Упражнения должны обеспечить учащимся учебную речевую деятельность, в процессе которой у детей образуются или совершенствуются, во-первых, чисто физические навыки (ведь речь — это не только интеллектуальный, но и трудовой процесс); во-вторых, развивается интеллект и речь как средство общения.

Упражнения могут выполнять обе указанные задачи лишь в том случае, если система их будет определяться закономерностями естественного процесса усвоения речи. Если же они — систематизированная рецептура, подобранная из всех существующих пособий по русскому языку, учебник не может выполнять своих функций.

2. За внешние показатели эффективности учебника могут быть приняты следующие: 1) ученики должны любить учебник родного языка, с удовольствием работать с ним; 2) ученик должен самостоятельно, без дополнительных разъяснений учителя, пользоваться им: понимать формулировки правил; применять правила к примерам, данным в текстах упражнений, следуя образцам учебника. Учитель следит за точным соблюдением учащимися «команд» учебника и контролирует процесс нарастания знаний и навыков. Работая с учебником, который способен сам учить детей, учитель экономит время для подлинного творчества: он сумеет увидеть слабые места «технологии» обучения, данные в учебнике, и внести свои поправки — рационализировать процесс обучения.

По решению Министерства просвещения РСФСР наш учебник проверяется в Белоярском районе Свердловской области (38 школ). Кроме того, проводится микроэксперимент в Тосненском районе Ленинградской области (3 школы) и в Суздальском районе Владимирской области (1 школа).

Никаких методических разработок автор учебника не предложил, предоставив учителям свободу. Ограничения сделаны лишь следующие: не привлекать добавочного материала на уроки; точно выполнять рекомендуемые упражнения. Это сделано в целях соблюдения чистоты эксперимента: если учитель работает по методической разработке, то результаты обучения нельзя будет отнести целиком за счет учебника.

Двухмесячные наблюдения (I учебная четверть) в Белоярском районе Свердловской области показали, что ученики с интересом работают, понимают учебник несмотря на то, что не подготовлены к нему в должной мере; их успехи особенно заметны в области практических навыков: дети уже начинают разумно рассуждать, применяя правила, все более и более выразительно читают; орфографических ошибок на пройденные правила почти не делают (встречаются ошибки на правила, которые они не прошли в третьем классе ввиду особых условий эксперимента).

Учителя Белоярского района, районные и областные органы народного образования (как и учителя других районов) отнеслись к проверке учебника с исключительной ответственностью.

3. От исследований ученых-лингвистов в большой мере зависит качество учебников русского языка для средней школы. Только лингвисты могут уточнить, что именно в языке должно быть усвоено, что должно быть усвоено в первую очередь, выявить закономерности употребления компонентов языка в речи, создать стилистику, создать школьную грамматику, облегчающую развитие ребенка. Школьная грамматика должна быть логической, но старая логическая грамматика не вполне удовлетворяет методическим целям. Школе нужна грамматика семантическая. Будет ли это доведенная до совершенства логическая грамматика или какая-то другая, но она должна объяснять грамматические значения, должна быть инструментом развития интеллекта и речи учащихся.

4. Задачи изучения грамматики в школе не ограничиваются только нуждами развития речевых (грамматических) навыков. Грамматика изучается в школе и как наука.

Должны ли учащиеся средней школы знакомиться с новейшими достижениями лингвистики? Какая грамматика, кроме логической, может быть введена в школьный курс?

Очевидно, старшеклассников надо будет познакомить со многими формальными и семантическими грамматиками в порядке факультативных курсов. Это вызовет у них огромный интерес. Но вводить в учебник русского языка понравившиеся авторам разделы из новых грамматик как добавление к логической грамматике нецелесообразно по двум соображениям: 1) эклектическая граммати-

ка не может служить прикладным целям — целям обучения речи; 2) в научном плане такая грамматика только дезориентирует учащихся и не воспитает в них лингвистов.

Научность изложения сведений по грамматике в нашем учебнике обеспечивается тем, что в нем устранен эклектизм.

5. В школе должно быть несколько учебников, построенных по различным методикам. Обучение родному языку будущих поколений русских людей — это настолько ответственное государственное дело, что не следует доверяться авторитету одного автора, даже самого уважаемого.

Редакция приглашает наших читателей принять участие в обсуждении вопросов преподавания родного языка в школе.

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

(Ответы)

1. Предложение изобилует элементами канцелярского, шаблонного изложения. Здесь и речевые штампы «в целях», «в деле», и злоупотребление конструкциями с отглагольными существительными (неведения, хранения, недопущения, расходования, обследования и т. п.), и наизывание родительных падежей и канцеляризмов (надлежит), и слова «спутники» (надлежащий порядок), и «расщепление» сказуемого (надлежит проводить обследование).

Фраза значительно выигрывает, если отказаться от этих атрибутов канцелярского изложения. При правке целесообразно изменить порядок следования частей предложения: начать фразу с субъекта высказывания.

Можно предложить такой вариант правки: «Начальники участков обязаны систематически обследовать предприятия, чтобы упорядочить сбор и хранение опекушорного лома и не допускать вывоза его в отвалы и расходования не по назначению».

2. Ошибка здесь возникла в результате неосмотрительного употребления словосочетания «престарелый возраст» и «до старости», что вызвало внутреннюю тавтологию: «престарелый возраст» и есть старость. Кроме того, слова «престарелый» и «возраст» не сочетаются друг с другом. Можно написать: «Престарелый человек» и «преклонный возраст». Неудачное словосочетание «умственно свежие» возникло, вероятно, по ассоциации со словосочетаниями «свежесть ума», «ясный ум», «ясность ума».

В неофициальном тексте лучше написать «люди», а не «лица». Можно предложить такие варианты правки: «Люди преклонного возраста часто сохраняют ясный ум (ясность ума)». Или: «Многие люди до глубокой старости сохраняют ясность ума (ясный ум)».

3. Во-первых, это неудачный (не мотивированный контекстом) выбор лексического эквивалента, синонима: «находятся данные» (вместо «приведены, помещены данные»), «прогресс» вместо «рост», «развитие». Во-вторых, это ошибка, связанная с неразличением паронимов, слов, близких по звучанию, но разных по значению («загородная зона» вместо «пригородная зона»). В-третьих, это ошибочное соединение на правах однородных членов предложения слов, которые относятся друг к другу, как вид к роду (животноводство и свиноводство).

Можно предложить такой вариант правки: «В статье приведены данные, характеризующие развитие животноводства (в том числе свиноводства), овощеводства и садоводства в пригородной зоне».

4. В предложениях в результате неточного словоупотребления возникла двусмысленность высказывания. В первой фразе предлагается вносить страховые платежи дважды: «не только в установленные сроки, но и досрочно». Если заменить категоричное «надо» на «можно», высказывание перестанет быть двусмысленным.

Во втором из этих предложений двусмысленность возникла в результате неосмотрительного употребления слова «назначенные». Не ясно, кто должен приступить к работе: лица, которых назначили уполномоченные, или сами уполномоченные. Если первые, то фразу можно построить так: «Лица, которых назначили (выделили) уполномоченные, должны немедленно приступить к работе». Если вторые, то возможен такой вариант правки: «Уполномоченные (или выделенные уполномоченные) должны немедленно приступить к работе».

В третьем предложении вместо «размножение» следует написать «уничтожение», иначе фраза понимается так: чем упорнее и плановее борешься с вредителями, тем они быстрее размножаются. Можно предложить и такие варианты правки: «Степень размножения вредителей во многом зависит от того, насколько успешно ведется борьба с ними» или «Упорная и планомерная борьба с вредителями замедляет их размножение».

В четвертом предложении в один ряд («наряду») поставлена нехватка («недостаток», а не «недостатки») специалистов и отсутствие заботы об их бытовых нуждах. Можно предложить такой вариант правки: «Следует отметить, что несмотря на нехватку (недостаток) специалистов, руководители больницы не заботятся об их бытовых нуждах».

5. Довольно часто в текстах возникают лексико-стилистические ошибки — так называемый алогизм, соотнесение несоотносимого, сопоставление несопоставимого. Такого рода примеры даны под № 4 (язык сопоставлен с лицами, речь — с персонажами, данные — с таблицей и т. д.). Исправить эти ошибки нетрудно: надо сопоставить сопоставимое. Можно предложить такие варианты правки:

«Сложный внутренний мир Катерины нашел отражение в ее языке — наиболее ярком в пьесе».

«Речи Ани, как и других персонажей «Вишневого сада», свойствен лиризм».

«Следует сопоставить данные таблиц № 2 и № 3».

«Износостойкость данных сверл значительно ниже, чем обычных».

М. П. СЕНКЕВИЧ

СКОЛЬКО МУЗ БЫЛО НА ОЛИМПЕ?

«Семь раз примерь — один отрежь»; «Семеро одного не ждут»; «Один с сошкой — семеро с ложкой»...

Сколько пословиц, поговорок, крылатых фраз бгугует у русского народа, в которых фигурирует число *семь*. И, видимо, это влияет на сознание людей столь ма-

гическим образом, что и количество муз стали сводить к семи. Так, например, в «Огоньке» (1968, № 35) в заметке «Поклонники семи муз» говорится о студенческом обществе «семи муз», созданном в Алма-Атинском университете.

Однако, если верить истории, муз было все-таки девять: Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Поли-

гимния, Уrania и Каллиопа. Так изложено у Гесиода. После Гесиода к числу муз была добавлена Аретуза (муза пастушеской поэзии). Иногда десятой музой называли поэтессу Сафо. Семи же муз никогда не было. Первоначально, до уточнений, сделанных Гесиодом, муз было только три: Мелета, Мнэма и Аоида.

А. В. Супераицкая

Спор о русских именах

Статья В. А. Никонова, опубликованная в первом номере «Русской речи» за 1969 год, не может оставить равнодушным того, кто интересуется общими или частными вопросами антропонимики. Написанная своевременно, полная отеческой заботы о судьбе новой дисциплины, статья в то же время, на наш взгляд, несколько субъективна.

Прежде всего не стоит смешивать развитие антропонимики как самостоятельной дисциплины с современным состоянием русского именослова. Из статьи В. А. Никонова выходит, что если бы антропонимика оформилась и рельефно выделилась на фоне других гуманитарных дисциплин, то у нас давно были бы разрешены такие спорные вопросы, как сокращение числа личных имен, не появлялись бы «чудовищные» имена и т. д., словно родители, прежде чем дать имя ребенку, обязательно будут советоваться со специалистом. Реально ли это?..

Антропонимика изучает в большинстве случаев уже существующее положение дел. Прогнозирование в языке — дело очень сложное, и антропонимика здесь отнюдь не исключение.

Сам характер антропонимического материала тесно связан не только с объективными, чисто языковыми закономерностями (например, нельзя сейчас встретить в русском обществе такие имена, как **Рхтркс**, чуждые русской фонетико-орфоэпической системе), но и с субъективными причинами, перечислить которые просто затруднительно. Как верно замечает В. А. Никонов, здесь и следование общей традиции в выборе имени (все называют **Олег**, то почему бы и мне не назвать так), и в некотором роде противопоставление, сознатель-

ное и стихийное, общей традиции (если все называют **Олег**, то я не назову так), и выражение в некоторой степени чувства долга и уважения перед другими членами коллектива (имена в честь родственников, друзей и т. д.), и просто стремление пооригинальничать... Все это подтверждает мысль о том, что даже при абсолютно точной разработке антропонимики, никто не может дать гарантии, что именослов удастся привнести в такое состояние, когда он будет удовлетворять абсолютно всех. Однако это совершенно не означает, что языковеды могут оставаться безучастными. Напротив, они должны активно пропагандировать знания в этой области, составлять рекомендательные словари личных имен, бороться за высокую культуру имени.

Но это только одна из задач антропонимики. Как наука историческая, прикладная она должна помочь историкам и лингвистам, этнографам и литературоведам, археологам, географам. Здесь уже есть определенные успехи, и поэтому вывод В. А. Никонова о том, что «у нас еще нет антропонимики», не совсем точен.

Среди проблем, которые затронуты в статье «Иван и Винегрет», выделяется вопрос о количественном составе русского именослова. Уменьшение числа употребляемых личных имен — процесс закономерный и исторически объяснимый. До XVI века, пока русские использовали только одно имя, которое выделяло его среди других, «ассортимент» имен был велик: употреблялись не только христианские, канонические (Иван, Петр, Алексей), но и русские, мирские (Первой, Беляк, Волк), которые сейчас нами воспринимаются как прозвища. Откройте «Словарь древнерус-

**Н У Ж Н Ы
Р А З Н Ы Е И М Е Н А**

ских личных имен» (1904) Н. М. Туликова (переиздание которого было бы желательным) и вас поразит избирательность наших предков в выборе имени.

В XVII—XVIII веках в России стали появляться родовые и фамильные прозвания, которые впоследствии закрепились в современные фамилии. Появление фамилий «отрицательно» сказалось на количественном составе личных русских имен. Имя утратило свою главную функцию — быть единственным знаком для выделения лица. Эту функцию личное имя не только разделило с фамилией и отчеством, но в основном уступило ее фамилии.

Хорошо или плохо, что ассортимент личных имен сократился? В. А. Никонов считает, что «уменьшение количества употребительных имен — процесс здоровый» и, более того, обилие личных имен, по его мнению, может привести к большому орфографическому разнообразию, путанице. Здесь автор статьи смешивает две разные вещи. С одной стороны, причины сокращения русского именослова, с другой — недопустимость орфографического варьирования личных имен.

По нашему мнению, в современном обществе количество личных имен как мужских, так и женских, не должно быть слишком велико. Но при нынешнем положении дел борьба за увеличение числа употребляемых имен должна быть продолжена. Сокращение русского именослова не означает, что наступит такой момент, когда в обиходе будет пять — десять имен. Сами нормы общезнания воспрепятствуют этому сокращению.

Вообще надо помнить, что одинаковые имена мешают не только почтальонам, которые разносят письма десяткам тысячам Иванов Ивановичей Ивановых. А каково, например, учителю или воспитателю детского сада, у которых в группе из сорока человек семь Светлан и десять Сергеев? Вот и приходится с малых лет приучать детей к «официальному» обращению, по фамилии. А разве это хорошо!..

В качестве первой профилактической меры можно порекомендовать «борьбу» против самых популярных личных имен. Трудно определить при-

чины отбора «любимых» имен, но эта традиция продолжается с древнейших времен. Было бы желательно, чтобы работники ЗАГСов вывешивали небольшие диаграммы, которые показывали бы, что в прошедшем году или месяце, например, именами **Игорь, Вадим, Сергей** названы 75 процентов мальчиков. И здесь же привести небольшой словарь имен. Родители обязательно, прежде чем дать имя, подумают: а стоит ли заранее обезличивать ребенка.

По мнению В. А. Никонова, обилие личных имен в нашем обществе будет приводить к появлению самых различных орфографических вариантов и «сколько мытарств предстоит людям при назначении пенсий и в десятках других случаев жизни». Что же, в единичных случаях такие печальные события действительно имеют место. Но орфографическое варьирование в антропонимике, как и вообще в ономастике, качественно отлично от орфографического варьирования в нарицательной лексике. Если человек напишет **малоко, карова**, то его обвинят в безграмотности, но если в целях повышения грамотности кто-то исправит фамилию **Корокин** на **Коровин**, а **Малоко** на **Молоков**, то он проявит неграмотность другого порядка. У нас только недавно стала разрабатываться самостоятельная орфография собственных имен, которую, по выражению профессора А. А. Реформатского, от общей орфографии «отделять нельзя, а выделять и можно, и должно» («Орфография собственных имен». М., 1965).

Сама природа собственного имени характеризуется в большинстве случаев потерей связи с лексическим значением производящей основы, что дает право допускать наличие орфографических вариантов. Напомним, что фонетическое и орфографическое видоизменение личных имен и раньше служило источником для пополнения именослова. Например, стали самостоятельно употребляться **Юрий** и **Георгий**, восходящие к одному имени **Георгий**. А кто даст гарантии, что через некоторое время не будут употребляться «на равных» **Андилина** и **Ангелина**! Если и сейчас для большинства неясна этимология **Ангелина**, то зачем ее искать в имени **Андили-**

на, а по произносительным орфографическим нормам оно ничем не хуже.

Таким образом, нельзя усматривать в орфографическом варьировании только отрицательную сторону. Необходимо лишь установить правило: если ребенку присвоили имя **Лианора**, а не **Элеонора**, то эта форма должна быть единой во всех документах.

В этой связи несколько слов хочется сказать о так называемой паспортизации. Под паспортизацией нужно понимать не сохранение одной формы личного имени для всех лиц (как это утверждается в статье В. А. Никонова), а сохранение одной орфографической формы имени за одним лицом (любой, но постоянной). Таким образом, паспортизация предполагает, что будут законно встречаться не только **Юрий** и **Георгий**, против которых никто не протестует, но и **Лианора** и **Элеонора**, **Владимир** и **Володимир**...

Паспортизация тесно связана с нормой употребления собственного имени. Этот термин очень редко применяется в антропонимике, а именно здесь он крайне необходим. Понятие нормы в антропонимике раскрывается как совокупность установившихся правил пользования материалом в определенном обществе и в определенное время.

Русский язык, как и любой другой, располагает огромнейшим запасом имен, но использование этого богатства зависит от конкретных обстоятельств. Норма в антропонимике больше связана с внеязыковыми причинами, в этом ее большое отличие от норм общезыковой. Например, в XV веке человека могли называть **Волк**, **Бирюк** и это не вызывало общественного недовольства. Такова была норма. В XIX веке подобных имен в официальной норме уже не было. Норма — явление историческое и социальное. Нельзя объяснить некоторые закономерности антропонимии древнего периода с позиций современного употребления личных имен, как это бывает в некоторых статьях.

Приведем всего лишь один пример. В современном русском языке суффикс **-к-** вносит в личное имя допол-

нительный экспрессивный оттенок, что также зависит от сферы и характера его употребления (**Колька** между сверстниками приближается к нейтральному, при обращении старшего к младшему — фамильно-просторечный, а при обращении младшего к старшему — уничижительный характер). Всегда ли так было? Оказывается, в XVII веке образование личных имен с суффиксом **-к-** было нормой для устной и письменной речи (так именовали людей «низкого звания»). Только в XVIII веке, когда для всех стали употребляться полные имена (не **Васька**, а **Василий**), имена с суффиксом **-к-** стали ярко выражать дополнительную экспрессию.

Этот пример показывает, что прежде чем возражать против варьирования личных имен, необходимо определить норму современного употребления именованного. Нельзя забывать, что, кроме нормы, в антропонимике определенного периода существуют и отклонения, отступления, считаются с которыми мы обязаны.

В наше время допускается более свободное употребление личного имени. Не так, как в прошлом веке, когда именованное контролировалось церковью. Эта свобода находит выражение и в появлении многих эмоционально-оценочных вариантов. «Словарь русских личных имен» (1967) Н. А. Петровского показал возможности подобного варьирования. Например, к имени **Сергей** даны такие производные: **Серга**, **Сергач**, **Сергейка**, **Сергейчик**, **Сергейчук**, **Сергейша**, **Сергеюк**, **Сергеюшка**, **Серго**, **Сергульничка** и т. д. В этой массе имен одни отчетливо выражают субъективную оценку, другие нейтральны. И эти последние могут в равной степени употребляться не только в устной, но и в письменной, паспортной форме. И сейчас в паспорте можно встретить **Сергей** и **Серго**; **Мargarита**, **Рита**, **Марго**. Количество таких имен будет возрастать и никакой работник ЗАГСа здесь не поможет. Отец или мать вольны назвать своего ребенка **Софой**, а не **Софьей**, как это рекомендуют календари, и они имеют на это полное право. Такова современная норма, и запреты бесполезны. Мож-

но даже предположить, что особенно много личных имен вариантного характера будет у женщин (Люда, а не Людмила, Вика, а не Виктория), так как от этих форм не образуют отчества.

Мы уже говорили, что норма в антропонимике зависит от социальных причин. Однако в этой науке,

как верно заметил В. А. Никонов, действуют и свои, внутренние закономерности. Таких закономерностей, вероятно, много. Описание их, безусловно, поможет разрешить спорные вопросы и в таком частном деле, как выбор имени для ребенка.

С. И. ЗИНН

Ташкент

Максимко, Тимошка и другие

В нашем быту — в среде детей и подростков, при обращении взрослых к младшим и даже при обращении взрослых друг к другу — часто используются личные имена с суффиксом *-ка*: Мишка, Машка, Сережка. Они свойственны только разговорной, нелитературной речи (см.: «Русская речь», 1968, № 5). В обстановке, хоть сколько-нибудь напоминающей официальную, такие имена совершенно неупотребительны. Зато они обычны в говорах, где сохраняют нередко старые оттенки значений.

Личные имена с суффиксами *-ка* и *-ко* существовали еще в дохристианский период. По-видимому, первоначально они имели уменьшительно-ласкательный смысл подобно наименованиям предметов: дорога — дорожка, гора — горка и проч. (ср. имя *Дорожка* в «Рядной Тешаты с Якимом» до 1299 года). Языческие имена сохранялись на Руси долгое время и после принятия христианства, их давали вместе с христианским именем вплоть до XVI—XVII веков, так что нередко у одного и того же лица было два и даже три имени. С появлением на Руси христианских имен суффиксы *-ка* и *-ко* из языческих имен *Дорожка*, *Жирошка*, *Страшко* перешли и в христианские.

Таким образом, в XI—XIV веках, в едином древнерусском языке имена лиц в основном были трех видов: 1) полуимена с суффиксами *-ка* и *-ко* (Домька, Василько), которые уже не носили ласкательного характера, а имели нейтральное значение, сохранившееся в современных говорах; 2) обычные христианские имена (Михаил, Василий); 3) полуимена или имена с отчествами (Михалко Гюргович, Володимерко Володаревич, Игорь Святославлич, Ярослав Володимирович).

В период с XI по XIV столетие полуимена имели нейтральный характер, ими называли князей, посадников, воевод и летописцев. В «Лаврентьевской летописи» находим: «В се же лето воеваша половцы ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ» (под 1092 годом). Имя *Василько*, *Василко* встречается в этой летописи часто, оно принадлежало князьям, воеводам и летописцам. В «Лаврентьевской летописи» находим также имя Володимерко (под 1149 годом); в «Ипатьевской летописи» — Володимерко Володаревич (под 1141—1144 годами); Михалко Гюргович (под 1185

годом); в «Новгородской первой летописи» — Мирошка (посадник в Новгороде с 1189 по 1203 год); Михалко (под 1176 годом — Новгородская летопись по Синодальному списку). В Грамоте Новгородского князя Андрея Александровича и посадника Семена (под 1301 годом) находим: «От великого князя Аньдрѣя, от посадника Смена, от тысяцкого Машка, всего Новагорода...».

По-видимому, в период с XI по XIV век личные имена на *-ка* и *-ко* имели то же нейтральное значение, какое они имеют в современных говорах, то есть в них не было значения ласкательности, но не было значения уничижительности. Тем не менее какая-то доля ущемленности официального значения полуимени, по-видимому, появляется уже в то время. В Прологе 1174 года под 28 апреля есть указание на значение личного имени с суффиксом *-ец*, который так же, как и суффиксы *-ка* и *-ко*, оформлял полуимена. В Прологе говорится о ростовском епископе Федорце, в чем-то провинившемся: «Добре подвизався ко церкви божией и Федорца же, за укоризну тако нарицаема, сего блаженный Кирилл от божественных писаний ересь обличи и прокля его» (*Житие Кирилла Туровского*).

Мы объясняем эту запись не тем, что в гражданской среде имена на *-ка*, *-ко* и *-ец* имели в то время что-то уничижительное (иначе князья, посадники и тысяцкие не назывались бы ими), а тем, что «искажение» христианского имени духовного лица (епископа) различными суффиксами из народного языка мирян делало это имя в глазах духовенства сниженным и «укоризненным» в значении. Вот это-то незначительное различие между полным христианским именем и полуименем было впоследствии использовано для возвеличения вышестоящих в обществе.

В дальнейшем, особенно в период XV—XVII веков, крестьян, дьяков и подьячих во всех писцовых книгах называют полуименами, а князей, стольников, воевод, полковников и других представителей верхних слоев тогдашнего общества — полным именем и, как правило, с отчеством. В Новгородских писцовых книгах шелонской, вотской, обонежской и бежецкой пятин XV—XVI веков (пятины — территориально-административные районы, на которые делилась Новгородская земля) имена крестьян даны с суффиксами *-ка* и *-ко*. Книги обонежской пятины: «Деревня на Иванкове острове: Марко Олферов да сын его Кондратик, Михал да Семенко Лукины, Онтонко Родионов, Масимко Иванов, Тимошка Иванов сеют ржи пол-3 коробы...». В таком виде выдержан весь текст этих писцовых книг.

В текстах других деловых бумаг при упоминании лиц, относящихся к различным общественным группам, проводится довольно четкая дифференциация: лица зависимые, относящиеся к низшим слоям общества, обозначаются почти всегда полуименами; лица, относящиеся к верхним слоям общества, — полными именами и почти всегда с упоминанием отчества. В этом отношении чрезвычайно показательна, например, «Сибирская челобитная 1685

года по делу о беглых крестьянах». В этой челобитной полуимена называются крестьяне, «алатырские площадные подьячие» и церковный дьячок. Лица, относящиеся к высшим и средним слоям общества, названы полными именами, большей частью с отчеством.

Итак, полуимена приобрели уничижительное значение, что было следствием классово-сословной дифференциации феодально-крепостнического общества.

Чрезвычайно важны показания грамот XV века, написанных в Двинских землях, где крепостного права никогда не было. В этих грамотах встречается более 500 личных имен, из которых лишь 20 — полуимена. Среди них встречаются Григорьевичи Филька, Родька и Онашка, которые в купчей грамоте № 33 почему-то названы «Великими смердами», и у них Михайло и Игнатий Варфоломеевич покупает значительные земельные угодья. Здесь же встречаются и три дворянина: Мартышко, Степанко и Иванко, а также Княжеостровский староста Савка и писец Гришка Ондреев. Здесь полуимена сохраняли нейтральное значение, которое эти формы имели в период XI—XIV веков и которое они имеют в современных говорах. Такое положение в отдаленных Двинских землях наблюдается на протяжении XV столетия, вернее до 1478 года, когда Двинские земли, ранее принадлежавшие Новгороду, вошли с падением Новгорода в состав Московского государства. Это не могло не отразиться на всей общественной жизни Севера, ранее более патриархального и живущего сравнительно обособленно. Полуимена постепенно входят в употребление и на территории Двинских земель. Формы и обороты писцовых книг Московского государства стали относиться и к населению этих земель. Так, в грамоте Двинского уезда 1653 года находим: «Деревня Заумешная в среднем погосте, а Ковалевская тож, а в нем крестьян: во дв. Фомка Ефимов сын Верещагин, у него сын Захарко, во дв. Микитка Иванов, во дв. Микитка да Онтонко Офонасьевы...» и т. п.

Итак, в Московском государстве XV—XVII веков во всех официальных бумагах полуимена были закреплены за крестьянами, дьяками и подьячими.

В период феодализма, в условиях местничества и чрезвычайно сложной и запутанной системы сословно-классовых и правовых привилегий и отношений полуимена на *-ка* и *-ко* стали средством выражения зависимости не только крестьян, дьяков и подьячих, но и любого нижестоящего по отношению к другому вышестоящему. Как в XVI—XVII веках в повседневной жизни учитывались сословные привилегии и достоинства, видно из следующего описания приема гостей:

В приеме гостей русские наблюдали тонкие различия сословных отношений. Лица высшего звания подъезжали прямо к крыльцу дома, другие въезжали во двор, но останавливались на некотором расстоянии от крыльца и шли к нему пешком, проходили весь двор — одни из них в

шапках, а другие, считавшиеся по достоинству ниже первых, с открытой головой... Со стороны хозяйна встреча гостей также соизмерялась с его сословным достоинством. Важных гостей сами хозяева встречали у крыльца, других — в сенях, третьих — в комнате (Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. СПб., 1860).

Местническая кичливость доходила до того, что некие «достойные» Дмитриевы в 1697 году зывали к милосердию царей и просили изменить их фамилию, чтобы этим отличаться от других «малородных» Дмитриевых.

Бьют челом холопи ваши Васька, Илюшка и Афонька Дмитриевы. Прозвищем нашим, холопей ваших, Дмитриевых, пишутся многие разных чинов малородные, а по вашей государевой милости сродника нашего в родословной книге написан род Григория Андреевича Мамонова и Даниила Ивана Дмитриева... пожалуйте нас, холопей своих, для отличия от иных прозванием Дмитриевых, велите, государи, к прозванию наших Дмитриевых прибавить старое наше прозвание по родословцу Мамоновых, чтоб нам, холопом вашим, от других Дмитриевых бесчестными не быть.

Нетрудно себе представить, что в этих условиях «достойные» Дмитриевы «малородных» называли только полуименами, а «малородные» Дмитриевы в свою очередь в деловой и личной переписке с «достойными» также называли себя не иначе как только уничижительными полуименами. Такая система была принята сверху донизу, начиная от крестьян и кончая боярами, князьями и даже царевичами. Приведем примеры.

В «Доношении генерала Я. В. Брюса Петру I» до 1701 года находим «подданейший раб твой Якушко Брюс униженно челом бьет».

Формулы челобитья находим в ранних письмах царевича Алексея к Петру I: «Государю моему батюшке, царю Петру Алексеевичу сынишка твой Алешка, благославения прося и челом бьет» (Письмо без даты).

В письме царицы Евдокии Федоровны 1689 года находим те же выражения челобитья «Государю моему... царю Петру Алексеевичу... Женишка твоя Дунка челом бьет».

Таким образом, полуимена в челобитных целиком соответствовали общему их тону самоуничижения и холопствования. Как видно из предшествующего, имена и полуимена были языковым средством дифференциации общества на вышестоящих и нижестоящих. В этом отношении роль полуимен напоминает роль отчеств. Что касается отчеств, то о них находим следующее:

В царствование Екатерины II был составлен список тех весьма немногих, впрочем, лиц, которых в правительственных бумагах следовало писать с «вичем». Когда же при печатании «чиновой росписи» возник общий вопрос, как в этом случае поступить с отчествами, то в ответ на это последовало такое распоряжение государыни: особо первых пяти классов писать полным отчеством; лиц от шестого до седьмого классов включительно — полуотчеством, а всех остальных без отчества, только по имени (Е. П. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1836).

В XVII веке такие же официальные государственные указания были сделаны в отношении имен и полуимен. Чтобы сохранить устойчивость классово-сословных отношений, строго определялось, кому перед вышестоящими подписываться именами и кому полуименами. Осмелившийся не по чину назвать себя полным именем

подвергался опале. Так, царь Михаил Федорович сообщал астраханским воеводам, что он наказал астраханского дьяка Марка Поздеева за то, что тот в своей отписке царю назвал себя полным именем: «Да Марко ж своей городостию писался к нам в отписках целым именем и о том к нему от нас писано с опалю» (Дворецкие разделы, 1612—1628).

В самом конце XVII века, в 1697 году, указом Петра I устанавливалось, что официальные бумаги должны подписывать полуименами дьяки, подьячие и воеводы.

Мая 5: Царская грамота Верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву... И ныне, мы, Великий Государь, указали... всякие дела присылать... за воеводскими, а в которых городах дьяки и с приписами подьячие, за их дьяческими и подьяческими руками; а к отпискам по ставом руками имена свои восводами и дьяками, и с приписами подьячим, присылать полуименем (Акты исторические).

Если тогдашним низам общества официально приписывалось называть себя полуименами, то князьям предоставлялось право полного имени. Так, в 1675 году царем Алексеем Михайловичем был издан указ «О непоставлении за бесчестье и недаче суда за прописку по наречию каких-либо букв и о взыскании с тех только, которые кого браня, назовут князем без имени». В конце указа говорилось: «А кто кого браня, назовет князем без имени, и за то править бесчестье».

Смешение различий между именами и полуименами особенно преследовалось в условиях местнических споров и неурядиц. Но и после «Соборного деяния об уничтожении государем царем Федором Алексеевичем мажорнства 12 января 1682 года» эти споры и неурядицы продолжались.

Наконец, в 1701 году особым указом Петра I полуимена были запрещены во всех официальных бумагах. Эта мера наряду с введением фамилий и переписи населения преследовала цель упорядочения всех канцелярских и сыскных дел. Приводим текст указа 1701 года:

1701 г. декабря 30. О писании людям всякого звания полных имен своих с прозваниями во всяких бумагах частных и в судебные места подаваемых.

На Москве и в городах царевичам и боярам и окольных и думным и ближним и всех чинов служилым и купецкого и всяких чинов людям боярским и крестьянам, к великому государю в челобитных и в отписках и в приказах и домовых во всяким письмам, января с 1 числа 1702 года, писаться целыми именами с прозваниями своими, а полуименами никому не писаться.

В «Сборнике грамот коллегии экономии» в грамотах Двинского уезда XVII—XVIII веков полуимена обычны вплоть до эпохи Петра I. Интересно сравнить подписи под грамотами, которые начиная с 1649 по 1699 год оформлены только полуименами: 1693 — Справил Ивашко Иевлев, 1695 — Справил Федька Блезнин. Но начиная с 1699 года находим: 1699 — Справил Федор Блезнин; 1707 — Смотрил Афанасий Мижцев; 1708 — Смотрил

Григорий Истомин; 1719 — Справил Афанасий Пташков; 1721 — Секретарь Филип Власов — Справил Иван Ростигаев и т. п.

Однако по другим местам запрещение полуимен не соблюдалось. Так, в указе 1754 года отмечается, что «в писцовых переписных книгах крестьяне по большей части писаны полуименами и без прозвания». В последующие годы полуимена были окончательно вытеснены из деловой письменности.

Профессор А. А. ДЕМЕНТЬЕВ
Куйбышев

«Сибирские» фамилии

Фамилии *Белых, Черных, Рудых, Полторацких* — своеобразное явление в русской ономастике, но история их, к сожалению, до сих пор недостаточно изучена.

А. М. Селищев в статье «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» пишет: «Отчество, образованное от личного имени или прозвища отца, могло переходить от сына к следующему поколению, то есть оно становилось фамилией. При этом в основе имени и прозвища сохранялись все те же суффиксальные элементы, с которыми оно употреблялось вначале». Отчество могло представлять собой форму родительного падежа множественного числа прилагательных: Сырых, Сизых. Эта форма, как отмечает далее А. М. Селищев, употреблялась «для лиц — членов одной большой семьи: — Иван Глухих, вятский целовальник, 1697 г.; Марко Филипов сын Седых, бояр. сын, 1663 г... Сырой — Сырых, Сизой — Сизых, Хромых (но в других случаях, для одиночных членов семьи -во: Захар Яковлев сын Хромово, 1495 г.), Черных, Широких. Фамилии на *-ых, -их*, относившиеся некогда к членам большой семьи, известны и на русском юге (например, в б. Орловской губ.) и на севере — в Пермском, Вятском краях, а с севера они перешли в Сибирь. Образование прозвищных форм на *-ых* происходило и в позднее время... В быв. Ливенском уезде Орловской губ. есть большое село Волбово. Одна из частей его — Мокрéc. Там имеется несколько домов родственников, носящих фамилию Сырых. Там же в 1890-х гг. была семья, отец которой был немой. Поэтому сыновья его известны под обыденным прозвищем Немых: Иван Немых, Сашка Немых и др....» («Ученые записки МГУ». Вып. 128. М., 1948, стр. 134).

В. К. Чичагов отмечает, что в XV—XVII веках употреблялись прозвания, восходящие к формам родительного падежа множественного числа (существительных и прилагательных): «Се из Иван Стефанов сын Шестаковых», 1699 г.;... «Се из Михайло Никифоров сын Даниловых», 1699 г.; ... «Яз Савастьян Кондратьев Ягодиных», 1668 г. Многие из этих прозваний превратились в фамилии, которые существуют и в современном русском языке: Чер-

ных, Седых, Домогацких (см.: Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, стр. 104—105).

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в ряде источников подчеркивается сибирское происхождение указанных фамилий.

Так, еще в 1818 году лицейский товарищ А. С. Пушкина А. Илличевский в письме к В. Кюхельбекеру (4 апреля) пишет о том, что в Сибири «звуют вместо Толстой, Пушкин, Илличевский и т. д. Толстых, Пушкиных, Илличевских» (цитируется по книге: Н. А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960).

Тридцатью годами позже, в 1848 году, Пав. Кузмищев в работе «Замечания о камчатском наречии», отметив, что «наречие русского языка, употребляемое в Камчатке, есть собственно сибирское», писал: «Замечательно также особое окончание сибирских фамилий на *-ых*: Черных, Сизых, Толстых и проч. Оно произошло, кажется, от обыкновенного по сибирскому наречию вопроса: чьих вы? чьих он?».

Н. Луначарская-Розенель в книге «Память сердца» рассказывает: «В середине мая 1923 года Анатолий Васильевич выехал в Сибирь... Анатолия Васильевича встречали с плакатами, оркестрами, цветами, речами... На некоторых плакатах было написано: „Горячий привет командиру 3-го фронта (так именовался тогда культурный фронт) товарищу Луначарских!“». Таким образом Анатолия Васильевича, уроженца Полтавы, превратили в коренного сибиряка».

Писатель-сибиряк К. Седых свои размышления о подобных фамилиях передает словами полководца Блюхера — одного из персонажей романа «Отчий край»: «Я знаю, что за народ забайкальцы и сибиряки... Многих я с тех пор помню по именам и фамилиям. Фамилии тут у вас забавные, в России таких нет. Рудых, Черных, Сизых, Широких, Беспрозванных, Бесхлебных... Этих я особенно запомнил. Представлял их к ордену Красного Знамени».

Предположение о происхождении фамилий на *-ых*, *-их* от вопроса «чьих вы? чьих он?», высказанное Пав. Кузмищевым, возможно, и не лишено оснований. Так, В. И. Даль, по отдельным репликам определявший место жительства человека, пишет:

«В первый раз я попал на эту знаменитую ярмарку, ходил, глядел, слушал и наблюдал, без всякого дела...

Пестрота, движение и говор поражали и оглушали спокойного наблюдателя...

- А, Филипп Иванович! Какого вас господь перевертывает?
- Красимно, родимый мой, красимно [красно].
- Это суздаец!
- А он у вас чьих был?
- Да Телятиных.
- Это сибиряки!» (Полное собрание сочинений. Т. II).

Аналогичные вопросы: «чьих вы? чьих вы пишетесь?» (как ваша фамилия?) отметил в 1886 году исследователь Сибири и

Дальнего Востока, русский географ и натуралист Р. К. Маак, говоря о языке якутских жителей.

В. К. Чичагов на основе соответствующих данных делает вывод о том, что «процесс появления прозваний указанного вида [на *-ых, -их*. — А.В.] происходил в русском языке, по крайней мере, в северных его говорах... не позднее XVII века» (указ. работа, стр. 104—105). Как писал А. М. Селищев, «северные области европейской России, „поморские“ и примыкающие к ним с запада и юга местности были основным источником, откуда выливались колонизационные волны за Урал, к Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Анадыре, Охотскому морю и Амуру» (Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1924, стр. 139). Если учесть это, остается предположить, что прозвания на *-ых, -их*, северно-европейские по своему происхождению, оказавшись за Уралом, получили дальнейшее развитие (превратились в родовые прозвания, а затем — в фамилии) и наибольшее распространение именно в Сибири. Таким образом, Сибирь сохранила в первоначальном виде то, что с течением времени было утрачено в местах первоначального возникновения фамилий на *-ых, -их*, а это дало повод некоторым исследователям считать их чисто сибирскими.

А. Ф. ВАСИЛЕНКО,

преподаватель Абаканского пединститута

Хроника

СЛАВЯНЕ И ТЮРКИ

(Окончание. Начало см. на стр. 2)

данные дополняются диалектными фактами и материалом, отраженным в русских словарях. Затем составляются картотеки тюркских элементов русского словаря в их историческом развитии. Историко-лексикологический материал такого рода дает возможность точнее определить время и непосредственный источник заимствования слова русским языком. Большая подготовительная работа ведется в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина, в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Ленинградском, Азербайджанском и Башкирском университетах, в Омском педагогическом институте, в Институте языка и литературы АН Казахской ССР и т. д.

Ученые обменялись мнениями о предстоящей работе и поделились накопленным опытом. Была высказана мысль о необходимости согласовать

работу всех занимающихся изучением тюркизмов, чтобы впоследствии приступить к созданию капитального словаря тюркских слов, вошедших в русский язык. Такой словарь должен показать, как в русском языке отразились многовековые культурно-исторические связи русского народа с его тюркоязычными соседями. В нем будет подведен итог этимологическим разысканиям об отдельных словах, дана более детально их история; все тюркские заимствования будут разбиты на группы в зависимости от времени их появления в русском языке и непосредственного источника заимствования. Завершение словаря даст возможность не говорить о тюркских словах вообще, а вести речь о булгарских, печенежских, берендейских, черноклобучских, половецких, татарских, ногайских, казахских, крымско-татарских и т. п., заимствованиях, вошедших в русский язык. На основании этого лингвистического материала могут быть вскрыты неизвестные страницы в истории нашего народа.

Материалы симпозиума будут изданы отдельным сборником в издательстве «Наука».

Бахвал

Бахвалом называют того, кто любит хвастаться и похваляться: «Любил он прихвастнуть и похвалиться. Был,— что называется у нас,— парень бахвал» (Эртель. Записки степняка); «А скажи-ка ты мне по чистой правде да по совести — сам ты эти небылицы в лицах выдумывал, али слышал от какого-нибудь бахвала?» (Мельников-Печерский. На горах); «Матрос он был неважный... что не мешало ему... быть большим хвастуном и бахвалом» (Станюкович. Отмена телесных наказаний).

Употребителен глагол *бахвалиться*. В литературном языке форма *бахвалить* вышла из употребления. В прошлом она отмечается в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года и в Толковом словаре В. И. Даля. *Бахвалиться* значит 'хвастаться чем-нибудь', 'кичиться': «Ты Сережке бахвалился, что я без тебя, как без хлеба, жить не могу! Напрасно ты это» (Горький. Мальва); «Он постоянно бахвалился своей силой, которая была действительно велика» (Помяловский. Очерки бурсы);

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
— Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат.

НЕКРАСОВ. Коробейники

Существительное *бахвальство* со значением 'чрезмерная похвальба', 'хвастовство' образовано присоединением суффикса *-ство* к основе глагола *бахваль-*: «Я с досадой выключил приемник: не было сил слушать

дальше наглое бахвальство врага» (Линьков. Война в тылу врага).

Слова эти впервые даются в Словаре церковнославянского и русского языка с пометой «простонародное». Отсюда справедливо утверждение, что возникли они в устной народной речи.

Связь *бахвалиться* с глаголом *хвалиться* едва ли подлежит сомнению. Что же такое начальная часть *ба-*? По всей вероятности, это не *ба-*, а *бах*, известное в русской народной речи в значении 'лгун, говорун, краснобай' («Словарь русских народных говоров». Вып. 2. М.—Л., 1966), от которого образованы: *бахать* (во многих говорах) 'лгать'; *бахорить* 'тщеславиться'; *бахтеть* (ярославское) 'бахвалиться'; *бахвостить* (псковское) 'сплетничать', *бахвостка* 'сплетница' и т. д. Можно предположить, что *бахвостить* образовалось из соединения *бах* с *хвостить*, известным в говорах в значении 'наговаривать'. Таким образом, *бах-хвостить* 'лживо наговаривать', 'сплетничать'. Рядом стоящие два *х* вначале произносились как один несколько удлинённый звук.

Бахвал, *бахвалиться* также могли получиться из соединений *бах* + *хвал*, *бах* + *хвалиться*, которые произносятся: *ба-хвал*, *ба-хвалиться* 'лжехвал', 'лживо хвалиться'. Когда эти слова включали в словарь, то, не задумываясь над их образованием, не отмечая или не замечая некоторую долготу звука [x], записали по произношению: *бахвал*, *бахвалиться*.

В говорах употребительны *бахалда* 'бойкая, крикливая женщина', по-видимому, образованное из *бах* + *халда* в значении 'говорунья-нахалка', и *бахолда* 'хвастун, балаболка'. Известно и *халда* 'крикун, нахал'.

Дача

Дачей мы называем 'загородный дом для летнего проживания и отдыха городских жителей': «Грузовик свернул в дачный поселок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей» (Гайдар. Тимур и его команда); «Дача наша состояла из деревянного барского дома с колоннами и двух низеньких флигельков» (Тургенев. Первая любовь). *Дачей* называют также местность за городом, пригодную для летнего отдыха: «Мы живем на даче всей семьей.., купаемся в озере, пьем чай из настоящего пузатого медного самовара» (Каверин. Два капитана); «Обломов живет на даче, в нескольких верстах от города» (Гончаров. Обломов). От существительного со вторым значением образовалось прилагательное *дачный*: «Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью» (Горький. Дачники); «Верстах в 30 от большого губернского города есть станция Черноеполье, любимое дачное место губернского жителя...» (Короленко. Смирненные).

В старину *дачей* называли 'точно обмежеванный земельный участок, являвшийся собственностью отдельного землевладельца или монастыря, завода и т. п.': «Ключевский завод принадлежал к числу знаменитейших Муромских заводов, дача которых своими сотнями десятин залегла на самом перевале среднего Урала» (Мамин-Сибиряк. Три конца); «Я имею... три лесные дачи при моем имении» (А. Островский. Бешеные деньги). Такие дачи приобретались состоятельными людьми или были подарены царем. Это первичное значение слова.

Современное же значение разви-

лось из названия места, куда выезжали отдыхать летом. В послереволюционное время местные Советы выделяли желающим специальные участки земли, на которых и строили дома для жилья. Отсюда ныне употребительны выражения: «У них — своя дача.

Существительное *дача* имеет тот же корень, что и глагол *да-ть*), древнерусское *да-ти*; вторая половина слова *-ча* произошла из **tja*, как и в словах *свеча* из **свѣт-ja*, *встреча* из **встрѣт-ja*. Наряду с глаголом *дати* было существительное *дагь*: «Всяка бо дать блага» (Всякое даяние благо [хорошо]); отсюда дореволюционное *подать* (из *по-дать*) 'вид налога'.

Таким образом, существительное *дать*, образованное присоединением суффикса *-ть* к глагольному корню *да-*, обозначало то, что необходимо вручить, передать в виде налога, подарка и т. д., а образованное от *дагь* существительное *дача* (из **дат-ja*) обозначает то, что дано. Поэтому первоначально *дачей* называли подаренную царем площадь земли. Кроме того, в народе *дачей* называли и то, что выдается в виде жалованья, пайка и т. п.

Современное значение *дача* разошлось с первичным, и, произнося это слово, мы имеем в виду загородный дом с земельным участком.

Метель

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской сказано, что *метель* «образовано с помощью суф. *-ль* (> *-ель*) от сущ. *мет*, еще употребляющегося в диалектах (ср. также польск. *miot* — 'бросание')». По сохранившимся ру-

копиям А. С. Пушкина мы знаем, что он последовательно писал *мятель*:

... кусты, стремнины
Мятелю все занесены,
Глубоко в снег погружены.

Евгений Онегин

«Я слышал о тамошних мятелях, и знал, что целые обозы бывали ими занесены» (Капитанская дочка).

Возникает вопрос: кто прав — авторы упомянутого этимологического словаря, считающие, что *метать* ‘бросать’ и *метель* — одного корня, или А. С. Пушкин, сближающий по корню *мятель* с *мятет*, *мятуситься*, *мятеж*?

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года читаем: «*Мятель*... то же, что *метель*», а под словом *метель*: «вьюга, непогода, вихрь или ветер, кружащийся со снегом; вьялица».

Из этого определения видно, что *метель* не бросает, а кружит, вертит вихри и т. д., отсюда другое ее название: *вьялица*. В. И. Даль в Толковом словаре записал вологодскую речь: «Польмя так и вьет», т. е. ‘колыхается, волнуется’.

Понятие ‘беспорядочно двигаться, суетиться’ обозначается глаголом *чястись* — *мятется*:

Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку.

ПУШКИН. Руслан и Людмила

«Фома представлял себя в середине огромной, суетливой толпы людей, которые неизвестно для чего мятутся, лезут друг на друга, ... все толкуются на одном месте» (Горький. Фома Гордеев). От этого корня *мят-* и слово *мятеж* первоначально ‘волнение’: «На дворе мятежно», т. е. ‘вьюжно»; а затем — ‘ссора’: «Мятеж бысть межи братама» (Ссора была между братьями) — из летописи;

и наконец ‘смута’, ‘восстание’: «Мятеж бысть великъ Новгородъ, не въскотѣша люде Всеволода» (Смута, волнение большое было в Новгороде: не хотели люди иметь князем Всеволода) — из Новгородской летописи.

Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что и *мятель* от того же корня *мят-*, обозначающего беспорядочные движения. Но почему же мы сейчас пишем *метель*, а не *мятель*, как это было во времена Пушкина? Дело в том, что в народной речи слова с корнем *мят-* оказались неустойчивыми, поэтому они легко контаминировались (скрецивались) с другими корнями. Так, *мятуситься* контаминируясь с *мести* и *мотать* стало произноситься как *метуситься* и *мотуситься* (об этом см. мою заметку «К истории слова *мятусить* (-ся)» в «Лексикографическом сборнике». Вып. V. М., 1960), а *мятель* — с *мести* — *метет* дало *метель*, что позже получило официальное признание в орфографии. Кроме того, в народной речи о *поземке* говорят: «на улице метет»; «ветер мел по улице снег». И это словоупотребление также могло быть основанием для смешения основ *мет-* и *мят-*, не говоря о том, что в живой разговорной речи в безударном положении *мет-* и *мят-* произносятся одинаково [м^ет-].

Думается, что составители «Краткого этимологического словаря русского языка» следствие приняли за причину, поэтому неверно объяснили происхождение слова *метель*. Все слова с суффиксом *-вьль, -ель* образуются от корней глаголов, а не существительных: *мятель* от *мести* < * *mēt-(ti)*; *пищаль* от *пищ-(а-ти)*, а не от *пискъ*, *кисель* от *кис-(пу-ти)* (слова * *кисъ* нет в языке).

А. С. ЛЬВОВ

ЧТО ЧИТАЛИ ДРЕВНИЕ?

В «Русской речи» (1967, № 5) была помещена статья о «Пчеле», древнерусском памятнике письменности конца XIV в.— «Мысль и слово в Древней Руси». Напоминаем, что «Пчела» была переведена с греческого и представляла собой собрание изречений, назиданий и маленьких притч правоучительного характера. Некоторые из них были приведены в упомянутой статье. Но изречения «Пчелы» не однородны. Особый интерес вызывают те выдержки из произведений древних писателей, которые, несомненно, расценивались древнерусским переводчиком и древнерусскими читателями как образцы остроумия и по содержанию не имели ничего общего со скучноватой христианской моралью. По форме это чаще всего диалоги, очень напоминающие современные анекдоты.

Нѣкто ѡтъ друогъ его поношаше, глагола. не подобаше тебѣ дружбы имѣти съ моимъ врагомъ. ѡнъ же ѡтвѣща. тебѣ не подобаетъ вражды имѣти съ моимъ друогомъ.

Один из друзей упрекнул другого, говоря: «Не подобает тебе иметь дружбу с моим врагом». Тот ответил: «Тебе не подобает иметь вражду с моим другом».

Сократъ пристроише брашно просто, възвавъ друожину, женѣ же его ксанфий рекши... аже наши соутъ звании, то не печалоуются о томъ, аще же чюжии, то мы не попечемъся ѡ нихъ.

Сократ устроил скромное угощение, позвав друзей. Жене же своей сказал: «Если званые — наши [т. е. истинные друзья], то не огорчатся из-за этого, если же чужие, то мы не будем печься о них».

Волкъ видѣвъ пастуха, ѣдоуща чюжи ѡвци ѡтаи въ коучѣ и рече. ѡ колико бысте голны съставили, ѡже быхъ то ја створилъ

Волк, увидев пастуха, который тайком в шалаше ел чужую овцу, сказал: «О какой шум поднялся бы, если бы это сделал я!».

Съ възпросимъ, какъ ѣсть адъ и таже въ немъ, и рече. ни азъ тамоесъмъ былъ, ни оусрѣтохъ кого иного идоуща ѡтоудоу.

Некто, будучи спрошен, каков ад и те, которые в нем, сказал: «Я там не был, не встречал никого идущего оттуда».

Сего видѣвъ друогъ самого пищу себѣ коупаща и поноси ѣму глагола. софоклитъ, твой друогъ, того не творить, но рабы слеть коупити, он же рече. то ти софоклии ѣсть таже раби ѣго възлюбать, а азъ таже самъ изволю.

Друг, видев другого, самого покупающего себе пищу, упрекнул его, говоря: «Софоклит, твой друг, так не делает, но рабов посылает, чтобы купить». А тот ответил: «Потому-то Софоклит и ест то, что понравится его рабам, а я — что сам захочу».

Внасъ, соуды сы, ѡсоуди повинънаго смѣртью и прослезиса, и нѣкому рекши. что самъ ѡсоужаа плачеши; ѡнъ же ѡтвѣща, тако ноужно ѣсть ѣстьствоу милованые вѣдати, а закону слоужбоу.

Внас, судья, осудил виновного на смерть и прослезился. Когда его спросили, — что же ты, осуждая, плачешь, — он ответил: «Человеку надо оказывать сострадание, а закону — службу».

Ласкавецъ тѣмъ разно ѣсть ѡтъ вранъ, зане ѡнъ живымъ ѣсть, а ѡнъ мертвымъ.

Ластец тем отличается от ворона, что этот ест живых, а тот — мертвых.

Поступающему в вуз

ПРОФЕССИИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Это случилось в поезде, когда пассажиры уже успели переодеться в дорожные брюки и стали коротать время, заполняя анкеты своих попутчиков: «Куда и откуда едете? Цель путешествия? Семейное положение? Ваше постоянное местожительство? Место Вашей работы? Ваша профессия?». И вот тут-то выяснилось, что мы — лингвисты, занимаемся теорией языка, преподаем русский язык.

Сразу возникли вопросы «профессионального» характера: «Как правильнее сказать в отпуске или в отпуску!». «Почему нужно говорить класть, а не ложить!», «Неужели мы будем писать мышь без мягкого знака!». Наконец, один молодой человек в серьезных очках высказался очень четко и категорично: «Мышь останется мышью, а отпуск — отпуском, как бы мы ни писали их. Кому это все нужно в век атома, электроники и автоматики?». У нас зародилась мысль, что подобные сомнения одолевают не только нашего молодого отрицателя, но и тех юношей, которые «обдумывают житье» перед окончанием школы, и мы решили публично ответить на вопросы строгого оппонента.

Итак: чем занимается лингвистика, кому и для чего нужно изучать русский язык «в век атома, электроники и автоматики?»

Скальпель хирурга способен проникнуть в мозг человека, биофизик в состоянии уловить едва заметные, даже для очень чувствительных приборов биотоки мозга, но ни хирург, ни биофизик не сумеют показать, по каким законам развивалось мышление, как человек учился мыслить. Доказано, что многие отвлеченные понятия, например, красота, стыд, сердиться и др., возникли из конкретных ощущений, представлений. Красота оказывается того же корня, что и красный. Вспомните образы русских былин, сказок — красна девица. Или

в «Слове о полку Игореве»: «...та первая песнь пела... красному Роману Святославичу».

В старину наивно верили, что человеческие чувства вырабатываются определенными органами. Так, сердце считалось источником гнева, и язык донес до нас эти верования, почему мы и говорим: в сердцах (в гневе), сердиться. Существительное стыд имеет многочисленных родственников: студить, простуда, стужа, студень и др. Нетрудно заметить, что слово стыд по значению как-то связывалось с представлением о холоде (в древнерусском языке стыд значило 'холод'). Откуда такая зависимость понятий стыд — холод? Оказывается, внутренняя застенчивость, скованность получили название путем сравнения с состоянием скованности от холода. А вот в Индии со значением 'холод' сопоставляется чувство удовольствия (древнеиндийское тхандак значит и 'холод' и 'удовольствие'). Ясно, что при постоянной жаре холод в Индии доставлял людям удовольствие (и сравните наше русское: жаркие объятия, теплое чувство и т. п.).

Установлено также, что понятие жилье развивалось на основе представлений о тепле, почему исторически однокоренными являются такие существительные, как дом и дым, комната (из итальянского камината) и камин. Это естественное развитие понятий, так как не могло быть жилья без огня, без тепла, без очага, да и сейчас мы это ощущаем, когда говорим: семейный очаг, домашний очаг.

Все эти и многие другие сведения о путях человеческой мысли мы получаем в результате внимательного изучения языка, законов его развития. Этим и занимается лингвистика. «Но, — усомнится кое-кто, — для чего нам эти сведения? Беллетристика!». Нет, не любопытные «нижечемности» привлекают людей науки. Знание того, что мышление развивается

от конкретного к отвлеченному, от простого к сложному лежит в основе всего процесса обучения.

Если уж речь зашла о практическом применении языкознания в нашей жизни, то следует сказать о программах для машинного перевода, о работах по максимальному использованию каналов связи, о новых методах обучения иностранным языкам и т. д. Советские лингвисты создали письменность и открыли дорогу литературному языку, литературе для пятидесяти ранее бесписьменных народов Советского Союза. Без исследований в области теории языка нельзя представить себе развития культуры речи, изобразительных средств художественной литературы, способности логически мыслить, правильно выражать свои мысли и многое другое.

Особенно велико значение русско-

го языка — языка коммунизма, как говорил Назым Хикмет. Авторитет нашей социалистической родины в мире и влияние идей социализма на умы и сердца людей самых разных стран столь сильны, что русский язык изучает сейчас около 500 миллионов человек, то есть почти каждый четвертый на нашей планете, если не считать детей дошкольного возраста и глубоких старцев. А мы, носители этого богатого и прекрасного языка, нередко портим его из-за незнания или небрежности, иной раз легкомысленно относимся к исследованию его законов, видя в них лишь сухость школьных грамматических правил да неупорядоченность написаний. Мы часто настолько привыкаем к родному слову, что не замечаем сложной мудрости языка, не замечаем и не пытаемся ее понять. А подумать есть о чем!

УЧИТЕСЬ ЧИТАТЬ

Когда мы с трудом складываем буквы в слоги, а слоги — в слова, то стараемся научиться читать быстрее. Став взрослыми, мы узнаем из научно-популярных журналов: разработана специальная система упражнений, чтобы увеличить скорость чтения еще вдвое. И вот мы спешим, как рекомендует журнал, бегом бросаем взгляд на середину строки, чтобы ухватить ее содержание в общем, и скорее, скорее — вперед. Но не теряем ли мы при этом больше, чем приобретаем? Полвека назад один ученый советовал на «велосипедное» чтение. Теперь наши темпы возросли, но нужно ли чтение с «космической» скоростью, когда мы скользим по поверхности художественного произведения, не вдумываясь в его смысл, не чувствуя красот поэтической речи?

Богатства художественного слова неисчерпаемы. Чтобы добыть их, нужен немалый труд. Возьмем несколько отрывков из такого, казалось бы, всем известного произведения, как «Евгений Онегин», и, не жалея времени, прочитаем их снова, вдумываясь в каждое слово, в каждый намек, в каждый оттенок чувства.

В начале романа Пушкину нужно познакомить нас, читателей, с главным героем. Проанализируем, как писатель использует при этом богатейшие выразительные возможности русской речи. Эпиграф взят из стихотворения друга Пушкина Петра Андреевича Вяземского «Первый снег»:

И жить торопится и чувствовать спешит.

Почему говорят **два стола, но пять столов**, а не **пять стола и два столов**? Почему девушки выходят **замуж**, а не **за мужа**, но **за слесаря, за студента, за врача**!

Почему... впрочем, не будем увлекаться вопросами (их много), не будем превращать заметки о профессии лингвиста в курс лекций. И так ясно, что без языка не может существовать общество. Обмен мыслями, производство (включая сюда и атом, и электронику и автоматику), культура — всё было бы мертво (а точнее — не родилось бы!) без общения людей — без языка.

Не случайно К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин много внимания уделяли языку и языкознанию, оставив нам в наследство и глубокие теоретические работы по лингвистике и великолепные образцы владения языком.

А. М. Горький в открытом письме

А. С. Серафимовичу писал: «Нам нужно вспомнить, как относился к языку Владимир Ленин. Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за четкую технику, без которой невозможна идеология».

Вот почему мы были так взволнованы случайным спором в поезде. Вот почему мы захотели сказать юношам и девушкам перед их вступлением в большую творческую жизнь, что языкознание — не забава, а одна из необходимых, серьезных и сложных наук. Мы будем рады, если эти заметки помогут думающим, духовно богатым питомцам школы избрать путь в филологию.

Л. Я. МАЛОВИЦКИЙ, Р. Н. ПОПОВ
Череповец

М Е Д Л Е Н Н О

Эпиграф поясняет: Онегин в юности «торопился» жить и чувствовать и потому скоро охладел. Но не менее важно звучание этой строки, ее грустно-задумчивая поэтическая тональность. В речи, особенно в поэтической, важны не только значения слов, но и интонация, с которой они произносятся. Эпиграф, как камертон, задает тон всей главе.

Всем известно начало первой строфы:

Мой дядя самых честных правил...

Но понимаем ли мы, что хотел сказать здесь поэт? Ведь тут скрыта цитата из басни Крылова «Осел и мужик»:

Осел был самых честных правил

Он нанялся сторожить огород и, добросовестно гоня птиц, перетоптал все гряды своими длинными ногами. Похвала оказывается скрытой насмешкой.

Онегин нелестно отзывался о своем дяде. Кто из нас не возмущался, читая: «Вздыхать и думать про себя: когда же черт возьмет тебя!». Представим на его месте Молчалина — сколько было слез, утешений, лести. Онегин же внутренне честен, он не лицемерит ни перед другими, ни перед собой. Дальше мы узнаем, что его дядя «лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил». Все ли помнят, что выражение *мух давить* значило «пьянствовать»? (об этом выражении см. статью В. В. Вино-

градова.— «Русская речь», 1968, № 1). Невольно вспоминаются слова Достоевского: «Зачем живет такой человек?». Удивителен лаконизм Пушкина: в одну фразу уложилась вся жизнь человека, вся его сущность, натура. Но вернемся к Онегину:

Так думал молодой повеса...

Повеса — типично пушкинское слово. В послании к Юрьеву Пушкин писал: «А я, повеса вечно праздный...». У Есенина: «О Александр! Ты был повеса, как я сегодня хулиган». Но что же означает это вышедшее из употребления слово? В словаре С. И. Ожегова мы найдем: «Повеса (разг. неодобр.) — молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях, в проказах, бездельник». Но у Пушкина слово *повеса* имеет совсем иной оттенок значения. Поэт противопоставляет свое демонстративное безделье «умеренности и аккуратности» «деловых» Молчалиных. Одному из пытавшихся поучать поэта он ответил убийственной эпиграммой. «Как брань тебе не надоела? Расчет короток мой с тобой: ну так! я празден, я без дела, а ты бездельник деловой». Если мы ограничимся словарным истолкованием, Онегин превратится в «типичного представителя петербургской золотой молодежи» (пример школьного канцеляризма). Раскрыв, что значит в языке Пушкина слово *повеса*, мы поняли всю значительность и сложность пушкинского героя, мы увидели его близость к автору. Вот как много зависит от правильного истолкования значения слова в художественном произведении.

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель...

С дружеской непосредственностью Пушкин представляет нам, читателям, своего приятеля. Обратим внимание, с каким тактом писатель выдерживает нужный тон: без холодной вежливой отчужденности и в то же время без фамильярности. Дальше рассказывается об отце героя, о гувернантках и гувернерах. Но обратим внимание на существенное умолчание: где же мать Онегина? Очевидно, ее нет в живых. Это накладывает определенный отпечаток: мальчик никогда не видел материнской любви, ласки, заботы. Его воспитали безразличный отец, чужие, равнодушные люди. У него не было даже такой няни, как у Татьяны, или гриневского Савельича. С детских лет Онегин — «чужой для всех». Он становится человеком внешне сухим, не умеющим показать свои чувства и даже старающимся подавить их.

Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил.

Пушкин вполне мог бы написать по-русски: мадам, месье. Но вкрапленные в текст французские слова самим зрительным обли-

ком создают нужный поэту нерусский колорит. И далее Пушкин будет щедро употреблять «иноплеменные слова»: dandy, vale, боливар, entrecbat, васисдас, far niente — на шести языках: английском, латинском, испанском, французском, немецком (довольно исковерканном петербургским простонародьем), итальянском. И подобных случаев в «Онегине» много. Причем Пушкин часто подчеркивает это.

В начале XIX века развернулся ожесточенный спор об употреблении иностранных слов между двумя литературными обществами: «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом». Вождь «Беседы», эпитон классицизма адмирал Шишков упрекал «арзамасцев» (Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Вяземского): «безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа и тому подобных». Жизнь показала, как заблуждался Шишков. Тогда эти слова только входили в употребление. Но представим себе, что они вдруг исчезли — это было бы подлинной катастрофой: мы не могли бы написать статью, даже простое школьное сочинение. Заимствования из разных языков ничуть не испортили русский язык, но лишь обогатили его. Арзамасец Пушкин понимает это и, чтобы посмеяться над противником, употребив иностранное слово, тут же извиняется, как будто испуганный:

Она [Татьяна] казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести).

Пушкин, конечно, мог перевести (это французское выражение обозначает: человек «хорошего тона»), но не хотел. Этот научный спор по проблемам языка имел явственную политическую основу. Для Шишкова внедрение иностранных слов связывалось с перенесением на русскую почву западных прогрессивных идей. Заядлый реакционер, он писал о слове *революция*: «Слава тебе, русский язык, что не имеешь ты равнозначного сему слова! Да не будет оно никогда в тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно». Шишков делал вид, будто он не знает старинного русского слова *бунт*. Пушкин часто употребляет и то и другое. Уже в XIX веке слово *революция* стало чисто русским, хотя оно и иностранное по происхождению. О подобных словах Маяковский писал: «Для нас это слово — могучая музыка, могущая мертвых сражаться поднять». Мы видим, что языковые вкусы зависят от общественной позиции писателя.

Герои романа Пушкина получили подлинно европейское образование, они не только легко читают и пишут, но, наверно, часто и думают по-французски. Не повредило ли это им? Нет, и Татьяна, и Онегин, и Ленский, и сам автор остались «русскими душою». Они перенесли на русскую почву достижения передовой европейской культуры и потому поднялись безгранично выше заурядных дворян вроде родителей Татьяны, дяди Онегина и им подобных.

Таким образом, решая, казалось бы, чисто лингвистическую проблему, Пушкин выступает поборником просвещения, прогресса России.

На этих примерах мы видели, как Пушкин использует разнообразные средства поэтического языка, рисуя формирование характера героя. Теперь посмотрим, как он показывает Онегина в действии. Онегин поселился в деревне, подружился с Ленским. Вот начало третьей главы:

I

«Куда? Уж эти мне поэты!»
— Прощай, Онегин, мне пора.
— «Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариных.

Обычная пушкинская лаконичность. Нет описания места действия, глава начинается со сжатого диалога, однако читатель сразу представляет: друзья у камина, день протек в оживленной беседе, но только смеркается — Ленский уезжает. Онегину опостылело одиночество, он пробует удержать друга:

— «Вот это чудно.
Помилуй! и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?»
— Нимало.

Казалось бы, обычный непринужденный разговор, с самыми бытовыми интонациями. Но это стихи, и диалог, не теряя разговорности, обретает высокую поэтичность. Попробуйте то же самое пересказать прозой — получится жалкая пародия, исчезнет вся прелесть поэтической одухотворенности. Мы убеждаемся: стихотворная форма не есть нечто внешнее, не рамка, в которую поэт зачем-то укладывает, как в прокрустово ложе, свои слова, но необходимый элемент поэтической речи. Стих выражает мысль, чувство поэта, и вне стихотворной формы эта мысль, это чувство, даже пересказанные теми же словами, не могут существовать. Вот наглядный пример единства формы и содержания в искусстве. Чтобы понять содержание произведения, надо вслушаться в звучание стиха, в переливы интонаций. Поэтому стихи обязательно следует читать вслух, даже если про себя — все равно как будто вслух: с «внутренней артикуляцией», как бы беззвучным шепотом.

Но вернемся к беседе наших друзей. Онегин, трезвый реалист, насквозь знает соседей-дворян. Что может привлекать там Ленского?

— «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья..»

Обратим внимание на запятую: простая, русская семья. Нас часто затрудняет этот случай: нужно ли ставить запятую между двумя определениями? Можно было бы обойтись и без запятой:

простая русская семья. Но смысл был бы не тот: обыкновенная русская семья, каких много. Пушкин хочет сказать нечто иное: семья простая и чисто русская, без светской вычурности, без смешения «французского с нижегородским». Онегин с легкой иронией продолжает:

К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор...»

Духовная ограниченность — вот что отталкивает Онегина от этих патриархальных и добродушных помещиков. (Ведь он еще не знает о Татьяне, столь непохожей на свою семью.) Ленский только что беседовал с Онегиным: «Меж ими все рождало споры и к размышлению влекло: племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло...». А теперь Владимир предпочитает слушать «про дождь, про лен, про скотный двор» — нарочно подобраны самые прозаические предметы. Ленский чувствует скрытую насмешку и пытается возразить:

II

— Я тут еще беды не вижу.
«Да скука, вот беда, мой друг».
— Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...

Резко контрастируют интонации. Онегин говорит непринужденно. Соответственно проста лексика: скука, беда, друг; просто построена фраза. Ленский же декламирует, речь его высокопарна. Он проклиная «свет», зная его лишь по романам, столь же наивно его представление о «домашнем круге». Они настолько близкие друзья, что Онегин не стесняется прервать Ленского на полуслове.

— «Опять эклога!

Встречая в тексте незнакомое слово, не ленитесь заглянуть в комментарий или в словарь. Не хочу вам подсказывать, посмотрите сами, что такое *эклога*, и вы легко поймете, в каком смысле употребил это слово Онегин.

Да полно, милый, ради бога.

Та же ирония, но вместе с ней — теплое, искреннее чувство: милый. Тем разительнее будет контраст, когда вчерашние друзья будут стоять у рокового барьера.

Ну что ж? Ты едешь: очень жаль.

Кажется, что эпизод закончится ничем: Ленский уедет, Онегин один будет читать, скучать — как вчера, позавчера, год назад. Но неожиданно мелькнувшая в его уме мысль все переворачивает. Сейчас произойдет завязка романа, начнется действие:

Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм, et cetera?..

Онегин опять подшучивает. По традиции (отдал ей дань и молодой Пушкин) поэт должен был именовать свою возлюбленную условным «поэтическим» именем: Хлоя, Дафния, Филлида. Но в 1820-е годы, когда создавался «Онегин», это звучало уже не столько возвышенно, сколько смешно.

Et cetera (читается: эт цетэра) — любимое пушкинское выражение, латинское по происхождению, но употребляемое поэтом во французской форме, означает: 'и так далее'. Et cetera (или сокращенно etc) пестрят пушкинские письма, наброски.

Представь меня.— Ты шутишь.— «Нету».

— Я рад.— «Когда же?» — Хоть сейчас

Они с охотой примут нас.

III

Поедем.

Еще любимый пушкинский прием: перенос. Последнее слово Ленского переносится в следующую строфу. Создается своеобразный интонационный рисунок. Строфа с точки зрения метрической — замкнутое целое, но перенос эту замкнутость разрушает, перекидывая как бы мостик в следующую строфу.

Но почему же Онегин сам напросился в гости? Во второй главе мы видели — он старательно избегает знакомств с соседями, кроме Ленского: «Сначала все к нему езжали; но так как с заднего крыльца обыкновенно подавали ему донского жеребца, лишь только вдоль большой дороги заслышит их домашни дроги» и т. д. Он знает, что ожидает его у Лариных, и все же едет слушать «про дождь, про лен, про скотный двор». Нелогично, но внутренне глубоко оправдано. Онегин удалился от людей, но он скучает в своем одиночестве и бездействии. Поездка к Лариным — способ рассеяться. Он не подозревает, какую роль эта случайная поездка сыграет в его жизни.

Гостей радушно угощают. Онегин оказался пророком: «несут на блюдечках варенья». В черновике следовало: «с одною ложечкой для всех», но эту деталь, слишком снижающую простодушных Лариных, Пушкин убирает. «На столик ставят вощаной кувшин с брусничною водой». Но наш герой привык к совсем иной, европейской кухне: «Боюсь: брусничная вода мне не наделала б вреда». Однако почему третья строфа заканчивается шестью строками точек? Подобное мы не раз встречали в «Онегине». Может быть, это выбросила цензура? Нет, это своеобразнейший пушкинский прием. Умолчание, пропуск: пускай читатель сам догадается, что было в выпущенных строках. (Кстати, для нас это теперь не тайна. В черновике пропущенные строки и строфы написаны полностью, и в комментариях к любому достаточно полному изданию Пушкина они напечатаны. По поэтическому мастерству они не уступают вошедшим в окончательный текст.)

Друзья возвращаются домой. Разговор идет о пустяках. Но речь героя раскрывает не только то, о чем он хочет сказать, но и

то, о чем он желает умолчать. Надо уметь вскрывать этот подтекст. Осторожным намеком Онегин направляет разговор в нужную сторону:

«Скажи, которая Татьяна?» —

Неужели, просидев целый вечер в гостях, он не понял: где Ольга, невеста его друга, и где ее сестра? Конечно, этот вопрос лишь уловка: Онегину хочется поговорить о Татьяне, но не хочется, чтобы Ленский это заметил.

— Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна.

Мы убеждаемся: Онегин и Ленский начитаны, они знают Жуковского. Владимир поэтически перефразирует строки из знаменитой баллады: «Молчалива и грустна милая Светлана». В дальнейшем (хотя бы сцена гадания) сопоставление Светланы и Татьяны развернется. Героиня Пушкина не просто внешне похожа на Светлану — между ними определенное внутреннее родство: та же поэтическая задумчивость, глубина и гармоничность чувства, тот же как бы невидимый свет, излучаемый ее душой и пронизывающий весь облик героини.

«Неужто ты влюблен в меньшую?»
— А что? — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был как ты поэт.

В высшей степени важный намек. Онегин сознается (хотя Ленский вряд ли его понимает), что Татьяна произвела на него сильнейшее впечатление, он чуть ли не влюблен в нее. Но он не «поэт». Что это значит? В художественном произведении часто используется различие оттенков значения слова. Основное значение слова *поэт* — ‘тот, кто пишет стихи’. С ним связано побочное: ‘человек с пылким воображением, увлекающийся, способный горячо любить’. Пушкин, отбрасывая основное значение, имеет в виду только побочное. То же самое скажет Онегин Татьяне в саду: «...кроме вас одной невесты не искал иной... Но я не создан для блаженства».

Расчувствовавшись, Онегин как бы рассердился на себя и закончил разговор резкостью:

В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне». Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

Ленскому не понравился такой отзыв о его невесте? Или он обиделся за луну? Воспетая романтиками бледная Диана, царица ночей — и вдруг: красная, круглая, глупая. Какое прозаическое снижение! Но это соответствует общему тону романа. Реалист Пушкин видит прекрасное совсем в ином.

И в заключение перенесемся в конец третьей главы. Письмо Татьяны отправлено, мы вместе с героиней ждем ответа. Правда, мы давно знаем, что ответит Евгений. Но, читая книгу вторично, мы должны «забыть» ее содержание, читать как бы впервые. Только так мы добьемся полноты художественного впечатления. А Пушкин все затягивает развязку. Онегин долго не едет, мы с Татьяной напряженно ждем. Но когда он появляется, испуганная героиня убегает в сад. Тут поэт вставляет песню девушек, чтобы затянуть наше ожидание, довести нетерпение до предела. Вместе с тем песня девушек — это и своего рода лирический комментарий к образу Татьяны. Любимую героиню Пушкина, «русскую душу», в романе часто сопровождают самые поэтически фольклорные образы (вспомним сравнение с зайчиком или знаменитый сон Татьяны). Наконец Евгений, «блистая взорами», предстал перед Татьяной. Момент напряженнейший. И вдруг Пушкин в ирривом, даже чуть легкомысленном тоне заканчивает главу:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Закончу после как-нибудь.

Мы с вами перевернем страницу и начнем четвертую главу, но посочувствуем читателям той эпохи: Пушкин писал роман семь лет и печатал его по главам. Третья глава была окончена в 1824 году, четвертая — в 1826-м. Не жестоко ли шутит автор с публикой? Зато достигается удивительное сближение поэта и читателя. Пушкин как бы запросто, непринужденно говорит с нами, обрывает рассказ на самом интересном месте и заставляет ждать продолжения.

Н. И. ГЕРАСИМОВ

Познакомьтесь с этими книгами:

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М., 1963. Предисловие, примечания и пояснительные статьи С. Бонди.

Н. Л. Бродский. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1957.

Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть и поводов к обогащению языка.

А. П. Чехов. Из письма к М. О. Меншикову
12 октября 1892 г.

Консультации

СЛОВАРЬ НАЧИНАЮЩЕГО ФИЛОЛОГА

(Продолжение. Начало см. № 1, 1969)

Вид. Грамматическая категория глагола, обозначающая различия в характере действия. Сравним следующие глаголы:

решать — решить
делать — сделать
обработать — обработать
прыгать — прыгнуть
прикасаться — прикоснуться

Каждая пара означает как будто одно и то же действие, однако в том, как оно представлено, есть различия. Глаголы в левом столбце обозначают действия длительные, неограниченные или повторяемые. Это глаголы несовершенного вида. Глаголы совершенного вида, помещенные справа, обозначают действия, взятые в целостности, законченные, достигшие результата.

Внутренняя рифма. Слова в середине стиха, рифмующиеся между собой или со словами в конце строки.

Блестели и пели капели,
Златился покров ледяной...
Сестрицы сидели и млели
В окошке весной под луной.

А. БЕЛЫЙ

Возвратный. Относящийся к действующему лицу, субъекту действия. Например, возвратные глаголы — это глаголы с частицей *-ся*, обозначающие действие, направленное на само действующее лицо (как бы «возвращающееся» к нему), сосредоточенное в нем: *мыться* (ср. *мыть* кого-либо или что-либо), *остановиться*, *образоваться*, *сориться*.

Вокализм. Система гласных звуков какого-либо языка.

Вольность поэтическая. Оправданное поэтической задачей отклонение от языковой нормы в стихотворной речи: «Томилась тайно, *воздыхала*» (Пушкин. Полтава);
Рука
кинула жало *стиснь*

МАЯКОВСКИЙ. Человек

Вольный (свободный) перевод. Перевод, не совпадающий с подлинником, передающий лишь общее содержание оригинала. Например, стихотворение М. Лермонтова «Горные вершины...» — вольный перевод стихотворения Гёте «Ночная песнь странника» (оно озаглавлено «Из Гёте»).

Вольный стих. Стих с неравным количеством стоп в строках и без строфы. Вольным стихом, например, пишется басня:

Дворовый, верный пес

Барбос,

Который барскую усредно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.

КРЫЛОВ. Две собаки.

Этим же стихом написаны комедия А. Грибоедова «Горе от ума» и драма М. Лермонтова «Маскарад».

Время. В языковедческой терминологии — категория глагола, соотносящая действие с моментом речи. Момент речи принимается в качестве точки отсчета для различения трех грамматических времен в русском языке: прошедшего (рассказал, рассказывал) — до момента речи, будущего (расскажу, буду рассказывать) — после момента речи, и настоящего, совпадающего с моментом речи (рассказываю).

Вспомогательный глагол. Глагол, употребляемый для образования форм других глаголов, например глагол *быть*, который в форме будущего времени употребляется для образования форм будущего времени глаголов несовершенного вида: буду работать, будешь ходить, будет лежать и т. д.

Второстепенные члены предложения. Все члены предложения, за исключением главных (подлежащего и сказуемого): обстояательства, определения, дополнения.

Вульгаризмы. Грубые, просторечные слова или выражения. Вульгаризмы могут употребляться в художественном произведении для передачи речи персонажа, для создания определенного впечатления, например:

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала.
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

БЛОК. Двенадцать.

Галлицизмы. Слова, заимствованные из французского языка, и обороты речи, составленные по французскому образцу: парвеню, шансонье, променад и т. п. Ср.: «Я вам пишу по-русски, мой добрый друг, — писала Жюли, — потому что я имею ненависть ко всем французам, равно и к языку их, который я не могу слышать, говорить... Мы в Москве все восторжены через энтузиазм к нашему обожаемому императору» (Л. Толстой. Война и мир).

Германизмы. Слова, заимствованные из немецкого языка, или обороты речи, составленные по немецкому образцу: танцмейстер, гауляйтер, вермахт. Ср.:

Из края в край, из весей в грады
Я был преследован судьбой

КЮХЕЛЬБЕКЕР.

Гипэрбола. Стилистический прием, состоящий в преувеличении; употребляется в целях усиления художественного впечатления. Например: «Миллион казацких шапок высыпал на площадь» (Н. Гоголь) «Раздирает рот зевота шире Мексиканского залива» (В. Маяковский).

Главные члены предложения. 1. В предложениях, обозначающих носителя признака и признак, приписываемый этому носителю в определенном временном плане — подлежащее и сказуемое (двусоставные предложения): «*Буря* мглою небо кроет»; «*Наша ветхая лачужка* и печальна, и темна».

2. В предложениях другого типа (односоставных) тот член предложения, который организует предложение, является его конструктивным центром: «В глазах у меня потемнело»; «...Зачем ума искать и ездить так далеко?»; «Жаркий июльский полдень».

Глагол. Часть речи, обозначающая действие, процесс или состояние и изменяющаяся по временам, лицам и числам (бежать, написать, толкнуть, темнеть, сидеть, сердиться).

Глаголица. Одна из двух древнейших славянских азбук, отличавшаяся сложным петлеобразным рисунком букв, впоследствии утраченная (в основу современного русского алфавита легла другая древняя славянская азбука — кириллица).

Гласные. Звуки речи, образуемые при свободном проходе воздуха, с меньшим участием шумов в полости рта, чем согласные: а, о, е, и, у, ы. В слове гласные играют слогаобразующую роль.

Глоссa. Перевод или толкование непонятого места в тексте древних памятников письменности.

Гнездо. Группа слов одного корня. Существуют словари, в которых слова расположены не по алфавиту, а гнездами, гнездовым способом. Например, при заглавном слове *бояться* объясняются и все однокоренные: боязнь, боязненный, боязливый, боязливо, боязливость, боязливый, боязно.

Говор. Разновидность языка, являющаяся орудием общения на более или менее ограниченной территории. Например: северновеликорусские говоры, говор села Михайловского.

Грамматика. 1. Морфология (совокупность правил об изменении слов) и синтаксис (совокупность правил о сочетании слов в предложении и о типах предложений). 2. Учебник, содержащий описание этих правил.

Гротэск. Своеобразный стиль в искусстве и литературе, в котором причудливо совмещается реальное и фантастическое, трагическое и комическое, а также произведение искусства, исполненное в гротескном стиле, например «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Нос» Н. Гоголя, комедии «Клоп» и «Баня». стихотворение «Прозаседавшиеся» В. Маяковского.

Губной звук. Звук, образуемый с помощью губ (б, п, м, ф, в).

Дактиль. Стихотворный размер, состоящий в повторении трех слогов, из которых первый является ударным, а два другие — безударными (— ◡ ◡):

Славная| осень! Здо|ровый, я|дренный
Воздух |усталые| силы бо|дрит;
Лед нео|крепший на| речке стуже|ной
Словно как| тающий| сахар, ле|жит.

Н. НЕКРАСОВ. Железная дорога .

Деепричастие. Неспрягаемая форма глагола, обозначающая второстепенное, добавочное действие и прилагающаяся в предложении к глаголу: «И шел, *колыхаясь*, как в море челнок Верблюд за верблюдом, *взрывая* песок. *Могаясь*, висели меж твердых горбов Узорные полы походных шатров». (Лермонтов. Три пальмы).

Деепричастный оборот. Конструкция внутри предложения, содержащая деепричастие и зависимые от него и поясняющие его слова: «Проселочным путем люблю скакать в телеге И, *взором медленным пронзая* ночи тень, Встречать по сторонам, *вдыхая о ночлеге*, Дрожащие огни печальных деревень» (Лермонтов. Родина).

Диалéкт. Местная разновидность языка. Это слово может употребляться в том же значении, что и говор (см. выше). Однако чаще им обозначают более широкое понятие — совокупность говоров, которым присущи общие характерные черты.

Диалектизмы. Свойственные каким-либо диалектам слова и выражения. Диалектизмы — один из источников обогащения литературного языка. Они могут быть использованы в художественных произведениях для создания местного колорита. Например, в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: гутарить — «говорить», вечерять — «ужинать», седач — «седой», кочет — «чехух», встречь — «навстречу» и т. п.

Диалектология. Наука о диалектах, говорах (см.).

Диалог. Разговор между двумя или несколькими лицами. Часть литературного произведения, состоящая из разговоров или литературное произведение, построенное исключительно на разговорах персонажей. Кроме драматических произведений, на диалоге могут быть построены и другие произведения, например, «Разговор книгопродавца с поэтом» А. Пушкина, «Журналист,

читатель и писатель» М. Лермонтова, «Поэт и гражданин» Н. Некрасова.

Диссонáнс. Один из видов неточной рифмы, в которой совпадают только послеударные звуки:

Крут

буржуев

озверевший *нóров*.

Тьерами растерзанные,

воя и *стена*,

тени прадедов —

парижских *коммунаров* —

и сейчас

вопят

парижскую *стеною*.

МАЯКОВСКИЙ. Владимир Ильич Ленин

Диссимиляция. Расподобление, замена одного из двух одинаковых или сходных звуков другим. В результате диссимиляции, например, название месяца *Февраль* превратилось в *Февраль*. В просторечии: *коридор*, *директор* произносятся как *колидор*, *дилектор*.

Дополнение. Второстепенный член предложения, обозначающий предмет: а) на который переходит действие, б) который является результатом действия, в) по отношению к которому совершается действие, г) либо обозначающий действие как объект, на который направлено другое действие.

Прямое дополнение выражено словом в винительном падеже без предлога, в предложении относится к переходному глаголу:

Высокий дом, широкий двор

Седой Гудал себе построил...

ЛЕРМОНТОВ. Демон.

Если при глаголе стоит отрицание, то прямое дополнение может быть выражено словом в родительном падеже: не построил *дома*.

Косвенное дополнение выражено словом в любом косвенном падеже с предлогом и без предлога: «И долго буду тем любезен я *народу*, Что чувства добрые я *лирой* пробуждал...» (Пушкин. Памятник); «Она мечтой стремится к *жизни* полевой, В деревню, к *бедным* *поселянам*...» (Пушкин. Евгений Онегин).

(Продолжение в следующем номере).

ДАТА ПРОПИСЬЮ...

Суворов умер в 1800 году, Левитан — в 1900-м, Джордано Бруно был сожжен в 1600-м. Как написать эти даты не цифрами, а словами — раздельно или слитно: *в тысяча восьмисотом* или *в тысячавосьмисотом*? Как вообще пишутся порядковые числительные? Вопрос не такой уж простой и вызывает желание поспорить с рекомендациями некоторых пособий.

Написание порядковых числительных зависит от того, как образованы соответствующие количественные. Многие количественные числительные состоят из нескольких элементов, которые формально не подчинены один другому, а просто стоят рядом («сополагаются»), например: *двадцать два, сто один, пятьсот тридцать шесть*. Порядковые числительные в таких случаях пишутся раздельно: *двадцать второй, сто первый, пятьсот тридцать шестой*.

Другие количественные числительные представляют собой сочетание числительного с родительным падежом «бывших существительных»: *пять тысяч* (числительное *пять* обозначает количество *тысяч*; элемент *тысяч* стоит в родительном падеже); *сорок два миллиона*; *сто тридцать восемь миллиардов*. По этому же образцу построены числительные типа *пятьдесят, шестьсот*, хотя и пишутся в одно слово.

Порядковые числительные, образованные от таких количественных, принято писать слитно: *пятитысячный, сорокадваумиллионный, стотридцативосьмимиллиардный, пятидесятый, шестисотый*. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (§ 82) по этому поводу говорится: «Пишутся слитно во всех падежах... порядковые числительные, последним элементом которых является *-сотый, -тысячный, -миллионный* и т. д...».

Но значит ли это, что порядковые числительные 1500-й, 1800-й тоже должны писаться слитно? В «Правилах» подобных примеров нет. В пособиях для учителей «Трудные вопросы грамматики и правописания»

В. А. Добромыслова и Д. Э. Розенталя (М., 1958, стр. 68) дается форма *тысячапятисотый*. На наш взгляд, такое написание неправомерно. В числительном *тысяча пятьсот* (и ему подобных) элемент *тысяча* просто «стоит рядом» с элементом *пятьсот*, не вступая в подчинительную связь и не обозначая количество «сот». *Тысяча пятьсот* совершенно аналогично числительным *тысяча один, тысяча десять, тысяча сто* и т. п.

Следовательно, писать нужно: *тысяча пятисотый* (как и *тысяча первый, тысяча десятый, тысяча сотый, тысяча девяносто шестидесятый*).

В названном пособии приводится также слово *миллионтрехсотсемидесятипятитысячный*. С таким написанием тоже нельзя согласиться. И не только потому, что получается слишком длинное слово. В числительном «1 млн 375 тыс» элемент *миллион* не управляет родительным падежом *тысяч* и потому в порядковом числительном должен писаться отдельно: *миллион трехсотсемидесятипятитысячный*.

А. Е. Супрун в своей книге «Имя числительное и его изучение в школе» (М., 1964, стр. 110) задает риторический вопрос: «Как образовать порядковое от 1 001 000 (миллион одна тысяча)? Миллионтысячный?».

Надо писать: *миллион тысячный* так же, как и *миллион первый*.

Говоря о числительном 4350, А. Е. Супрун не приводит соответствующего порядкового, сославшись на редкость подобных образований. Они действительно редки, однако структура и написание их вполне определены: *четыре тысячи триста пятидесятый* (количественное числительное состоит из сополагающих элементов: 1) четыре тысячи; 2) триста; 3) пятьдесят.

Итак, важно не то, какой элемент стоит последним, а то, каковы отношения между частями числительного...

Вернемся к началу нашей заметки. Суворов умер в *тысяча восьмисотом* году, Левитан — в *тысяча девятистом*, Джорджано Бруно был сожжен в *тысяча шестисотом* году.

Ю. В. СОЛЮНИЦЫН

Киров

Т Е Р М И Н Ы РОДСТВА И СВОЙСТВА В С О В Р Е М Е Н Н О М Р У С С К О М Я З Ы К Е

Небольшая группа слов современного русского языка — термины родства и свойства — обозначает отношения людей, возникшие между ними в результате кровнородственных и брачных связей, а также отношения, связанные с христианским обрядом крещения.

Собственно термины родства обозначают кровнородственные отношения людей: между родителями и детьми, предками и потомками, людьми, имеющими общих родителей и общего предка. В родстве по прямой линии состоят родители и дети, то есть прямые потомки и их предки. Родство по боковой линии образуют лица, находящиеся в кровном родстве через общего предка (братья и сестры, дядья, тетки и племянники).

Различают родство по восходящей линии — от потомка к предку (сын, отец, дед, прадед, прапрадед, прапрапрадед) и по нисходящей — от предка к потомку (отец, сын, внук, правнук и т. д.). и по матери и отцу.

В современном русском литературном языке, по данным словарей, употребляются следующие термины кровного родства:

По прямой линии

<i>отец</i> , в обращении <i>папа</i>	лицо мужского пола по отношению к своим детям
<i>мать</i> , в обращении <i>мама</i>	лицо женского пола по отношению к своим детям
<i>сын</i> (множественное число <i>сыновья</i>), уменьшительное <i>сынбк</i>	лицо мужского пола по отношению к своим родителям
<i>дочь</i> , уменьшительное <i>дочка</i>	лицо женского пола по отношению к своим родителям

<i>дэд, дэдушка</i>	отец отца или матери
<i>бабушка, бабка</i>	мать отца или матери
<i>внук</i>	сын сына или дочери
<i>внучка</i>	дочь сына или дочери

По боковой линии

<i>брат</i> (множественное число <i>брáтья</i>), уменьшительные <i>братёшка, братец, братик</i>	сын одних и тех же родителей по отношению к другим их детям
<i>сестра</i> , уменьшительное <i>сестрёнка, сестричка</i>	дочь одних и тех же родителей по отношению к другим их детям
<i>дядя</i>	брат отца или матери
<i>тётка, тётя</i>	сестра отца или матери
<i>племянник</i>	сын брата или сестры
<i>племянница</i>	дочь брата или сестры

Эти термины широко известны, общеупотребительны, в основном однозначны. Лишь четыре из них требуют некоторых пояснений. Слова *брат, сестра* в литературном языке обозначают и родных, и двоюродных, и троюродных братьев и сестер. Поэтому иногда для уточнения употребляются термины с определениями: родной брат, родная сестра, двоюродный брат и т. д. О лице, приходящемся кому-либо братом или сестрой по отчиму или мачехе, говорят, что он — *сводный брат*, она — *сводная сестра*. В кругах, связанных с буржуазно-дворянским бытом, употреблялись и пережиточно употребляются до сих пор специальные термины для обозначения понятия 'двоюродный брат', 'двоюродная сестра' — *кузён* (произносится: *кузён*), *кузина*. Заим-

ствованные из французского языка, они вошли в русский литературный язык, по данным словарей, лишь в XIX веке. Особенность терминов *дядя*, *тётка*, *тётя* в том, что они могут употребляться еще в значении 'муж тетки', 'жена дяди', выступая при этом уже не как термины родства, а как термины свойства.

Термины свойства называют лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза. Они называют одного из супругов по отношению к другому или его родственникам или родственников одного из супругов по отношению к родственникам другого. В современном русском литературном языке употребляются следующие термины свойства:

<i>муж</i>	мужчина по отношению к женщине, с которой состоит в браке
<i>женá</i>	женщина по отношению к мужчине, с которым состоит в браке
<i>свёкор</i>	отец мужа
<i>свекровь</i>	мать мужа
<i>тесть</i>	отец жены
<i>тёща</i>	мать жены
<i>дёверь</i>	брат мужа
<i>шурин</i>	брат жены
<i>золовка</i>	сестра мужа
<i>свояченица</i>	сестра жены
<i>свояк</i>	муж свояченицы
<i>зять</i>	муж дочери, муж сестры, муж золовки
<i>сноха</i>	жена сына по отношению к его отцу
<i>невестка</i>	жена брата, жена сына для его матери, жена одного брата по отношению к жене другого брата; употребляется также вместо <i>сноха</i> , <i>золовка</i> , <i>свояченица</i>
<i>сват</i>	отец одного из супругов по отношению к родителям другого
<i>сватья</i>	мать одного из супругов по отношению к родителям другого

К терминам свойства относят и слова, обозначающие лиц по отношениям, возникшим между одним из супругов и детьми другого от предшествовавшего брака. Это:

<i>бтчим</i>	неродной отец, муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака
<i>мáчеха</i>	неродная мать, жена отца по отношению к его детям от прежнего брака
<i>пáсынок</i>	неродной сын одного из супругов, приходящийся родным другому
<i>пáдчерица</i>	неродная дочь одного из супругов, приходящаяся родной другому

К этой группе относят и слова *женíх, невéста*, обозначающие в литературном языке лиц, вступающих в брак.

Названные термины и их значения приводят словари современного русского литературного языка. Однако далеко не все эти слова одинаково употребительны в настоящее время. Многие из них, даже если и бывают понятны человеку, не обязательно входят в его активный словарь. Более часты случаи употребления описательных названий вместо терминов свойства: *брат жены*, а не *шурин*, *жена брата*, а не *невестка* и т. п.

Термины родства и свойства принадлежат в языке к наиболее древнему слою лексики. Они теснейшим образом связаны с развитием человеческой семьи, ее форм. Многие из них восходят своими корнями к родо-племенному строю, к периоду матриархата.

Некогда у восточных славян, в частности у русских, терминов родства и свойства было больше. Существовали специальные слова для обозначения 'дядя по отцу' — *стрый* (строй) и 'дядя по матери' — *уй* (вуй, вой), вытесненные впоследствии общим *дядя*. Вместо *сестринич, сестринец, сестрич* 'племянник по сестре', *сестрична* 'племянница по сестре', *сыновица* 'племянница по брату' в литературном языке стали употребляться *племянник, племянница*. Исчезли и *ятровь, свесть* 'свояченица'.

По сравнению с литературным языком в диалектах, в речи сельского населения термины родства и свойства предельно гораздо шире. Так, литературному *мать, мама* по говорам может

соответствовать — *мамáня, мáмка, мáтика, матеря, мáтушка*, литературному *отец, папа* — *бáтя, бáчка, бáцка, батéня, пáпка, папáня, тýтя, тýтка*. Особенно много синонимов в говорах для литературного *брат*: *братáк, братáнич, братáрь, братéйник, братéльник, братéна, братéнец, братéнник, брáтень, братéняк, брáтич, брáтка, брáтня, братовшá, братúха, братáн, братáнник, братéник*. Некоторые из этих слов могут иметь значение 'родной брат',

‘двоюродный’, ‘троюродный’. В некоторых говорах для понятия ‘двоюродный’, ‘троюродный брат’ существуют особые слова: братáльник, братáш, братím, братский, брáтя. Специальные термины существуют и для понятия ‘двоюродная’, ‘троюродная сестра’ — сестрёй, сестрёйка, сестрёница, сестрянка, братáнья. Слову *тётка*, *тётя* в говорах может соответствовать *тёга*, а ‘жена дяди’ — дядина, дёдина, слову *дядя* — дядюха, дййна, братэльник, братька, слову *племянник* — братённик. Особое название, например, в пермских говорах имеют дети вдовы по отношению к отчиму — *приведённик*, *приведённица*. Наряду с *пáбчерица* там скажут и *пáдчорка*.

Перечень терминов свойства по говорам в целом не отличается большим многообразием от литературного языка. Лишь для *свекровь* и *своляченица* отмечается разнообразие форм, начиная от очень древних, кончая новообразованиями: свекры́, свекровья́, свекро́вка, свекру́ха и свесь, свесь, свёсья, свойчина́, свойка́. В основном же многие из терминов литературного языка в говорах имеют более широкое или просто иное значение. Если в литературном языке, по данным словарей, различаются *сноха* и *невестка*, то в говорах *сноха* может иметь еще и значение ‘жена мужнина брата’, ‘жена племянника’, ‘жена внука’. В рязанских говорах, например, может быть даже *двоюродная сноха* ‘жена двоюродного брата’. Слово *brateц* в архангельских, псковских говорах употребляется со значениями ‘деверь’ и ‘шурин’. *Своляк* в рязанских говорах ‘шурин’ и ‘зять’, а словом *зять* в тех же говорах называют и мужа золовки и мужа племянницы, и зятя. В целом термины свойства в говорах сохраняются более стойко и употребляются более последовательно. Это объясняется тем, что среди сельского населения дольше, чем в городе, сохранялись патриархальные отношения, связанные, в частности, с большой семьей.

Литературный язык и говоры не изолированы друг от друга. Под влиянием литературного языка то или иное слово в говорах

может выйти из употребления. Если в речи старшего поколения в рязанских говорах принято обращаться к теще, называя ее *ма-маша*, то молодежь и родную мать и тещу называет *мама*. Но может быть и обратный процесс: под воздействием диалектов некоторые из рассмотренных терминов проникают из говоров в литературный язык. Так, Словарь С. И. Ожегова приводит, правда, с пометой «просторечное» слова *багя*, *багька*, *гягя*.

Нельзя не упомянуть и о небольшой группе терминов свойства более позднего происхождения, в настоящее время мало употребительных. Это термины, возникшие в связи с христианским обрядом крещения: *крёстный* (отец), *крёстная* (мать) — ‘участвующий (участвующая) в обряде крещения в роли духовного отца (матери)’, *крёстник* (крёстный сын), *крёстница* (крёстная дочь) — ‘крещеный (крещеная) по отношению к своим духовным отцу и матери’, *крёстный брат*, *крёстная сестра* — ‘дети, крещенные при участии одного и того же крестного (крестной) по отношению друг к другу’. Сам крестный отец по отношению к родителям крестника или крестницы и к крестной матери называется *кум*, а крестная мать — *кума*.

В целом группу терминов родства и свойства в современном русском языке можно характеризовать как замкнутую, с тенденцией к сокращению с заменой в каких-то ее частях простых терминов сложными.

Т. А. СУМНИКОВА
Рисунки Э. А. ШИРОВА

Справка

Какие темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе были в 1968 году?

Ленинградский ордена Ленина
Кораблестроительный институт

1. «Новые люди» в изображении Тургенева и Чернышевского.
2. Ленин в творчестве Маяковского и Горького.
3. Маяковский — сатирик.

Кировский
сельскохозяйственный институт

1. «Ленин с нами, бессмертен и величав!» (В. Маяковский)

2. Картины природы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»,
3. «Пока свободю горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»

А. С. Пушкин.

Саратовский
государственный университет

1. «Нет пути к счастью более верного, чем путь свободной труда!» (М. Горький)
2. Автор и его герои в романе Пушкина «Евгений Онегин».
3. Онегин и Ленский.
4. «Бунтующее сердце» (Базаров).
5. Рассказы о великих ученых — патриотах нашей родины.
6. «Наука требует от человека всей его жизни» (И. П. Павлов)

(Продолжение см. в следующем номере)

поэма “Русской рези”

● Обратные словари

За последние 15 лет издано несколько обратных словарей, посвященных славянским языкам: старославянскому, польскому, сербскохорватскому, русскому. Не остались без внимания и современные итальянский, французский, немецкий и другие языки. Всего насчитывается более 30 обратных словарей разных языков.

На основе широко известных словарей русского языка Д. Н. Ушакова (1935—1940) и С. И. Ожегова (1953) за рубежом появились почти одновременно два обратных русских словаря: в ФРГ двухтомный обратный словарь (Russisches rückläufiges Wörterbuch. Berlin — Wiesbaden, 1958—1959) под руководством М. Фасмера, и в ГДР — однотомный обратный словарь (Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958) под руководством и редакцией Г. Бильфельдта. Объем их неодинаков, потому что словарь Г. Бильфельдта — это словарь современного (der gegenwart) русского литературного языка. Помимо словарей Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, в нем использован также «Орфографический словарь русского языка» (1957).

В Обратном словаре русского языка М. Фасмера дан материал из Словаря Д. Н. Ушакова и из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е издание, 1903—1914). Таким образом, в Словаре М. Фасмера включены слова не только литературного языка, но и областные, причем в словаре они не разграничены.

Наших читателей интересует, что собой представляют обратные словари и чем вызвано их создание.

В обратных словарях в разделах под *А*, *Б*, *В* и т. д. помещаются слова, которые заканчиваются на данную букву. Откроем, например, страницу 50 словаря под редакцией профессора Г. Бильфельдта, где помещены слова с конечной буквой *г*:

зигзаг	аншлаг	продмаг
лаг	форшлаг	универмаг
архипелаг	дуршлаг	сельмаг
флаг	флительшлаг	ареопаг
обшлаг	маг	и т. д.

Здесь строго соблюден алфавитный принцип, но только с конца слова: газг — гал — гале — галф — галшб — галшн — галшро — галшпру — галшь — гам — гамд — гамр — гамь — гапо и т. д.

Составление обратного словаря требует большого, кропотливого и, казалось бы, малоинтересного труда. Однако результаты работы полностью оправдывают затраченное на нее время. Обратные словари дают большой и ценный материал для грамматических наблюдений. Предположим, вас заинтересовало, насколько употребителен суффикс *-тель* в русском литературном языке.

Вы находите в словаре Г. Бильфельдта статью на букву *ь*. На стр. 239—242 перечислены существительные с суффиксом *-тель*. Если бы вы захотели найти их не в обратном, а в «прямом» словаре, вы потратили бы очень много времени.

Сложнее обстоит дело с историческими словарями того или иного языка. В обратных словарях современного языка, как правило, все или почти все слова не требуют толкования; в обратных словарях, отражающих язык прошлого, читателю нашего времени не все ясно. Вот почему такие словари всегда требуют «подкрепления» в «прямых» словарях.

Опыт составления обратного словаря древнерусского языка проделан славистами Польской Академии наук под руководством А. Обрембской-Яблонской. В Варшаве в 1968 году вышла очень полезная и нужная для языковедов-славистов книга «Indeks a tergo do Materialów do Słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego».

Как видим, в основе ее лежит трехтомный труд известного русского языковеда И. И. Срезневского «Материалы для Словаря древнерусского языка», 1893—1912 (переиздан в 1958 году).

Система обозначений, принятых в обратном словаре при том или ином слове, позволяет выяснить, есть ли в труде И. И. Срезневского варианты данного слова, повторяется ли оно больше одного раза и т. д.

Названные нами обратные словари, вышедшие за рубежом, не учитывают последних достижений нашей отечественной лексикографии. Вот почему мы вправе ожидать от советских лексикографов обратного словаря современного русского языка на основе 17-томного академического словаря русского языка. Крайне желательно, чтобы одновременно с выходом «Древнерусского словаря XI—XIV вв.» и «Малого древнерусского словаря XI—XVII вв.» (работа над ними ведется в Институте русского языка АН СССР) были бы изданы и обратные словари древнерусского языка.

В. Б.

● Данилович или Данилович?

Ленинградец Даниил Иванович Погорельский в своем обстоятельном письме обращает наше внимание на то, что в разных книгах и справочниках приводятся неодинаковые рекомендации относительно образования отчества от его имени: Данилович и Дани-

илович. Д. И. Погорельский интересуется, какое из отчеств правильнее.

Пришедшее на Русь вместе с христианской религией семитское по происхождению имя *Даниил* в устах народа приобрело народно-разговорный облик *Данило*, *Данила*. От *Данило* было образовано отчество *Данилович*.

Вообще раньше отчества, как правило, производили от народных, а не от церковно-книжных форм имен, поэтому отчество *Данилович* получило очень широкое распространение и даже стало восприниматься как отчество от церковно-книжной формы имени *Даниил*.

В форме *Данилович* отразилась другая тенденция — нормализаторская, в которой ярко обнаружилось стремление не допустить фонетического разрыва между именем отца *Даниил* и отчеством сына. Это стремление сохраняло звуковое единство имени отца *Даниил* и образованного от него отчества *Данилович*, причем ударение оставалось без передвижения. Та же тенденция обнаруживается в традиционных еврейских отчествах *Рафаилович*, *Самуилович*.

Следовательно, от имени *Даниил* возможно два отчества: традиционное *Данилович* и более новое *Данилович*, которое сохраняет фонетическое единство отчества сына с именем отца и поэтому более удобно, так как не смешивается с отчеством от *Данило*.

И. Г. Добродомов

● **Хлопотливая должность**

Читатель В. И. Розенблюм (Ленинград) пишет: «В ленинградской газете „Смена“ (18 августа 1968) была напечатана статья под названием „Хлопотливая должность“. Правильно ли такое название? Мне кажется, что слово *хлопотливая* применимо к одушевленным предметам (например, *хлопотливая старушка*, то есть *заботливая*). В отношении должности, вероятно было бы лучше сказать *хлопотная*, *беспокойная*».

Употребленное в газете выражение *хлопотливая должность* правильно. Прилагательное *хлопотливый* имеет несколько значений и может относиться как к одушевленным, так и к неодушевленным существительным, например: «Раздался громкий крик хлопотливых птиц» (М. Горький); «Служба его была беспокойная, хлопотливая» (К. Федин). В первом примере слово *хлопотливый* употреблено в значении ‘склонный к хлопотам, суетливый’, во втором — ‘доставляющий хлопоты, связанный с хлопотами».

А вот слово *хлопотный* имеет одно значение — ‘доставляющий хлопоты, связанный с хлопотами’ и сочетается только с неодушевленными существительными. В современном языке оно употребляется реже, чем *хлопотливый*. Тем не менее, указанное в письме сочетание *хлопотная должность* вполне допустимо.

Д. И. Буторин

● «Бова» Радищева и «Песнь о Гайавате»

Читатель М. Г. Кропачев из Омска поделился с редакцией интересным наблюдением. Он заметил, что начало поэмы А. Н. Радищева «Бова» удивительно напоминает «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в переводе И. А. Бунина.

И в самом деле, читая

Из среды туманов серых
Времен бывших и протекших,
Из среды времен волшебных,
Где предметы все и лица,
Чародейной мглой прикрыты,
Окружены нам казались
Блеском славы и сияньем...

трудно не вспомнить хотя бы

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом диким и стозвучным...
Я скажу вам, я отвечу...

Обе поэмы написаны совершенно одинаковым стихом — четырехстопным хореем без рифмы с неизменным безударным, так называемым женским окончанием каждой строки. Стих своеобразный и относительно редкий. Откуда он взялся у А. Н. Радищева на рубеже XVIII—XIX веков, в допушкинскую пору, когда в русской поэзии еще не прозвучали многие более знакомые и привычные нам теперь формы стиха?

Вот что сказано в книге известного литературоведа Б. В. Томапевского «Стилистика и стихосложение» (Л., 1959, стр. 373—374):

...Хорейческие размеры имитировали народную песню. Это шло еще с XVIII века. Вот, например, один размер, введенный Карамзиным и довольно популярный на протяжении долгого времени. Это размер не оконченной Карамзиным стихотворной сказки «Илья Муромец» (1794)... Стих этот без рифмы. Мы видим, что это — хорейский размер... четырехстопный хорей не с обычными мужскими и женскими окончаниями..., а с дактилическими окончаниями... Вот как звучат стихи «Илья Муромца» Карамзина...:

Нам другие сказки надобны,
Мы другие сказки слышали
От своих покойных мамушек.
Я намерен слогом древности
Рассказать теперь одну из них...

К этой сказке Карамзин присоединил примечание, где, между прочим, говорит о размере стиха, им примененного: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами»... Как абсолютную истину это утверждение Карамзина принимать нельзя, но ритм, приближающийся к этому, действительно встречается в народной песне.

Вспомним, что мужским окончанием называется ударный слог на конце строки, женским — безударный, а дактилическим — два

безударных слога. Как один слог может изменить звучание стиха, видно хотя бы из такого примера: ритм «Гайаваты» отличается от ритма «Василия Теркина» всего-навсего одним безударным слогом на конце строки. И даже не каждой строки, а только четной — через одну. В стихе поэмы Твардовского этого слога нет. Предположим, что И. А. Бунин переводил бы «Гайавату» ритмом «Книги про бойца». Тогда бы он написал, скажем, не так:

Если спросите — откуда...
Я скажу вам, я отвечу...

а как-нибудь так:

Если спросите — откуда,
Я скажу вам, дам ответ...

Строка «Я скажу вам, дам ответ» — пример хорей с мужским окончанием, «Я скажу вам, я отвечу» — с женским, а дактилическое окончание было бы у строки «Я скажу вам, я отвечу вам» — таким размером как раз и написан «Илья Муромец» Карамзина. А хорей с чередованием мужских и женских окончаний — хорей «Теркина» — один из самых распространенных в нашей поэзии размеров. Таким стихом (обычно с рифмой) в России много писали уже, примерно, начиная со второй половины XVIII века.

Карамзин, взявшись за сюжет об Илье Муромце и желая приблизить звучание стиха к народному, отказался от рифмы и вместо оживленного чередования мужских и женских окончаний применил во всех строчках однозвучное и как бы несколько растянутое, распевное дактилическое окончание. «Илья Муромец» Карамзина, хоть и остался незаконченным, имел успех. И когда А. Н. Радищев, несомненно, не без влияния Карамзина, стал писать поэму «Бова. Повесть богатырская стихами» (тоже, кстати, оставшуюся незаконченной), он и форму стиха для нее выбирал, видимо, исходя из стиха карамзинского «Илья».

Он, казалось бы, оставил по-старому почти все — и размер, и белый, без рифмы, стих, и равномерные, одинаково звучание окончания строк — он только и сделал, что от каждого окончания отсек по одному-единственному безударному слогу, превратив, таким образом, одинаковые дактилические окончания в одинаковые женские.

Радищев написал не

Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались...

(это был бы ритм «Илья Муромца»), а написал

Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались...,

и стих сразу приобрел характерное звучание, так знакомое нам по «Гайавате» Бунина. Таким же стихом написана и другая незаконченная поэма А. Н. Радищева «Песнь историческая».

Интересно, что А. С. Пушкин в лицейский период тоже собирался написать поэму о Бове. Сохранилось даже начало от нее, где, между прочим, сказано:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Однако сам Пушкин выбрал все-таки не радищевский, а карамзинский стих. Вообще такой хорей, замедленный дактилическим окончанием, как видно, с легкой руки Карамзина стал считаться «совершенно русским» и особенно часто применялся для стилизации под народную сказку и вообще под фольклор. А характерный стих «Бовы» не нашел себе такой сферы применения. И в нашем представлении он, пожалуй, действительно тесней всего связан со знаменитым переводом И. А. Бунина, который сумел особенно полно раскрыть таившиеся в этом стихе поэтические возможности. И. А. Бунин, конечно, не искал и не выбирал его. Просто «Песнь о Гайавате» Лонгфелло написана по-английски именно таким стихом.

А. И. Журавлева